

НОВАЯ ПОЛЬША

№11⁽⁴⁷⁾

2003

Наталья Горбаневская о Юзефе Чапском
А.Д.Ротфельд о Михаиле Горбачеве
САГА РОДА СЛОНИМСКИХ
Януш Тазбир: 1000 лет вместе
Генрик Юзевский и Симон Петлюра
ХАННА ГЕРЕМЕК О ФАДДЕЕ ЗЕЛИНСКОМ
БЕСЕДА С ПАВЛОМ ХЮЛЛЕ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11(47)
2003
НОЯБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Наталья Горбаневская
«ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ»

3

Адам Даниэль Ротфельд
УСПЕХ НЕУДАЧИ, ИЛИ ФЕНОМЕН МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА

10

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

16

БЫЛА БЫ ИДЕЯ

Эва Весоловская, Дариуш Стасик
МАЛОЕ — ПРЕКРАСНО

22

КАК РАЗВИВАТЬСЯ В РАМКАХ ЕВРОСОЮЗА

24

Артур Гузицкий
ВОЗВРАТЫ БЕЗ ПРИКАЗА

26

Янина Куманецкая
САГА РОДА СЛОНИМСКИХ

29

Чеслав Милош
ГОРЬКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

35

Януш Тазбир
1000 ЛЕТ ВМЕСТЕ

37

Агнешка Зегер
ПЛЕНЭР В ТЫКОЦИНЕ

39

из-под спуда

Александр Смыкалин
ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА УРАЛЕ

40

Михал Журавский
ВОСПОМИНАНИЯ О СТЕФАНЕ РОДЗЕВИИЧЕ

43

Стефан Родзевич
ПОЛЯК, СОВЕТСКИЙ ПРОКУРОР

43

Петр Мицнер 45
ГЕНРИК ЮЗЕВСКИЙ

Генрик Юзевский 47
СЛОВО О ПЕТЛЮРЕ

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 51
ПОСЛЕ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ
Беседа с проф. Генриком Стронским

Ханна Геремек 55
ФАДДЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ
И ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ

Фаддей Зелинский 62
КРАСНАЯ НАУКА

Лешек Шаруга 67
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 70
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Янина Куманецкая 74
НЕРЕАЛЬНЫЙ МИР ЯНА ЯКУБА КОЛЬСКОГО

Павел Яблонский 75
ПОЛЬША ПОЛОНИЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Наталья Будзан 78
ВАХТАНГОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЛЬШЕ

ЮБИЛЕЙ КОМПОЗИТОРА И МУЗЫКОВЕДА 79
Витольду Рудзинскому исполнилось 90 лет

САМАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ — ТВОРИТЬ 81
Беседа с Павлом Хюлле

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава

тел.: (0-22) 608 27 95; 608 25 65

факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96

e-mail: powpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д. 15, кв. 49

тел.: 280-83-52

e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению

Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Наталья Горбаневская

«ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ»

Перечитывая статьи Юзефа Чапского

Десять лет назад он сделал мне такую надпись на книгу «Гул и видения» («Tumult i widma»):

«Наташе Горбаневской с надеждой, что она заглянет в те главы, где речь идет о России, которые я обозначил крестиками.

С уважением и дружбой

*Йосиф Чапский
21X81»*

Я, конечно, не только «заглянула» в те главы — собственно, статьи, раньше печатавшиеся в основном в «Культуре», а теперь сложившиеся в удивительно цельную книгу. Кое-что (в частности, статью о Ремизове «Montagnes russes», поскольку как раз тогда выходила книга Ремизова «Учитель музыки») я сразу перевела и напечатала в «Русской мысли». Но к книге статей Чапского я возвращалась неоднократно, обнаружив, что России касаются не только «главы, обозначенные крестиком». Русская (российская¹) тема возникает у Чапского на разных перекрестках личной судьбы автора (художника, писателя, офицера, публициста) и его размышлений, связанных с национальной польской судьбой. Не случайно вышло так, что еще один сборник статей Чапского, выпущенный в 1989 году в Варшаве (кстати, тем же издательством «Помост», которое потом печатало нам два номера «Континента»), получил название «Тайная свобода» («Swoboda tajemna»): крылатое блоковское

слово вылетело на обложку из заглавия статьи «Блок и тайная свобода», хотя и в этом сборнике лишь небольшую часть статей можно было бы смело «обозначить крестиками» как целиком посвященные России или русской литературе.

Самая знаменитая книга Юзефа Чапского — конечно, «На бесчеловечной земле» («Na nieludzkiej ziemi»). (Вот еще задача для переводчика: достаточно ли точно переводится «нелюдская», «нечеловеческая» наиболее удобным «бесчеловечная»?) Я не знаю, но надеюсь, что эта книга уже поставлена в план какого-нибудь российского издательства и переводится. Во всяком случае, тамошние эксперты по польской литературе навер-

няка объяснят, если не объяснили уже, что эта книга — один из капитальных пропусков советского подцензурного книгоиздательства и что с отменой цензуры (стучу по дереву!) ее надо выпустить безотлагательно. Это кусок и нашей истории.

Напомню, что главный предмет книги — розыски почти пятнадцати тысяч пропавших без вести польских офицеров из лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. Эти розыски командующий формирующейся в СССР Польской армии генерал Владислав Андерс поручил ротмистру Юзе-

фу Чапскому. Сам Чапский принадлежал к тем нескольким сотням офицеров, которые, по неясной прихоти судьбы, не стали жертвой массовых убийств: их вывезли не к месту уничтожения, а в другой лагерь.

Офицеры, которых держали в Козельском лагере (в Оптиной пустыни), «нашлись» уже после вывода польской армии с территории СССР — в замаскированных лесопосадкой братских могилах на территории Катынского леса. Сейчас, когда — 50

¹ В польском языке одно слово — *rosyjski* — означает и «русский», и «российский». Отсюда — сложности для переводчиков и определенная произвольность перевода: в каждом случае приходится выбирать.

лет спустя после преступления! — советская сторона наконец-то сквозь зубы признала, что убийства совершены органами НКВД весной 1940 года (как было известно всем на свете — включая, смею заверить, и советских историков), а не гитлеровцами то ли летом, то ли осенью 41-го (как десятилетиями твердила коммунистическая пропаганда), обнаружено, кажется, и место захоронения товарищей ротмистра Чапского по Старобельскому лагерю. Я говорю «кажется», потому что до сих пор (я пишу это в начале 91-го года) не достигнуто соглашение о порядке проведения эксгумации и нет особых оснований доверять результатам вскрытия предполагаемых могил, если его будет проводить Харьковское УКГБ без участия польских экспертов, на котором настаивает прокуратура Польской Республики.

Книга на такую трагическую тему, написанная поляком, вполне могла бы остаться в рамках показа одной лишь «бесчеловечности» земли, где погибли эти тысячи польских офицеров — и еще сотни тысяч поляков, вывезенных в лагеря или на поселение. Но и в ней Чапский выходил за рамки только польской темы, показывая, как эта земля, эта страна бесчеловечна по отношению к своим гражданам. К их судьбе, судьбе людей, которых он встретил на «бесчеловечной земле», Юзеф Чапский возвращался неоднократно.

«Православные люди сегодня либо рассеяны по всему свету, либо они в России, в катакомбах. Я многого не мог написать об этом в моей книге. Я слишком боялся повредить случайно встреченным людям, но это факт. Не могу забыть и о плитах XVIII века, надгробных плитах русских монахов, на которых нам случалось сидеть в Грязовце, где под бледным вологодским небом стояли руины взорванной церкви и где 400 польских военнопленных пришли на место тысячи с лишним финских пленных, чтобы жить там два года за толстыми монастырскими стенами. Не смогу забыть ни ту девушку, которая таинственно показала мне крестик на шее, ни старушку, прятавшую обрывок бумаги с выведенными неумелой рукой словами предсмертной молитвы, которую православные там кладут на лицо в момент кончины вместо заупрещенного отпевания. Не забуду и того полковни-

ка действующей армии, советского человека, который через десять минут после нашего знакомства говорил мне, как брату, о Русской Церкви в катакомбах, хотя знал, что мое неосторожное слово о том, что он рассказывал, было бы для него гибелью. В «Via dei Fiori» я описал судьбу нескольких русских монахинь, которые еще в 1941 или 1940 году страдали в лагерях, были судимы, а трех из них приговорили к смерти, потому что ни одна, хоть всех морили голодом, не согласилась работать на советскую власть, на «власть сатаны», как они говорили. Это было 24 года спустя после того, как власть в России захватила партия, которая всем, чем могла: убийствами и ссылкой, искусственно монтируемыми конкурентными «Церквями», —

ликвидировала всякую религию — «опиум для народа». (Прав ли был Маритен? — «Культура», 1949, №3)

«...в сентябре 1941 года, когда я ехал по железной дороге из Вологды в приволжские степи, я второй раз наблюдал тот же феномен исчезновения магии, но уже советской, в каждом городе,

в каждой деревне, через которые мы проезжали. Сталин тогда бросил на фронт большую часть НКВД. Советская армия миллионами сдавалась немцам. «Немец?! Пускай приходит! — кричали крестьянки. — Все наши деревенские, триста человек, пошли на фронт. Надели кресты на шею и все сладутся». «Долой Сталина!» — слышал я повсюду. Еще сегодня у меня перед глазами стоит полный ужаса взгляд одного энкаведиста, который в присутствии новобранцев не смел себе на станции кипятку для чая налить. Глаза у него были, как у удиравших от толпы полицейских в 1917 году (в феврале. — Н.Г.). Надо было жить в России, чтобы знать, какой это был внезапный психический переворот. Эти люди ненавидели Сталина, но не знали, что их ждет. Преступные, бессмысленные зверства, от которых погибли миллионы людей, будут делом как раз тех, кого ожидали как избавителей. Только тогда Гитлер оказал свою величайшую услугу Сталину: он спас Сталина». (В Берлине об объединении Европы. — «Культура», 1951, №9).

В вышеприведенной статье «Прав ли был Маритен?», споря отчасти с Маритеном, а еще больше с польским публицистом Вацлавом Збышев-

ским, который выступил с резкой критикой только что вышедшей «Бесчеловечной земли», Юзеф Чапский писал о своей книге:

«Речь идет об отношении к России. Оно у меня вовсе не такое, как у «изысканного» путешественника, полу-Пруста, поехавшего в Россию с экскурсией. Для меня оно — выражение позиций человека и поляка, который прожил в России много лет, ненавидит то, что в России постыдно, восхищается тем, что достойно восхищения. Только такое отношение представляется мне достойным известной польской традиции, доминирующей в польской словесности традиции Мицкевича, Норвида, Бжозовского и тысячи меньших. Той традиции, от которой мы уклониться не можем, ибо она нас обязывает, или же нам придется открыто перечеркнуть ее и бороться против нее».

И далее:

«Не в том дело, люблю я Россию или ненавижу. Дело в том, что вычеркнуть ее из истории ни один поляк не сможет, что ее история и литература принадлежат мировой культуре, что она имела и по сей день имеет огромное влияние на умственную формацию на Западе — влияние не только негативное».

Утверждение: «Не в том дело, люблю я Россию или ненавижу», — и верно, и неверно. «Не в том», но и в том. Любовь ли заставляет познавать чужую страну и культуру, знание ли порождает любовь — во всяком случае, ненависть легко порождается агрессивным нежеланием знать, желанием отгородиться. Юзеф Чапский принадлежит к тому поколению поляков, которое не только родилось в границах Российской империи, но и воспитывалось в России, на русской культуре. Дважды в статьях он вспоминает, как впервые ощутил свою принадлежность к культуре. Приведу отрывок из статьи «О Бжозовском» («Культура», 1963, №1-2).

«Я открыл Бжозовского только в 1919 году в Кракове, после инкубации в России. Еще на школьной скамье в Петербурге русская литература, российская действительность были моими первыми интеллектуальными переживаниями, которые навсегда оставили во мне свой

след². В Бжозовском я с первой минуты обнаружил ту же температуру мысли. В своих сочинениях он неоднократно пишет о том, скольким он обязан России; по его мнению, российская общественная мысль была глубже, чем на Западе, полнее и современной, чем в Польше. (Мицкевич писал то же самое о николаевской России в письмах к Одинцу).

Если я где-то ощущал, что к интеллектуальным вопросам относятся так, словно это вопросы жизни и смерти, то именно в России. <...>

Я приехал из России, пережив там две революции, первую из них, февральскую, — в Петрограде. Белые ночи того лета, в городе, полном головокружительных надежд и потрясений, где не было молока и сахара, но где площади до утра заполняли толпы людей всех сословий, которые часами, сгрудившись кучками, без криков, страстно-сосредоточенно спорили о том, есть Бог или нет, оправдана или нет какая бы то ни было собственность, о братстве людей, уничтожении всех границ, о новой справедливости. В том же Петербурге-Петрограде создавался первый Всероссийский совет рабочих и солдатских депутатов, а председатель его, социалист Церетели, только что выпущенный из царской тюрьмы, огласил призыв к солдатам всех воюющих держав, чтобы они сложили оружие и через горы трупов жуткой войны все побратались. Обрывок газеты с этим призывом я много месяцев носил с собой. Сегодня трудно понять, как тогда звучали эти слова братства, обращенные ко всему свету. Новая миллениарная надежда? Так случилось, что уже перед самой октябрьской революцией я присутствовал при двухчасовом драматическом рассказе Церетели о распаде всей власти под натиском большевистской партии. Уже тогда судьба России выглядела решенной.

² Приведу все-таки небольшую цитату из другой статьи: «Школы в Петербурге, первые мощные литературные впечатления, выходящие за пределы литературы, — Толстой, Достоевский (отнюдь не Мицкевич или Словацкий), потом революция и магия ее универсализма, даже когда я был против нее, — все это создавало во мне комплекс неполноценности поляка. (...) В тени Толстого, Достоевского, потом революции Польша для меня пахла какой-то провинциальностью в сравнении с Россией, титанической, жестокой, экстремистской и гениальной». — «Тот берег» и мои воспоминания («Культура», 1961, №5).

Потом я еще два раза с поддельными документами возвращался в Петроград, уже после победившей Октябрьской революции. Но это уже были две зимы террора, расстрелов, переполненных тюрем, голода. (...)

Идя в глубину этой книги, я с упоением открывал то, чего Россия никогда мне дать не могла: мой путь к идее человечества, прельстивший меня на Востоке, ведет через Польшу. Ее развитием я не только не должен, но и не имею права пренебрегать. С помощью памфлета на Польшу, впавшую в детство, единственную, которую я до тех пор знал, я открывал другую Польшу. Мой комплекс неполноценности по отношению к великой родине Толстого, Достоевского и революции перестал существовать».

Через Бжозовского, вспоминает Юзеф Чапский, он увидел Мицкевича. Сквозь то немногое, что написал Станислав Бжозовский о Норвиде, Чапский, совсем тогда не знавший этого великого поэта, «предошутил» его. Затем Циприан Камиль Норвид вошел в круг его постоянного чтения. Книгу писем Норвида ротмистр Чапский взял с собой, уходя на войну в сентябре 1939 года, она была с ним и в советском плену. Обращаясь к письмам Норвида, Юзеф Чапский многократно подчеркивает нестандартность норвидовского подхода к России.

«В разгар восстания в меморандуме Меровскому и во многих письмах он <Норвид> призывает нас помнить не только о том, что отделяет нас от России, но и о том, что нас с ней соединяет.

Он пишет, что «к словам «москаль» и «Москва» питать отвращение — это и противоисторическая, и противополитическая деятельность», так как и в России, считал Норвид, мы должны искать и находить друзей, не осуждая ее огулом, именно тогда, когда мы против нее боремся. Что сказали бы сегодня о человеке, который высказывал бы такие истины столь же резкими словами? Но понятие Польши и борьбы за Польшу у Норвида всегда было связано с тем, что он называл чувст-

вом человечества, и поэтому он нам сегодня так нужен: как тогда, так и сегодня он был бы ярым противником узких национализмов — катастрофы нашей эпохи». (*Торжественное заседание и Норвид. — «Культура», 1958, №12*).

К Норvidу Чапский обращается в статье, которая, пожалуй, наиболее полно выражает его credo польско-русских отношений, — «Народность или исключительность?» («Культура», 1958, №9). Это одна из тех самых глав, «обозначенных крестиками», и я приведу ее здесь почти целиком.

«...в разговорах со многими приезжими из Польши меня поражает жар, сила доведенной до крайнего раздражения травмированности Россией.

Милош в своей работе о Конраде показывает, как сходно было отношение Конрада к России и заурядное мнение шляхтича с восточных окраин Польши его времени. Как для этого английского писателя, давным-давно оторванного от Польши, так и для круга, откуда он был родом, Россия — это жестокий и злой мир, это, как писал еще отец

Конрада Аполлон Коженевский, «государство, что посиживает, как домашний вор, на европейских правительствах».

И вот снова, после двадцати лет моей разлуки с Польшей, мне кажется, что антирусская настроенность сейчас даже сильнее, чем в те времена, когда ссылки и принесенные страдания выковывали мир чувств Конрада и формировали его мировоззрение. Сколько раз я слышу инстинктивный ответ на вопрос о России: «Я не знаю о ней ничего». Те же самые слова Конрад — автор книги «В глазах Запада», — который питал отвращение к Достоевскому (и все-таки однажды признал, что «Достоевский глубок как море»), который прожил детство в России, где в вологодской ссылке умерла его мать, написал Гарнетту: «Я не знаю о России ничего». Когда я слушаю рассказы людей, близкие которых погибли в России или из-за нее, когда они высказывают свое мнение о России, я чувствую, будто каждый из них прикасается к какой-то магической границе,

пересечь которую он не в силах или не в состоянии, к границе, за которой взгляд на Россию, образ России более сложен и более справедлив. Это отношение сквозь призму «слез своих святых и проклятых» отрезает нас не только от России, но и от всего света, который видит Россию либо в цвете столь же упрощенном, т.е. розовом, либо же полной надежд и противоречий, глазами Достоевского.

Наш взгляд на страну, которая есть и будет нашим соседом, «ибо мы не окружены морем, как полуостров итальянский», встречно сталкивается со взглядом на Польшу, столь же упрощенным и, наверное, не менее враждебным. *Кичливый лях* (выделенное курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — Н.Г.) Пушкина и разные *полячишки* Достоевского, гениальные карикатуры на польское лицемерие, польскую гордыню и патетическую фразеологию без прикрытия, точно так же фальсифицируют и разрушают подлинный образ Польши в глазах миллионов русских.

Милош, цитируя самые антирусские высказывания Кюстина или Маркса, справедливо замечает: то, что на Западе могло быть и было открытием, ибо отличалось от общепринятых мнений о России, в польской литературе было банальностью (Милош говорит «стереотипом»). Такой взгляд на Россию шел еще от давней Речи Посполитой, где между Польшей и Россией нарастали комплексы «неполноценности — превосходства». Все это не мешало шляхтичу с восточных окраин, который был близок Конраду физически и душевно, испытывать к русским симпатию; для него ведь не отдельные русские были виновны, а

...героизм <верного раба>, такая смерть — для пса заслуга, для человека грех³.

Но хранится ли в нашем сознании и другой аспект Мицкевича, друга русских?

*Вы — помните ли меня? Когда о братьях кровных,
Тех, чей удел — погост, изгнание и темница,
Скорблю — тогда в моих видениях укропных,
В родимой череде встают и ваши лица⁴.*

³ Перевод дословный. Перевод В. Левики: «Такая смерть, терпение такое — / Геройство пса, но, право, не людское», — не передает некоторого оттенка мысли Мицкевича, важного в контексте статьи Чапского.

⁴ Перевод Анатолия Якобсона (впервые опубликован в «Континенте» №41).

Каждый, кто хоть несколько лет прожил в России, читая это стихотворение, подставляет под него лица своих друзей, свои собственные прекрасные воспоминания о России и русских.

Кто слышит сегодня одинокий голос Норвида, его замечания о России, затерянные в довоенном, сегодня уже ставшем книжной редкостью, издании его писем? А ведь именно Норвид, враг «патриотического пуританства», восстает против односторонних оценок, и речь его звучит жестко для каждого, кто подвержен тому стереотипу, которому подчинился даже Конрад и которому Норвид настолько не поддавался, что не когда-нибудь, а в 1863—1864 годах нападал даже на Мицкевича, считая, что он писатель не национальный, а только исключительный.

«—...Критическая бессознательность в сфере мысли, — писал Норвид. — В сфере трудов духа, и, значит, то же самое встретить можно в исторической действительности. Как исключительность Мицкевича называли и называют народностью — с воодушевлением, горячке подобным, ибо дискуссий не переносят, — так и в действительности примут исключительность за народность. Как Духинский им резанет мощно: «Москаль — китаец», — то они порадуются, а как кто остережет, что сегодня: **НАРОД СКЛАДЫВАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ИЗ ДУХА, КОТОРЫМ РАЗНИТСЯ ОТ ДРУГИХ, НО И ИЗ ТОГО, ЧТО СОЕДИНЯЕТ** и что нельзя вырубить под корень на 20 квадратных миль вокруг Польши, чтобы в ней был национальный поэт и национальный историк, то они на тебя плонут — и тем впрямь поднимут сепаратизм врага, как уже сделали, и злобу врагов, пока до успешного исчезновения друзей не доведут. Всякий анахронизм всегда те же плоды приносит!»

«Только свободные люди, — пишет Норвид в другом письме, — только те, что не получили с колыбели железного клейма РАБЫ, знают, что, гранича с Россией, надобно в ней иметь СВОЮ ПАРТИЮ, ибо иначе всегда будут встречаться два МОНОЛИТА, ничего посредствующего не имеющие, а ежели два монолита столкнутся друг с другом, состоится уничтожение и разбиение сил окончательное».

Но мои пессимистические замечания о том, что мы окопались в польской *morale clause*, о неспособности объективировать наши обиды, — может быть, тоже односторонни.

Я видел и знаю не одного поляка, который в отклике на эти вопросы ближе к Норвиду, чем к «стереотипу». Я знаю людей, которые прошли мучения и пытки, но на русских обиды не затаили; более того, которые, покидая Россию, прощались с ней в слезах, ибо встретили со стороны русских столько братства, столько сочувствия, узнали людей, которые так же, как они страдали и так же, как они, пытались бороться с насилием. Много ли таких поляков — я не знаю».

Тут я хочу прервать цитирование, чтобы поделиться одним своим наблюдением. За пятнадцать лет, что я живу в Париже, я повстречалась с огромным количеством поляков. Среди них, особенно среди эмигрантов, было немало прошедших советские лагеря или ссылку. Кроме того, за эти годы я прочла бесконечное множество воспоминаний тех поляков, которые (чаще всего — благодаря амнистии 41-го года) выжили в ГУЛАГе. Я не вела ни записей, ни статистики, но меня всегда поражало, насколько (чуть ли не на все сто процентов) отсутствуют антирусские чувства именно у этой категории поляков, пострадавших и, казалось бы, более других имевших право не отличать Россию от СССР, а винить всех чохом. Именно у них встречалась эта способность «пересечь магическую границу, за которой взгляд на Россию, образ России более сложен и более справедлив». Вероятно, срабатывало очень простое обстоятельство: они-то видели и в лагере, и на колхозной «воле», как страдают и погибают те, кто родился на «бесчеловечной земле». И для них, как для Чапского, она становилась «землей людей», землей этих страдающих людей.

Вернемся к статье «Национальность и исключительность».

«Людей с таким отношением к России я встречал и среди поклонников русской литературы. Враги любой России — царской, советской или «республиканской», — даже они не отказывают в величии и глубине русской литературе, но перечеркивают эти органические связи, а ведь русский кошмар и русский гений, жестокость и милосердие, высочайшая, как нельзя более европейская культура и варварство — все это соединяется в одну действительность, и тот, кто это целое перечеркивает, тот, будь он даже Конрад, мыслит категориями не действительности, а фикции. Русская литература, общечеловеческо-

го вклада и величия которой, пожалуй, уже никто, кроме В.А.Збышевского, не отрицает, связана с российской действительностью. Это элементарная истина.

В «Дневнике» Толстого за 1903 год есть черновик рассказа «Божье и человеческое»; именно этот черновик всегда представлялся мне образцом суровой и полной прозы, «безошибочной верности правде», как, кажется, сказал о Толстом Пастернак. Всего на пяти страницах Толстой дает образы приговоренного к повешению врага всякого насилия молодого Светлогуба, службиста-генерала, который приговаривает его к смерти, матери осужденного, террориста, который мечтает об уничтожении тысяч людей, и мужика-сектанта, который годами сидит по тюрьмам за то, что ищет правду. Весь вечный русский мир, ибо вечны конфликты этого рассказа: религия, свобода, насилие, фанатизм веры, любовь и самопожертвование. В одном московском издании Толстого есть описание того, как возник этот рассказ. Какая это, оказывается, абсолютная, едва-едва преображенная верность действительности. Герой рассказа, Светлогуб, — это повешенный в Одессе в семидесятые годы Лизогуб, сын русского дворянина и, вероятно, польки, урожденной Дунин-Борковской. Ткань этого рассказа так выросла в российскую действительность, что их никоим образом нельзя разделить. Это один из миллиона примеров того сплава литературы и действительности, которые можно было бы приводить и приводить.

Может ли такой образ России, исключительно жестокой и преступной, образ, который, пожалуй, нигде не получал такого всеобщего признания, как в странах, поглощенных Россией или Советским Союзом либо ему подчиненных, удивлять русских, хотя бы тех лучших среди них, что от сегодняшнего положения дел страдают не менее жестоко? Пропасть, вырытая между Россией и этими угнетенными странами, особенно Польшей и Венгрией, настолько глубока, что разрушить, преодолеть этот стократ более могущественный, чем прежде, стереотип, например в Польше, казалось бы, просто невозможно, если бы не одна мысль, одна истина, более чем когда-либо очевидная: свобода — одна, и террор, подавляющий всех, — один. Выход рабочих на улицы Берлина, познанские события, польский Октябрь, венгерское восстание, яростная, ожесточенная

борьба внутри коммунистических партий всех стран после речи Хрущева на XX съезде — партий, «монолитных» только в речах их вождей, — все это останется трагическими, безнадежными жестами, если в эту борьбу не включится Россия, если не только польские, немецкие или венгерские рабочие, интеллигенты, крестьяне будут готовы бороться за этот старый, изодранный, переживший столько фальсификаций и злоупотреблений, но единственный лозунг свободы. Завеса «молчания страшнее, чем несчастье» покрывает Россию куда основательней, чем сто двадцать лет назад, когда Кюстин писал эти слова. Но мы знаем о бунте в Воркуте, знаем о брожении умов в университетах и институтах, знаем о крайне антисоветских настроениях среди самого младшего из молодых поколений, политическое сознание которого формировалось в период XX съезда. Везде, хотя бы на самой узкой полоске, где появляется свобода мысли, свобода порождает свободу. Поэтому смотреть на Россию только как на страну, которая обладает «одним фанатизмом — послушанием», — взгляд, в силу своей односторонности ложный.

Толстой в «Воскресении» описывает молодую траву, которая по весне пытается пробиться даже среди тюремных камней. Без надежды, что и в России не угасла воля к борьбе, что и там можно добиться более свободной жизни, за которую погибло столько русских, все попытки либерализации, все ревизионистские попытки в странах советского блока выглядят лишь жестами отчаяния утопающих.

Только тогда люди, которые знают Россию не только как школу подлости, но и как мир борьбы и любви к человеку, только тогда эти друзья русских смогут поднять голос и бороться с этим образом России, исключительно жестокой и ис-

ключительно бесчеловечной. Если удастся восстановить инстинкт утраченной солидарности с той другой Россией, которая никогда существовать не переставала, только тогда мы можем мечтать о будущем, которое не станет, как пишет Норвид, «столкновением двух монолитов, уничтожением и разбиением сил окончательным»».

Норвид, а вслед за ним и Чапский говорят, что Польше нужно иметь в России «свою партию». Но Россия тоже должна иметь в Польше такую партию. Не ставленников, которых там держал безнациональный «Кремль», а «друзей русских», что очень трудно без наличия соответственно «русских друзей».

Сегодня это выглядит проще: выросли — воспитанные на «Культуре» и, в частности, на книгах и статьях Юзефа Чапского — несколько поколений наших друзей в Польше: пример «Солидарности» дал Польше друзей вплоть до российской глубинки, до Кузбасса и той самой Воркуты. Но если Юзеф Чапский говорит о том, как шли вразрез со всеми стереотипами мысли Норвида в 1863-1864 гг., то не надо думать, что в первые послевоенные десятилетия линию «Культурь», которую в отношении России я охарактеризовала бы как прорусскую (антисоветскую), массово понимали и принимали как в польской эмиграции, так и на родине. Понадобилось время и труд, чтобы позиция, которая поначалу многим казалась в лучшем случае парадоксальной, привилась и стала выглядеть нормальной.

Как все друзья пана Юзефа, я испытываю к нему безграничное уважение, любовь и нежность. Но еще и гордость: «моя партия» — не кто-нибудь. «Моя партия» среди поляков (перечисляя от младшего к старшему) — Густав Герлинг-Грудзинский, Ежи Гедройц, Юзеф Чапский.

«Континент» №68, 1991

В качестве иллюстраций к статье использованы три автопортрета Юзефа Чапского: «Автопортрет» (холст, масло), ок. 1942; «Пишущий» (фламастер), 1962; «Сидящий в берете» (тушь), ок. 1960.

**Адам Даниэль
Ротфельд**

УСПЕХ НЕУДАЧИ, ИЛИ ФЕНОМЕН МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА

Предисловие к польскому изданию книги Андрея Грачева «Горбачев»

I

Редко когда о живущем и здравствующем, политически активном человеке пишут столько книг — биографий, воспоминаний, сборников документов. Однако лишь немногие авторы могут похвастаться тем, что знали Горбачева так хорошо, как профессор Андрей Грачев, его советник, доверенное лицо и пресс-секретарь. Уже много лет Грачев живет и преподает во Франции. Свою книгу он написал на Западе благодаря поддержке и помощи оксфордского Колледжа св. Антония (русское издание вышло в московском издательстве «Вагриус» в 2001 году).

Андрей Грачев писал биографию Горбачева в расчете на западного читателя. В какой-то степени это повлияло на то, как представлен сам главный герой и его окружение. Местами такой подход может показаться польскому читателю наивным. Иногда он даже пахнет агиографией. Увы, это обычный изъян, а может быть, неизбежная цена, которую платят авторы, эмоционально связанные с героями своих книг. Правда о великих исторических личностях многогранна. Близкое личное знакомство с ними позволяет подробно описывать конкретные события, ситуации и эмоциональные состояния, но зачастую мешает разглядеть слабости, колебания и ошибочные решения, что влечет за собой чрезмерное доверие и расположение к одним в сочетании с предвзятостью и неприязнью к другим. Критическая оценка решений описываемых людей особенно трудна, когда автор, как это было в случае Грачева, непосредственно участвовал в принятии этих решений и, оставаясь, как правило, в тени, влиял на их окончательный вид.

Горбачев был и остается недюжинной личностью. Как мало кто из современников, он повлиял на ход истории: способствовал распаду советской империи и предотвратил великое кровопролитие, которое могло ему сопутствовать. Парадокс заключается в том, что Горбачев положил начало распаду империи неумышленно: он просто хотел цивилизовать и демократизировать ее. Миллиарды, тратившиеся на вооружения, он хотел предназначить на социальные нужды — на переселение людей из трущоб, просвещение, здравоохранение и модернизацию страны. Он хотел искоренить алкоголизм — болезнь общества, ведущую к вырождению значительной части нации. Он хотел вернуть чувство собственного достоинства подвластным Кремлю народам, населявшим шестую часть суши. Он хотел установить равноправные отношения с поработанными государствами Центральной и Восточной Европы, которым Сталин и его московские преемники навязали чуждую им форму правления. Он хотел, чтобы поляки, чехи, венгры, немцы и другие народы этой части Европы говорили о своих делах на своем языке устами собственных, демократически избранных представителей. Сегодня намерения и планы Горбачева кажутся чем-то нормальным и очевидным, почти банальным. В то время одним они казались смелыми, революционными и переломными, другим — раскольническими, отступническими, изменческими и контрреволюционными.

Судьбу инициатора перестройки, пишет Грачев, определила судьба СССР. Горбачев считал, что начатые им реформы позволят не только сохранить, но и укрепить Советский Союз. Это была ошибка. Горбачев не осознал той простой истины, что силами, удерживавшими советскую империю, были не лживые слова гимна («Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...») и не лозунги сталинской конституции 1936 г., но террор, репрессии и страх, охвативший все сферы и формы жизни тоталитарного государства. Горбачевские реформы, суть которых передают два ключевых слова — перестройка и гласность (слова эти сделали мировую карьеру и закрепились в оригинальном звучании во всех языках мира), — привели в движение настолько мощные центробежные силы, что не было ни возможности, ни смысла сохранять Союз. Как справедливо замечает Грачев, к такому развитию событий главные «архитекторы перестройки», прежде всего сам Горбачев, были не готовы...

II

Я познакомился с Михаилом Горбачевым десять лет назад, 16 июня 1993 года. Принимал я его в Стокгольме как директор Международного института исследований проблем мира (SIPRI). Он приехал вместе с женой Раисой уже как бывший президент бывшего Советского Союза и вместе с тем лауреат Нобелевской премии мира. Официальной целью визита была лекция в рамках ежегодного семинара, посвященного памяти убитого в 1986 г. премьер-министра Швеции Улофа Пальме. Лекция, которую Горбачев прочел в концертном зале на Хеторгет в присутствии королевской четы и представителей мира политики, науки и культуры, не отличалась ничем особенным. Однако неформальные встречи с работниками института и непосредственные беседы, которые мне довелось вести с Горбачевым на протяжении нескольких дней его пребывания в Швеции, убедили меня, что я имею дело с необыкновенным человеком. Моя уверенность в этом возросла после нескольких следующих встреч — на одной из сессий, организованных Фондом Горбачева в Москве, и на презентациях очередных русских изданий «Ежегодника SIPRI». Я пишу об этом, ибо эти встречи позволили мне задать множество вопросов и сопоставить свои мнения и оценки с тем, как эти процессы выглядели с перспективы самого Горбачева — политика, одержавшего победу в глазах мира и потерпевшего поражение в собственной стране.

25 декабря 1991 г. в 19.00 Горбачев заявил по телевидению: «Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути...» Союзное государство, которое Горбачев возглавил в апреле 1985 г., перестало существовать в декабре 91-го. Как это ни парадоксально, то, что Михаил Сергеевич до сих пор считает своим поражением, на самом деле — его величайшая заслуга. Это была победа свободы над порабощением, правды над ложью, закона над произволом. Миг, когда 25 декабря 1991 г. в 19.38 над Кремлем был спущен советский красный флаг и впервые поднят трехцветный флаг России, ознаменовал важный этап всемирной истории. В этот миг рухнула величайшая тюрьма народов, каковой на протяжении столетий была Российская империя. На ее развалинах сформировалась новая Россия и четырнадцать других государств, которые вновь (или впервые) обрели независимость и право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Это стало логичным завершением цепочки событий, которым Горбачев положил начало своими честными и смелыми решениями с первого же дня пребывания на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Однако такое развитие событий не вызывало и не вызывает у Горбачева чувства гордости. Он считал и продолжает считать, что «реальный социализм» можно было реформировать, совершенствовать и демократизировать, а Советский Союз можно было сохранить.

В «Белой книге», которую Горбачев опубликовал в 1995 г. под заглавием «Союз можно было сохранить», приводится его заявление, сделанное во время парламентских слушаний 5 июня 1994 года: «Моя позиция и оценка такова: Союз и необходим, и возможен... Страна жива, несмотря на то, что уже два с половиной года ее рвут на куски. Да, началось это еще раньше, в те времена, когда я был президентом страны. Я уже об этом не раз говорил — моя ответственность огромна. Более того — это моя самая большая боль, и уже никто не сможет меня освободить от ответственности за все произошедшее. Это мой крест до конца жизни. Я имею в виду не только Союз, но и все реформы». Эту мысль Горбачев высказывал неоднократно, во время всех наших бесед. Несомненно, это чувство ответственности свидетельствует, с одной стороны, о честности и нравственной цельности Горбачева, с другой — о некоторой его ограниченности и неспособности понять необратимость исторических процессов. Советский Союз был не только правопреемником царской империи, но и продолжателем политики русификации, вассализации и гегемонии, от которой покоренные народы, естественно, хотели избавиться. Хотя его распад ударил по сотням тысяч, а может, даже миллионам, ибо зачастую означал резкое изменение условий и ставил людей перед драматическим жизненным выбором, все же он был спасительным и желанным для целых народов, присоединенных к империи насильственным путем, вопреки их воле. Он дал им возможность вернуться к нормальной жизни, строить свои взаимоотношения с соседями на основе собственного волеизъявления и интересов и развиваться в соответствии со своим национальным менталитетом, специфическими традициями, религией и культурой. Если бы не реформы Горбачева и не его решимость улаживать конфликтные ситуации без применения силы, распаду империи сопутствовали бы не только потрясения и кровопролитие — наподобие того, которое испытали на себе народы бывшей Югославии.

Горбачев считал и продолжает считать, что распад Советского Союза не был ни исторической необходимостью, ни, тем более, благом, а привели к нему личные амбиции группы политиков — прежде всего Бориса Ельцина. Он считает, что именно по инициативе Ельцина три лидера славянских республик сговорились против него в Беловежской пуще, чтобы таким образом стать президентами трех новообразованных независимых государств: России (Борис Ельцин), Украины (Леонид Кравчук) и Белоруссии (Станислав Шушкевич). Еще в середине 90-х Горбачев убеждал меня, что Украина не может надолго оторваться от России, так как их народы связывают общие исторические корни, а также бесчисленные культурные, цивилизационные, экономические и, наконец, семейные узы — в миллионах семей трудно даже определить, кто русский, а кто украинец. «Если предположить, что такое устойчивое разделение существует, — говорил Горбачев, — то половину моей семьи нужно было бы зачислить в русские, а половину — в украинцы...»

III

Методы снятия межнациональной напряженности в разных регионах Советского Союза могли быть разными. В своей книге Грачев приводит мнение Андрея Громыко, который на заседаниях политбюро любил повторять простую формулу: «Появится на улицах армия, будет порядок». Когда в 1992-1993 гг. я занимался вопросом политического урегулирования конфликта в Приднестровье, подобный, хотя и несколько менее радикальный способ решения национального вопроса на территории бывшего Советского Союза предложил мне командующий 14-й армией генерал Александр Лебедь: «Надо только трахнуть кулаком по столу или, попросту говоря, расстрелять две с половиной тысячи бунтовщиков, как Пиночет в Чили, — и сразу станет спокойно». В окружении Горбачева было много сторонников подобного рода «решительной политики», но, несмотря на это, он никогда не поддавался на уговоры решать межнациональные и общественные проблемы с помощью силы. Он не пошел на это даже тогда, когда убедился, что национализм стал орудием в руках самых догматичных и консервативных сил в партии, которые противились реформам и политике перестройки. В этом контексте Грачев приводит ироническую парافразу, приписываемую Адаму Михнику: «Национализм есть высшая стадия коммунизма» (намекающую на ленинский тезис о том, что «империализм — высшая стадия капитализма»).

Горбачев не прибегал к силе, но у него не было и практических решений хотя бы по одному из межэтнических конфликтов. Например, он не соглашался вернуть татарам Крым несмотря на то, что они были оттуда изгнаны («Слишком много там за прошедшие годы изменилось. Надо призывать людей стоять на почве реальности. Предлагаю создать комиссию...»). Не хотел он и возвращения на родную землю переселенных из Грузии в Узбекистан турок-месхетинцев, поволжских немцев, ингушей и многих других народов, насильственно вывезенных и рассеянных по безбрежным просторам государства, о котором написаны лживые строки: «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Такой жизнью люди были сыты по горло. Не хотели они и умирать по приказу лжепророков, которые больше семидесяти лет проповедовали им безумные идеи.

Горбачев вписал славную страницу в российскую историю уже хотя бы тем, что мужественно положил конец советской интервенции в Афганистан. Он предложил программу мира без ядерного оружия и приступил к ее осуществлению, признал право народов Центральной и Восточной Европы на самоопределение. Поначалу заявлениям Горбачева не верили, однако время показало, что вместо прежних преступников, игроков, циников или тупых аппаратчиков в Кремле появился лидер, жаждущий истинных, а не пропагандистских перемен. В то же время Горбачев был сыном своего времени, своего жизненного пути. Кроме того он зависел от своего окружения в большей степени, чем сам это сознавал. Это находит многочисленные подтверждения и на страницах написанной Грачевым биографии, наглядно показывающей читателю, что ее герой в сущности взялся за невозможное: *mission impossible*...

IV

Неудачам в политике разрешения межнациональных и межэтнических конфликтов сопутствовала огромная социальная напряженность, связанная с падением производства и медленным разложением государства. Невзирая на это, после множества сигналов об угрозе вырождения народа из-за повсеместно распространившегося алкоголизма, Горбачев принимает решение ввести «сухой закон». Сокращение производства и продажи алкоголя должно было в короткие сроки привести к уменьшению масштабов алкоголизма и радикальному улучшению состояния здоровья граждан. Последствия этой операции были весьма плачевны.

Десять лет назад выдающийся шведский политолог и знаток России проф. Даниэль Таршис опубликовал превосходное эссе под заглавием «Успех неудачи: антиалкогольная политика Горбачева, 1985-1988» («The Success of Failure: Gorbachev's Alcohol Policy, 1985-88» // «Europe-Asia Studies», т. 45, №1, 1993, с. 7-25). В нем он сравнил Горбачева с Гераклом, который, согласно древнегреческому мифу, в течение одного дня очистил Авгиевы конюшни (не убиравшиеся тридцать лет, хотя царь держал в них три тысячи коней). Задача, которую поставил перед собой Горбачев: очистить Советский Союз, — была значительно сложнее. Помимо политических и экономических реформ, Горбачев хотел добиться нравственного возрождения страны, очистить жизнь общества от лжи и построить ее на правде. Он стремился к искоренению коррупции и соблюдению прав человека. Наконец, он пропагандировал здоровый образ жизни, а в особенности боролся с вездесущим в России пьянством. На протяжении всей истории России такие намерения были у многих политиков, и не только в советские времена. Последняя попытка ввести в России «сухой закон», предпринятая в 1914 г. Николаем II, была поставлена под сомнение через два года после октябрьской революции. В 1919 г. было решено, что государство может производить напитки с 16-процентным содержанием алкоголя. В 1920 г. планка была поднята до 24%, на следующий год — до 28 и 40% и, наконец, в 1925 г. — до 80%. На XIV съезде партии (1925) Сталин заявил: «Мы не можем строить социализм в белых перчатках. Либо у государства будет монополия на алкоголь, либо мы станем рабами западноевропейских капиталистов...» Мотивы этих решений были чисто экономические, фискальные.

В 80-е гг. косвенный налог с продажи алкоголя составлял более трети всех бюджетных доходов советского государства. Проводимая Горбачевым политика борьбы с алкоголизмом и пропаганды трезвости натолкнулась на всеобщее сопротивление. Обращаясь к старинной русской аллегории, согласно которой земля держится на трех китах, выдающийся экономист В. Быков писал, что Алкогольная земля (*Terra alcoholica*) держится на трех опорах: Минфине, Минторге и Госплане. Конечно же, он был не прав — этих китов было значительно больше. Начав антиалкогольный крестовый поход, Горбачев натолкнулся на сопротивление всего партийного аппарата (включая большинство членов политбюро), государственного аппарата и, самое главное, всего общества. Замечательно, что восприятие политики Горбачева в данной области существенно расходилось с фактами. Дело в том, что в течение всего двух лет в России заметно снизилась смертность мужчин. Средняя продолжительность жизни мужчин возросла с 62,9 лет в 1984-1985 гг. до 65,1 года в 1987-м. Однако реакция общества на эту политику была кошмарной: длинные очереди перед винно-водочными магазинами, массовые отравления вследствие «альтернативных» методов утоления алкогольного голода, незаконное производство и продажа самогона, но прежде всего драматическое уменьшение бюджетных доходов привели к тому, что неожиданно возник широкий объединенный фронт противников новой политики. В результате осенью 1988 г. ЦК КПСС принял постановление, фактически означавшее конец борьбы с пьянством и алкоголизмом в России. Хотя предпосылки и мотивы действий Горбачева были рациональными, а эффект, выразившийся в улучшении состояния здоровья россиян, — практически мгновенным, борьба с алкоголизмом не только оказалась непопулярной, но и сделала политику перестройки посмешищем и была расценена как первая серьезная неудача нового лидера.

V

Самые крупные успехи Михаила Горбачева связаны с внешней политикой. Действительно, трудно переоценить его роль в этой области. Поразительно, что политик родом из российской глубинки без соответствующей подготовки и образования (учеба на юрфаке в период сталинского беззакония или заочное обучение, совмещенное с обязанностями первого секретаря Ставропольского крайкома комсомола, а затем горкома партии, не внушают особого доверия) мог за такое короткое время принять так много верных решений, свидетельствующих о понимании опасностей, грозящих миру и человечеству. Причем решения эти он частенько принимал вопреки своему ближайшему окружению. Как говорит сам Горбачев, ключом к пониманию его позиции может быть тот факт, что он довольно рано осознал простую истину: «Так дальше жить нельзя».

5 июня 1991 г. в Осло, во время торжественного вручения Горбачеву Нобелевской премии мира, он сказал: «Мы видели, что общество топчется на одном месте, что ему грозит необратимое отставание от технологически передовой части мира. Тотальное господство управляемой в основном из центра государственной собственности; всеохватывающая авторитарно-бюрократическая система; всеобщая идеологизация политики, монополия на общественную мысль и саму науку; милитаризованный промышленный потенциал, отсасывающий к себе все самое лучшее, в т. ч. самые передовые интеллектуальные ресурсы; непосильное бремя военных расходов, душащее гражданские отрасли и подрывающее социальные завоевания, которые мы со времен революции все-таки нарабатывали и которые были когда-то нашей гордостью, — таково было истинное положение страны». Так лаконично, одним предложением Горбачев описал ужасающее состояние государства, главой которого он стал. Дезориентированное и дезинформированное общество, продолжал он, не знало, что происходит вокруг и что ждет страну в ближайшем будущем. «Малейшие протесты подавлялись. Большинство считало их наветами, клеветой и контрреволюцией...» Обращаясь к своим слушателям в норвежском Стортинге, Горбачев не скрывал, что «велико было искушение оставить все по-старому, заняться косметическим ремонтом».

Он не поддался этому искушению. Более того, он предпринял попытку возродить государство практически во всех областях. Спустя годы, раздосадованный тем, каким образом его лишили власти, он усматривал причины своего падения прежде всего в безграничных амбициях Бориса Ельцина. Он был недоволен тем, как относится к нему преемник и его ближайшее окружение. Говорил, что даже книги ему приходится печатать почти как во времена самиздата — за пределами Москвы. Одну из таких книг, напечатанную в Рязани и озаглавленную «Годы трудных решений. Избранное. 1985-1992 гг.», я получил с дарственной надписью автора: «Адаму Даниэлю Ротфельду — на память и для чтения, надеюсь, полезного. С надеждой на сотрудничество, Михаил Горбачев, 17 июня 1993». Книга действительно оказалась полезной. В ней опубликованы малоизвестные тексты, причем значительная их часть была издана впервые. К этой категории относятся, в частности, не публиковавшиеся ранее заметки, сделанные во время бесед с глазу на глаз с канцлером Германии Гельмутом Коелем, президентом США Джорджем Бушем, премьер-министром Испании Фернандо Гонсалесом. Есть среди них и впервые опубликованная заметка, сделанная 1 декабря 1989 года во время беседы с Иоанном Павлом II. Она свидетельствует о совершенно неожиданной благожелательности и симпатии Папы к генеральному секретарю ЦК КПСС. В какой-то момент Горбачев произнес: «Хотел бы еще сказать, что мне очень близки проблемы Вашей родины — Польши... Недавно я встречался с господином Мазовецким, и он говорил добрые слова о вас». Горбачев с удовлетворением

отметил возобновление контактов между Святым Престолом и Русской Православной Церковью, а относительно напряженности в связи возвращением собственности Греко-Католической Церкви добавил: «Я скажу так: любую договоренность, которой Вы достигнете с православной Церковью, мы примем. Необходимо, чтобы страсти улеглись, чтобы положение было урегулировано». Волей случая ровно через десять лет (3 декабря 1999 г.) Иоанн Павел II принял в своей библиотеке меня. После нескольких минут разговора Папа спросил, не был ли я в последнее время в России и как русские относятся к Горбачеву. Я ответил, что отношение многих русских к Горбачеву изменилось после смерти его жены Раисы; как к человеку к нему стали относиться лучше, чем несколько лет назад. Однако его политическая деятельность все еще оценивается весьма критически, и на грядущих президентских выборах у него нет ни малейших шансов выиграть. Папа кивнул и с грустью заметил: «Как жаль. Ведь этот человек столько сделал, чтобы избавить свою страну от бесчеловечного режима...»

Зато слов критики в адрес Горбачева не жалеют не только его противники, но и люди, обязанные ему своим присутствием на большой политической сцене. Например, близкий советник Горбачева Валентин Фалин, бывший посол в ФРГ и шеф агентства печати «Новости» (АПН), отвечавший в ЦК КПСС за международные вопросы, опубликовал книгу «Конфликты в Кремле» (М., Центрполиграф, 1999), обвиняющую Горбачева буквально во всем: в распаде Советского Союза и в экономическом крахе, в чернобыльской катастрофе и в том, что Россия утратила позицию сверхдержавы, в продаже национальных интересов, но прежде всего в том, что он «за бесценок» продал ГДР и сделал возможным объединение Германии... Все это написал человек, которому, судя по длинным эмоциональным тирадам и прилегающим к тексту документам, не дают покоя амбиции. Если бы Горбачев прислушивался к его советам и действовал согласно его указаниям, все выглядело бы совершенно иначе: сохранился бы сильный Советский Союз, с которым мир вынужден был бы считаться; экономика процветала бы, демократия развивалась, а люди, выражаясь языком, характерным для Польши эпохи Герека, жили бы зажиточно. Фалин, который был советником со времен Хрущева и верно служил всем следующим генсекам, самые суровые обвинения выдвигает против Горбачева. Он обвиняет его во лжи, двуличии, некомпетентности, авторитарности и пренебрежении реалиями в большей степени, нежели Хрущева или даже Брежнева, не говоря уже о двух немощных предшественниках Горбачева — Андропова и Черненко. По мнению Фалина, Брежнев не несет ответственности за «застой», нищету, коррупцию, разложение государства и афганскую интервенцию, ибо... с 1975 г. он был тяжело болен и уже не мог ничего контролировать и даже понимать. Он «существовал по милости врачей, царствовал, но не правил». На протяжении последних восьми лет, когда он формально оставался при власти, от его имени правили «другие», в том числе и Горбачев. «Неудача перестройки многими нитями связана с неспособностью М. Горбачева сказать правду о нашем прошлом, назвать все вещи своими именами», — пишет Фалин.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В своей книге Фалин, опираясь на документы, подробно описывает, с каким трудом пробивалась на свет Божий правда о катынском преступлении. Войцех Ярузельский, пишет Фалин, «просил, настаивал, требовал от М. Горбачева» обнародования фактов. Он обращался за помощью и к Валентину Фалину: «Убедите М. Горбачева, время ничего не лечит; издержки бездействия лишь усугубляются». Фалин описывает, с каким трудом преодолевал он сопротивление Горбачева, чтобы добраться до оригиналов документов, хранившихся в архиве КГБ. Горбачев не хотел их публиковать — так же, как и тайные протоколы к пакту Риббентропа—Молотова. Он вилял, лгал, изворачивался. Я верю, что так оно и было. Факт остается фактом: копии архивных документов по этому делу поручил передать польской стороне лишь Борис Ельцин, хотя Горбачев, несомненно, знал об их существовании (Фалин пишет, что президент видел их, однако приказал шефу КГБ держать это в тайне). За четыре года до издания книги Фалина я встретился с ним во время телевизионной дискуссии, проведенной во дворце Цецилиенгоф в 50-ю годовщину Потсдамской конференции. Беседу, в которой участвовал, в частности, Эгон Бар, вел главный редактор берлинской газеты «Тагесшпигель» Вальтер Штюцле. На его вопрос о том, как отнеслись поляки к приходу советской армии в 1945 г., я ответил, что они восприняли это событие «со смешанными чувствами: с радостью, так как заканчивалась война и немецкая оккупация, но в то же время со страхом и недоверием, ибо они помнили, что произошло 17 сентября 1939 г., а значительная часть общества понимала, что в Катыни безоружных польских офицеров расстреляли русские». При этом, добавил я, мотивы этого преступления мне до сих пор неясны, хотя я много читал и думал на эту тему. Тогда Фалин поспешил все «рационально» объяснить: Сталин никогда не простил Польше победы в войне 1920 г. и убийств русских солдат, содержащихся в лагерях для военнопленных в Яблонне. Словом, это была месть. Оставляю это «объяснение» без комментариев. *Sapienti sat...*

Не исключено, что во многом действия Горбачева были нелогичны, непоследовательны (взять хотя бы его отношение к обнародованию тайных протоколов 1939 г. или правды о Катыни) и — как вся его политика — отмечены неуверенностью человека, который ведет свою страну в неизвестность и действует где-то смело, а где-то боязливо, ибо не знает, каковы будут последствия его решений. В одном можно быть уверенным: не будь

Горбачева, правда о катынском преступлении и многих других злодеяниях еще долго скрывалась бы в архивах советских или российских спецслужб. Раскрытие правды стало для Горбачева уроком смирения, новым горьким опытом. Занимая высший пост в партии и государстве, он считал некоторые догмы основой исповедуемой им веры. Ему казалось, что «ошибки», «уклоны» и даже преступления Сталина были отходом от ленинских принципов справедливости и социалистической законности. В середине 90-х в одном из разговоров Горбачев сказал мне, что после нескольких лет правления он пережил шок, когда собственными глазами увидел ни разу не публиковавшиеся, написанные от руки резолюции Ленина на полях адресованных ему документов: «Расстрелять», «Повесить для примера», «Приговорить к смерти». Тогда он понял, что дальше так править нельзя. Можно не без оснований упрекнуть Горбачева в неуверенности и нерешительности. Возможно, если бы он относился к категории авторитарных властителей без сомнений и угрызений совести, ему удалось бы продержаться у власти дольше, но тогда судьба всего Советского Союза напоминала бы судьбу Чечни.

VI

В последние годы М.С. Горбачев написал воспоминания, опубликовал множество книг и документов, призванных опровергнуть ложные обвинения и выяснить недоразумения. Одна из этих книг, названная «Как это было» (М., «Вагриус», 1999) полностью посвящена вопросу объединения Германии. Здесь заслуги Горбачева перед Германией, Европой и миром неопределимы. Неслучайно в книге, изданной в честь 70-летия Горбачева, помимо русских, больше всего немецких авторов — в частности, людей такого масштаба, как президент ФРГ Йоханнес Рау, бывший канцлер Гельмут Коль, бывший министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер или скончавшаяся два года назад видная публицистка графиня Марион фон Денхоф. Добавлю при случае, что среди более чем восьмидесяти текстов замечательных авторов с разных концов мира в этой книге напечатано и эссе Адама Михника под интригующим заголовком «Как мертвые охотятся на живых» («How the Dead Hunt the Living» // «A Millenium Salute to Mikhail Gorbachev on his 70th Birthday», М., 2001). Об отношении мира к Горбачеву свидетельствуют хотя бы заглавия посвященных ему эссе: «Он изменил мир...» (Марион фон Денхоф), «Горбачев и история. Попытка интерпретации» (Джеймс К. Гэлбрайт), «Человек, низвергнувший советскую тиранию...» (Генри Киссинджер), «Горбачев—лидер: Папа или Лютер?» (Стивен Ф. Козн), «Великий человек своей эпохи» (Ганс-Дитрих Геншер).

Заголовок эссе Андрея Грачева отражает суть опубликованной впоследствии книги: «Человек, который хотел как лучше» («A Man Who Wanted to Do His Best»).

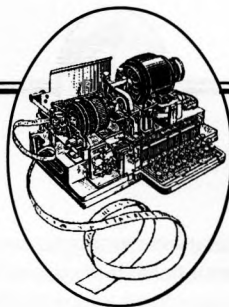
Симпатия и уважение к Горбачеву связаны не только и не столько с его политическими достижениями. Прежде всего они вытекают из его нового подхода к делам и людям, а также (что немаловажно) к собственной семье — особенно к жене, Раисе Максимовне. В их взаимоотношениях чувствовалось тепло, взаимное уважение и любовь. У вождей Советского Союза такого еще никто никогда не видел. Отношение Горбачева к жене давало понять всем, кто за ними наблюдал, что этих людей связывает нечто большее, нежели просто общая судьба.

У Горбачева был дар лидерства. Обычно считается, что политическое лидерство определяется тремя элементами: способностью оценить ситуацию, найти решение проблемы и получить поддержку политических сил, признающих лидера, чтобы осуществить намеченные цели. На протяжении шести лет своего правления Горбачев отвечал этим критериям. И хотя он не достиг намеченной цели, ему удалось добиться большего, нежели он хотел, и навсегда войти в историю.

В заключение можно задаться вопросом: что у Горбачева получилось? Ответ довольно прост: все или почти все. Ибо даже то, что в его понимании было неудачей, оказалось успехом.

Варшава, сентябрь 2003

Адам Даниэль Ротфельд — выдающийся политолог, специалист по международным отношениям, многолетний директор стокового Международного института исследований проблем мира (SIPRI), в настоящее время заместитель министра иностранных дел Польши.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Сегодня Леху Валенсе, символу польской истории XX в. и победоносной борьбы с коммунизмом, исполняется 60 лет (...) За вклад в борьбу за свободу Польши он был удостоен Нобелевской премии мира (...) Никто и ничто не в состоянии лишить Леха Валенсу причитающегося ему места в польской и мировой истории». (*Ярослав Курский, «Газета wyborcza», 29 сент.*)

• В опубликованном консультационной фирмой «А.Т.Кирни» рейтинге стран с наиболее благоприятными условиями для прямых иностранных инвестиций Польша заняла 4-е место. В прошлогоднем рейтинге Польша была на 11-м месте. (*«Газета wyborcza», 18 сент.*)

• По данным Международной организации труда, из всех стран-кандидатов в Евросоюз в Польше быстрее всего росла производительность труда — на 5% в год. Однако в течение часа польский рабочий производит лишь треть того, что производит рабочий в Германии. (*«Политика», 20 сент.*)

• Общество взаимного страхования (ОВС) возникло в Польше в 1992 году. Оно не ориентировано на получение прибыли, не выплачивает дивидендов, но в случае хороших финансовых результатов может, например, уменьшить размер взносов. Страхуются в нем прежде всего крестьяне и гмины. Все застрахованные разделены на группы, т.н. Союзы членской взаимопомощи, которые ведут собственную отчетность и обладают правом голоса на общем съезде. В настоящее время в 64 отделениях ОВС по всей стране работают более 200 человек. В нем застрахованы около 130 тыс. физических и юридических лиц, 80% которых составляют крестьяне. В это число входит также 1400 приходов и 500 гмин. (*«Газета wyborcza», 20-21 сент.*)

• В созданный всего пять недель назад Всепольский список должников внесено уже 6 тыс. человек. Кредиторы утверждают, что сама угроза внесения в этот список (о чем надлежит уведомить заинтересованное лицо за месяц) в большинстве случаев приводит к уплате долга. (*«Политика», 20 сент.*)

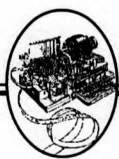
• По мнению участницы XIII Международного экономического форума в Кринице, вице-президента Европейского банка реконструкции и развития Ханны Гронкевич-Вальц, экономический

рост в Польше тормозится выделением слишком больших средств на обслуживание бюджетного дефицита, в результате чего на экономику, а особенно на инвестиции, остается слишком мало денег. Отсутствие механизмов, регулирующих отношения между политикой и бизнесом, грозит появлением новых рвущихся к власти популистских группировок. (*«Жечпосполита», 8 сент.*)

• В Польше живут 3,543 млн. пенсионеров по инвалидности. Ежегодно они обходятся бюджету в 34 млрд. злотых. В Польше их в два раза больше, чем в Великобритании, и в три раза больше, чем в Германии, Испании, Австрии или Франции. (*«Политика», 4 окт.*)

• По данным экономиста Польского банка «Всеобщая сберегательная касса» Лукаша Тарнавы, в августе продукты питания подешевели на 1,8% — почти на столько же, на сколько в июле. Подешевела и одежда — на 0,7% по сравнению с предыдущим месяцем и на 2,7% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Зато подорожало топливо (на 6,5% по сравнению с прошлым годом) и стоимость эксплуатации жилья (главным образом за счет роста цен на электроэнергию на 2,8%). Спрос в экономике не растет из-за очень тяжелой ситуации на рынке труда. Те, кто работает, лишены покупательной способности. Люди постепенно проедают свои сбережения. (*«Газета wyborcza», 16 сент.*)

• «На наших глазах совершается незаметная революция в производстве хлебобулочных изделий. Крупные кооперативы и гминные молохи, безраздельно господствовавшие на рынке еще полтора десятка лет назад, вымирают. Их осталось всего несколько десятков, и контролируют они около 15% рынка. Их место заняли маленькие, экспансивные семейные предприятия, на которых работают по десять с лишним человек. По данным Общества ремесленников-пекарей Польской Республики, сегодня они контролируют 82% рынка (...) По сообщениям Главного статистического управления (ГСУ), ежемесячно появляется несколько сот новых пекарен. С 1990 г. их число утроилось. Сейчас их около 7 тысяч, и работают на них более 100 тыс. человек». (*Пшемислав Палух, «Ньюсуик-Польша», 21 сент.*)

• Правительство решило, что в будущем году минимальный размер заработной платы будет составлять 824 злотых. В этом году он составляет 800 злотых. С учетом инфляции МРОТ возрастет на 8 злотых. (*«Жечпосполита»*, 10 сент.)

• В августе уровень безработицы снова незначительно снизился. Без работы продолжают оставаться 17,6% поляков, т.е. более 3,99 млн. работоспособных людей. Число безработных уменьшилось почти на 24 тыс. человек. Самое значительное снижение безработицы отмечено среди молодежи от 15 до 24 лет. Уровень безработицы среди молодежи был более чем в два раза выше, чем средний по стране. (*«Жечпосполита»*, 20-21 сент.)

• Протест шахтеров против ликвидации рабочих мест на закрывающихся шахтах перерос в уличную битву с полицией. Ранено несколько десятков полицейских, восемь из них госпитализированы. Шахтеры пустили в ход черенки кирок, ломы и металлические пруты, закидали полицейских камнями и бутылками с бензином. На нескольких полицейских загорелась одежда. «Разрушить всю Варшаву!» — кричали шахтеры. (*«Жечпосполита»*, 12 сент.)

• Восемь полицейских, попавших в больницу, 17 пострадавших шахтеров, здания, поврежденные во время демонстрации в Варшаве, — вот цена, которую мы платим за закрытие шахт. Как ни странно, эта цена невысока. В Польше процесс реструктуризации угольной промышленности продолжается всего 13 лет. За такой срок эту отрасль экономики не удалось реструктуризировать ни одному европейскому государству. До сих пор это стоило нам почти 18 млрд. злотых, т.е. меньше, чем странам Запада, где к тому же добывалось меньше угля. К сожалению, столкновения шахтеров с полицией — неизбежная цена преобразований в угольной промышленности. (*Гжегож Павельчик, «Впрост»*, 21 сент.)

• Согласно опросу ЦИОМа, если бы выборы прошли в сентябре, за «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и за «Гражданскую платформу» проголосовали бы по 21% избирателей, за «Право и справедливость» — 18, за «Самооборону» — 9, за крестьянскую партию ПСЛ — 7, за «Лигу польских семей» — 6, за «Унию труда» — 5%. (*«Жечпосполита»*, 19 сент.)

• Из интервью с премьер-министром Лешек Миллером, председателем СДЛС: «Левые должны наконец признать: мы больше не можем делить нищету (...) Чтобы что-то делить, надо это

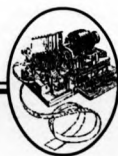
сперва произвести. Чтобы дать шанс социал-демократическим мечтам, нужно сперва дать шанс экономике (...) Мы должны перестать относиться к предпринимателям как к потенциальным мошенникам. Пусть их проверяет рынок. Тогда появятся рабочие места, люди начнут зарабатывать и, следовательно, пойдут в магазины; появится спрос, а вместе с ним — оживление в экономике. Живи сам и давай жить другим — это простой принцип (...) В конце концов, левые тоже должны осовремениться». (*«Трибуна»*, 22 сент.)

• Бывший премьер-министр Юзеф Олексы избран председателем СДЛС Мазовии — за него проголосовало 97% делегатов. Это его второй успех после избрания заместителем председателя СДЛС. Как в самой партии, так и вне ее Олексы рассматривается в качестве альтернативы Лешеку Миллеру. Олексы — председатель европейской комиссии Сейма и член Европейского конвента. (*«Тыгодник повсехный»*, 21 сент.)

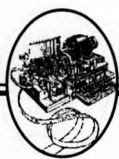
• Из кадровых сводок правительственного Информационного центра следует, что в 2003 г. премьер-министр Лешек Миллер подписал 101 приказ об отставке и 107 — о назначении на руководящие должности. Среди отправленных в отставку было двое вице-премьеров (и одновременно министров), 8 министров, 11 статс-секретарей, 42 заместителя статс-секретарей, 18 руководителей центральных управлений и правительственных ведомств, а также 17 воевод и вице-воевод. (*«Политика»*, 20 сент.)

• Министр юстиции Гжегож Курчук подписал обращение к Сейму с просьбой лишить Збигнева Соботку депутатской неприкосновенности. Спустя два часа замминистра внутренних дел и администрации Соботка подал в отставку и заявил, что откажется от депутатской неприкосновенности сам. Прокуратура намерена предъявить Соботке обвинение в разглашении государственной и служебной тайны о планируемых операциях полиции, в результате чего он мог подвергнуть опасности сотрудников Центрального следственного бюро, участвовавших в операциях спецслужб в Стараховицах, и затруднить следствие по делу местной преступной группировки. (*«Жечпосполита»*, 4-5 окт.)

• По просьбе генерального прокурора Сейм лишил депутатской неприкосновенности председателя «Самообороны» Анджея Леппера и трех других депутатов этой партии. Всем четверым грозит от 3 месяцев до 5 лет тюремного заключения за высыпку из вагонов импортного зерна. (*«Жечпосполита»*, 3 окт.)

- I съезд новообразованной Демократической партии левых сил избрал ее председателем бывшего полицейского Аркадиуша Цяха. Год назад Цях был уволен из полиции по обвинению в содействии преступникам, занимавшимся, в частности, угоном грузовиков. (*«Газета выбора»*, 8 сент.)
- Создана новая партия под названием «Семья — Отчизна». Ее председатель — Казимеж Капера, уполномоченный по делам семьи в правительстве Ежи Бузека. (*«Газета выбора»*, 23 сент.)
- Согласно опросу ЦИОМа, 14% поляков оценивают Сейм положительно, а 74% — отрицательно; Сенат положительно оценивают 25, а отрицательно — 50% поляков; президента — 73 и 17%. (*«Жеч-посполита»*, 18 сент.)
- В рейтинге популярности политиков, составленном институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор», продолжает лидировать президент Александр Квасневский с 64-процентной поддержкой. Второе место занял маршал Сейма Марек Боровский (42%), третье разделили Ян Рокита и Дональд Туск из «Гражданской платформы» (по 41%). (*«Впрост»*, 21 сент.)
- По данным опроса ЦИОМа, Александру Квасневскому доверяют 79% поляков, Яну Роките — 49%, а Леху Качинскому («Право и справедливость») — 42%. Недоверие поляки испытывают прежде всего к Лешеку Миллеру (56%), а кроме того — к Лешеку Бальцеровичу (51%) и Анджею Лепперу (47%). (*«Газета выбора»*, 29 сент.)
- В первой симуляции президентских выборов, проведенной ЦИОМом за два года до выборов, больше всего голосов (34%) набрала Иоланта Квасневская. Второе место с 10% голосов занял Анджей Леппер, третье — Ян Рокита (7%). (*«Политика»*, 13 сент.)
- Согласно подписанной президентом новой оборонной стратегии, в настоящее время основную угрозу для Польши представляет не прямое вооруженное вторжение и не дестабилизация в соседнем государстве, но терроризм, распространение оружия массового уничтожения и существование государств-рассадников терроризма. Впервые в истории польская армия должна не только защищать границы государства, но и обеспечивать соблюдение польских интересов за пределами Польши. При этом фундаментом европейской безопасности признается НАТО. (*«Газета выбора»*, 9 сент.)
- Президент Александр Квасневский в Нобелевском институте в Осло: «Важно понимать, что в современном мире спокойствие одних невозможно совместить с опасностью для других». (*«Газета выбора»*, 20-21 сент.)
- Свыше полутора тысяч солдат из 15 стран прилетели в Познань на воздушные учения НАТО. С 8 по 18 сентября небо над западной Польшей было закрыто для гражданской авиации. (*«Газета выбора»*, 8 сент.)
- НАТО не намерено строить в Польше новые крупные базы, так как в настоящий момент нам не грозит нападение с применением конвенционных сил. Кроме того, постоянное размещение в Польше значительных иностранных сил запрещено договоренностями, подписанными с Россией накануне первого этапа расширения НАТО в 1999 году. (*«Ньюсуик-Польша»*, 5 окт.)
- Военная информационная служба (ВИС) занималась незаконной торговлей оружием — к такому выводу пришла комиссия Сейма по делам спецслужб. Руководители ВИС знали о незаконных сделках. В 1992-1996 гг. из Польши было нелегально экспортировано оружие, стоимость которого по накладным составляла 4,5 млн. долларов. Его рыночная цена была значительно выше. (*«Жеч-посполита»*, 19 сент.)
- Из интервью с министром иностранных дел Влодзимежем Цимошевичем: «Иракцы по достоинству оценивают тот факт, что благодаря внешней помощи они могут рассчитывать на повышение безопасности и решение их насущных проблем (...) По телевидению и в печати я слышу об одних лишь трудностях. Но когда я беседую с поляками, находящимися в Ираке, они говорят, что передвигаются по стране свободно, без чувства опасности, что снабжение лучше, чем до военной операции (...) Для нас вероятность того, что Ирак располагает оружием массового поражения, не была связана с заявлениями США и Великобритании. Важной точкой отсчета была тут документация Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), из которой несомненно следовало, что некоторое время назад Ирак располагал значительными запасами химического и биологического оружия (...) Суть польской военной миссии заключается в том, чтобы стабилизировать ситуацию в Ираке и создать условия для восстановления этой страны». (*«Газета выбора»*, 8 сент.)
- Согласно докладу специальной комиссии Генерального штаба и министерства национальной обороны об инспектировании польского контингента в Ираке, там находится слишком много поваров (на 100 больше, чем это необходимо), тыловиков и штабистов. Имеющиеся излишки муки (120 тонн) будут розданы иракцам. Недостает десяти патрульных взводов (около 300 солдат), а также зап-

частей к средствам передвижения. В то же время высокую оценку получила система связи и командования многонациональной дивизией. Комиссия предложила также создать курсы пользования Интернетом, чтобы каждый солдат мог посылать электронные сообщения, и рекомендовала закупить более прочную летнюю обувь (трескаются подошвы) и жетоны (нынешние ржавеют). (*«Газета wyborcza»*, 1 окт.)

• Пятеро польских солдат будут высланы из Ирака за пьянство. Один из них пытался торговать спиртным, другой позволил украсть у себя оружие. Это вторая группа солдат, отправленных из Ирака домой. В начале сентября в Польшу вернулись трое солдат, которые, управляя грузовиком в нетрезвом состоянии, врезались в другую машину. (*«Жечпосполита»*, 22 сент.)

• Российский консорциум «Сухой» возьмет под технический надзор ремонт 23 истребителей МиГ-29, безвозмездно переданных Польше Германией вместе с большим количеством запчастей. Россияне предоставят также документацию, связанную с опытом эксплуатации самолетов, и доставят оригинальные детали для их модернизации. (*«Жечпосполита»*, 26 сент.)

• Десять лет назад, 17 сентября 1994 г., в 55-ю годовщину советского нападения на Польшу, главнокомандующий Северной группой российских войск в Польше ген. Леонид Ковалев отпартовал президенту Леху Валенсе о завершении операции по выводу российских войск из Польши. В начале 90-х в Польше было расквартировано 54 тыс. российских военнослужащих. (*«Газета wyborcza»*, 18 сент.)

• 2 октября 1938 г. Польша вместе с Третьим Рейхом приняла участие в разделе преданной союзниками Чехословакии. Для чехов это был удар в спину. Свободный мир также счел польские действия в Заользе позорными». (*Дариуш Балшиевский, «Ньюсуик-Польша»*, 5 окт.)

• Представители муниципальных властей Перемышля возложили цветы к могиле Рышарда Сивеца в 35-ю годовщину его смерти. 8 сентября 1968 г. в Варшаве во время всепольского праздника урожая Сивец на глазах у 100 тысяч человек совершил самоубийство в знак протеста против участия Польши во вторжении стран Варшавского договора в Чехословакию. (*«Газета wyborcza»*, 12 сент.)

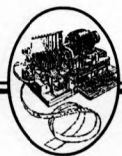
• С согласия польских властей три израильских самолета Ф-15 пролетели над территорией бывшего лагеря смерти в Освенциме, чтобы таким обра-

зом почтить память жертв Катастрофы. Комментируя это, директор государственного музея «Аушвиц-Биркенау» Ежи Врублевский сказал: «Мы с сожалением воспринимаем такой способ демонстрации военной мощи Израиля в этом месте». (*«Тыгодник повшехний»*, 14 сент.)

• Станислав Лем: «Очень многие главы истории люди переписывают заново, чтобы забыть о прошлом, — особенно если забывающая сторона виновна в массовых убийствах и человеческом несчастье. Профессор Эрнст Нольте пытался внушить (прежде всего немцам), что ужасы нацизма были лишь неумелой копией ленинской системы. В свою очередь русские молчат о Катыни, Медном, Харькове и т.д., ссылаясь на поразительный с правовой точки зрения аргумент, что-де сталинизм и ленинизм уничтожили гораздо больше коренных русских и украинцев, нежели поляков...» (*«Тыгодник повшехний»*, 5 окт.)

• Дипломы министра иностранных дел за выдающиеся заслуги в деле популяризации Польши в мире в 2002 г. получили, в частности, председатель Общества московских полонистов и автор первого в России учебника «Польский язык в школе» Виктория Тихомирова и директор Львовского музея этнографии Роман Чмелык. (*«Жечпосполита»*, 9 сент.)

• 7 сентября в Сиднее на 74-м году жизни скончался Ежи Бонецкий. В 70-е гг. Ежи Бонецкий вместе с группой друзей создал Австралийский комитет по правам человека в СССР, впоследствии расширенный на всю Восточную Европу. Затем, в 1980 г., он основал в Австралии Независимый фонд поддержки польской культуры «Полькуль». На протяжении первых десяти лет своего существования «Полькуль» оказывал помощь людям, участвовавшим в оппозиционной деятельности. Тадеуш Конвицкий назвал премию «Полькуля» «скромным боевым орденом грядущей свободной Польши». О следующем периоде деятельности в свободной Польше сам Бонецкий говорил: «Сегодня мы ищем незаметных героев, которые закладывают основы гражданского общества, учат заботиться об общем благе, развивают местную культуру, помогают инвалидам». Бонецкий исповедовал принцип: каждый человек обязан помогать тем, кому живется хуже. Людей, которые выбрали его, когда он бежал из гетто, Ежи Бонецкий всегда называл своими родителями. (*«Газета wyborcza»*, 10 сент. и *«Жечпосполита»*, 20-21 сент.)

• Тадеуш Конвицкий, почетный гость Московской книжной ярмарки: «Я не был здесь уже лет десять. Теперь это совсем другой город. Даже соцреалистические башни похорошели». В последнее время Конвицкий стал самым печатаемым в России польским автором. Большой интерес вызывает у россиян также «Четвертая сестра» Януша Гловацкого, действие которой происходит в России вскоре после распада СССР. Писатель и режиссер Андрей Яхонтов комментирует это так: «Гловацкий прекрасно чувствует Россию. Благодаря тому, что он поляк, наш сосед, что наша история так драматически переплелась, он смотрит на нас со стороны. Ни один другой писатель не написал ничего столь же интересного о России 90-х». (*«Газета выборча», 8 сент.*)

• Российские и польские визы выдаются бесплатно детям и молодежи до 16 лет, пожилым людям старше 70-ти, инвалидам, лицам, навещающим больных членов семьи и могилы родственников, а также едущим на похороны. Кроме того бесплатные визы получают жители Калининградской области и направляющиеся туда поляки. Однократная виза стоит 10 евро, двукратная — 16 евро, многократная — 50 евро. (*«Жечпосполита», 19 авг.*)

• Станислав Цёсек, бывший посол Польши в СССР: «Жаль, что [российская сторона] отвергла предложение бесплатных польских виз взамен за безвизовый въезд поляков в Россию. Это была бы хорошая исходная точка в последующих переговорах о визовом режиме между Россией и Евросоюзом. По такому принципу договорились между собой Польша и Украина». (*«Жечпосполита», 18 сент.*)

• Заместитель министра иностранных дел России Сергей Разов во время церемонии подписания польско-российского договора о визовом режиме: «Переход на визовый режим — это не наш выбор (...) но своего рода обязательная программа для Польши в контексте ее вступления в Евросоюз (...) На первом этапе наверняка будут сложности (...) так как жизнь всегда богаче всяких документов». (*«Газета выборча», 19 сент.*)

• Депутат Александр Малаховский из «Унии труда» был членом делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы, посланной в Белоруссию, чтобы проверить, соблюдаются ли там гражданские права. Во время встречи с послами государств-членов Совета Европы Малаховский сказал, что Белоруссия — страна довольных и хорошо одетых людей, что Минск отремонтирован и что он поло-

жительно оценивает события, произошедшие в этой стране. По словам другого члена делегации, депутата Богдана Клиха, он добавил также, что в Белоруссии живется лучше, чем в Польше. Малаховский не видел необходимости встречаться с оппозиционными кругами. Посол Великобритании Брайан Беннет заявил, что возмущен словами Малаховского, и покинул встречу, не прощаясь. Зато Малаховского поздравил посол России. (*«Жечпосполита», 24 сент.*)

• В 2002 г. Польшу посетило 4 241 711 граждан Белоруссии. В качестве цели поездки чаще всего указывался туризм (3 435 539 человек) и транзит (705 960 человек). Реже всего белорусы вписывали в графу «цель поездки» торговлю (19 411 человек). (*«Пшеглэнд православный», сентябрь*)

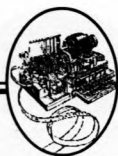
• В 2000 г. заявление о предоставлении политического убежища в Польше подали 4662 человека, в т.ч. 966 чеченцев (20% от общего числа). В 2001 г. чеченцев было уже 29%, а в 2002-м — 57%. В этом году 74% всех просителей политического убежища составляют чеченцы. (*«Жечпосполита», 29 сент.*)

• По данным национальной переписи населения, в 2002 г. в Польше пребывало около 34 тыс. иммигрантов — лиц, постоянно проживающих за границей, а в Польше находящихся лишь временно. У четверти из них было польское гражданство. Среди остальных 24 тыс. иностранцев, т.е. лиц, не имеющих польского гражданства, 4,5 тысячи были гражданами стран Евросоюза. Более 30% приехали с Украины, из России и Белоруссии. Большинству из них от 20 до 29 лет. (*«Политика», 27 сент.*)

• Варшава — одно из крупнейших в Европе мест сосредоточения вьетнамцев. По данным министерства внутренних дел и администрации, в Польше их около 20 тысяч. Сами вьетнамцы говорят о тридцати тысячах. У них есть собственные общества и спортивные клубы. (*«Газета выборча», 16 сент.*)

• 15 сентября минул год со дня открытия и освящения радиостанции «Ортодоксия». «Ортодоксия» существует за счет добровольных пожертвований. (*«Пшеглэнд православный», сентябрь*)

• 15 сентября в деревне Костомлоты (гмина Кодень) открылся мужской монастырь св. Серафима Саровского. Это восьмая монашеская община православной Церкви в Польше. Мужские монастыри действуют в Яблечной, Костомлотах, Саках, Супрасле и Уйковицах, женские — в Белостоке, Дойлидах, Войнове и на священной горе Грабарке. (*«Пшеглэнд православный», сентябрь*)

• Такого количества желающих стать священниками в Польше не было уже много лет. В этом году на первый курс духовных семинарий поступило более 1400 человек. (*«Жечпосполита», 17 сент.*)

• По данным министерства здравоохранения, в прошлом году в Польше родилось 353,7 тыс. детей — на 14 тысяч меньше, чем в 2001 году. 14% детей родились во внебрачных союзах. 24 тыс. детей родились у несовершеннолетних матерей в возрасте от 15 до 19 лет, а 51 ребенок — у девочек младше 14 лет. В роддомах было брошено 1018 детей — на 119 больше, чем в 2001-м, и в два раза больше, чем в 1998-м. Начиная с 2001 г. в Польше растет число новорожденных с малым весом: в 2002 г. родилось 3430 таких детей (на 2% больше, чем в 2001-м). Рост же числа новорожденных с очень малым весом составил целых 8,5% по сравнению с 2001 г. — в 2002 г. родилось 1385 таких детей. Шансы на выживание новорожденных, весящих от 500 до 999 г, составляют лишь 50%. Впоследствии у них часто обнаруживаются пороки развития. (*«Жечпосполита», 15 сент.*)

• Кадмий, олово, цинк, медь, более 50 видов паразитов, в т.ч. четыре ранее неизвестных — вот предварительный список того, что обнаружила в утках-кряквах группа ученых под руководством проф. Эльжбеты Калисинской из Щецинской сельскохозяйственной академии. Концентрация почти всех тяжелых металлов в телах уток слишком высока. Однако больше всего в них кадмия. Таков результат нескольких десятков лет использования загрязненных им минеральных удобрений. Только теперь мы начинаем ощущать последствия этого. Кадмий разрушает почки, может повредить печень и яички. Тяжелые металлы расшатывают иммунную систему. То же самое наблюдается у зайцев. Численность этого до недавнего времени распространенного вида падает, говорит проф. Калисинская, которая рассматривает все это как очень серьезное предупреждение людям. (*«Газета wyborча», 2 окт.*)

• Проф. Каetan Врублевский, бывший ректор Варшавского университета: «Леса вырубаются. На древесину идут даже деревья, растущие на охраняемых территориях (...) Конечно, вместо них сажают новые, но это, как правило, сосновые монокультуры. Они не создадут здоровых экосистем.

Не будет у них и такого иммунитета против вредителей и пожаров, как у естественных лесов». (*«Газета wyborча», 19 сент.*)

• Действия экологов из общества «Эмпатия» и клуба «Гайя» привели к тому, что в этом году организаторам Варшавского фестиваля циркового искусства пришлось отказаться от выступлений дрессированных животных. В представлениях участвовали только люди. (*«Газета wyborча», 29 сент.*)

• В каждом втором польском доме живет собака. Это феномен мирового масштаба. Во Франции и Ирландии собака есть только в каждой 36-й семье. Однако каждый 13-й поляк дурно обращается с животными, а убежища для бездомных животных переполнены. Феномен польской собаки заключается в том, что несмотря на многовековую традицию мы так и не научились относиться к ней с уважением. (*«Ньюсуик-Польша», 28 сент.*)

• По данным Главной ветеринарной инспекции, в 1999 г. число собак, содержащихся в убежищах, составило 12 539, в 2000 г. — 14 817, а в 2001 г. — 16 488. Однако число усыплений уменьшилось с 14 956 в 1999 г. до 12 848 в 2000 и 12 525 в 2001 г., а число животных, нашедших новых хозяев, увеличилось с 31 809 в 1999 до 33 130 в 2000 и 36 625 в 2001 году. (*«Газета wyborча», 4-5 окт.*)

• Ежегодно в Польше выкупается лишь 300 страховых полисов для собак и кошек. Общее число этих животных оценивается в 7 млн. собак и 6 млн. кошек. Полис дает возможность возмещать стоимость лечения. Для сравнения: в Великобритании страховкой охвачено около 14 млн. собак и кошек, что составляет 10-12% всей популяции. (*«Жечпосполита», 17 сент.*)

• Выделиться из толпы можно уже только одним способом — купить себе нетипичное животное. В Польше растет популярность змей, крокодилов, обезьян, крупных экзотических попугаев. А также свиней. Пока что в Польше свиней в качестве домашних животных держат около 20-30 человек. (*«Газета wyborча», 27 мая*)

• Каждое хромотое, слепое или глухое животное будет немедленно заменено на новое, без изъяна, говорит Януш Слodusкий из зоомагазина «Экзотика». (*«Газета wyborча», 27-28 сент.*)

Эва Весоловская
Дариуш Стасик

МАЛОЕ — ПРЕКРАСНО

Моника Андросюк,
канцелярия «Олаф Геттинг»

Финансовый и кредитный консалтинг. 12 новых работников. В последние месяцы в ее офисе нашли работу более десяти человек, в том числе юристы, финансовые аналитики, советники по налогам и специалисты по кредитам. Они будут давать советы по вложению капиталов фирмам, выходящим из кризиса. Андросюк рассчитывает на то, что финансовое состояние предприятий улучшится, т.к. в будущем году они будут платить более низкие налоги.

О владельцах малых фирм можно сказать разное, но одно следует признать: они обладают чутьем. Они первыми ощутили признаки оживления и принялись нанимать работников.

Когда со склада в Кальварии-Зебжидовской начали исчезать подошвы и набойки, Яцек Конечный, владелец фирмы «Москва» был встревожен. Ему не раз случилось иметь дело с воровством. Однако на этот раз оказалось, что материал закупили окрестные обувные мастерские. У них появились клиенты, и они принялись тачать обувь в большем количестве. Для Конечного это означало необходимость нанять новых людей в отдел продаж. Пока что он принял двоих: их задача — организовать поставки. Но если оживление продлится подольше, то осенью, когда мастерские начнут производить обувь на лето, он примет еще одного-двух человек.

Как два года назад малые компании первыми откликнулись на рецессию и начали сокращать ставки — Конечный тогда уволил двоих, — так и теперь они первыми ощущают возвращение конъюнктуры и нанимают работников. У экономистов уже нет сомнений, что польское хозяйство тронулось с места. Они спорят лишь об одном: насколько в этом году возрастет ВВП — на 3 или 3,5%. Даже безработица с 18,7% в декабре прошлого года снизилась до 17,8% в июне этого.

— Если сезонное снижение безработицы гораздо больше того, что ожидалось, а наем работников в больших фирмах, которые обследует ГСУ [Главное статистическое управление], не растет, это значит, что работу дают малые предприятия, — говорит Кшиштоф Рыбинский, экономист из третьего по величине польского банка.

Это подтверждают результаты обследований польского отделения «Хадсон глобал ресурсиз», фирмы, занимающейся персональным консалтингом. По ее данным, занятость в малом бизнесе начала расти на 3,56% в квартал с начала года. Целых 30% фирм с числом работников до

50-ти планируют принять в этом году новых людей. Больше всего ставок прибавится в сервисе, в телеинформатике и логистике и в производственно-промышленном секторе.

Из данных ГСУ следует, что в июне этого года предприниматели подали в официальные учреждения свыше 65 тыс. предложений рабочих мест, на 40% больше, чем за год до этого. В сумме за первое полугодие к посредникам от фирм пришло примерно на 90 тыс. предложений рабочих мест больше, чем за тот же период прошлого года.

— Фирмы выходят из прорыва, говорит Моника Андросюк, глава канцелярии «Олаф Геттинг», занимающейся финансовым консалтингом и кредитным посредничеством для предприятий. Ибо, когда положение фирм улучшается, растет спрос на специалистов по финансам, налогам и консалтингу. Андросюк решила долго не дожидаться: месяц назад она перенесла канцелярию в более просторное помещение и расширила ее деятельность, в частности за счет юридических консультаций и поисков инвесторов для фирм.

— Мы намерены заняться комплексным обслуживанием фирм, от А до Я, — говорит она. Это означало рост занятости в ее фирме на 150%. Уже сегодня здесь нашли работу новые специалисты: юристы, финансовые аналитики и консультанты по налогам и кредитам. — На наши объявления в печати откликнулось несколько сот человек. Папки лопались по швам от заявлений.

Малгожата Хехлинекая, туристическое агентство «Трип», гостиница «Литвор» и др.

Туризм, гастрономия, гостиничное дело. 9 новых работников. Она принимает на работу официантов и работников по обслуживанию туристов. Рассчитывает, что вместе с экономическим оживлением у фирм и людей будет больше денег, которые они охотно оставят в ее гостиницах и ресторанах, а также в тур-агентстве.

Томаш Тонтор, фирма «Тонтор»

Жилищное строительство. 6 новых работников. Первые сигналы возвращения конъюнктуры привели к тому, что Томаш Тонтор стал принимать на свое предприятие в Калише новых работников, в том числе служащих. Вскоре он собирается принять дополнительных работников в отдел производства металлопластиковых окон. Он рассчитывает, что вместе с оживлением экономики возрастет спрос на окна, производимые его фирмой.

Она рассчитывает, что вскоре снова заглянет в эти папки, так как уже планирует очередной набор специалистов. В будущем году налоги с фирм снизятся с 27 до 19%, что должно улучшить их финансовое состояние. По оценкам министерства финансов, в кассах предприятий благодаря этому останется около 4,5 млрд. злотых.

— Сниженные налоги способствуют улучшению настроений среди предпринимателей, поэтому они с большей готовностью создают новые рабочие места, — говорит Богдан Выжникевич из Института исследований рыночной экономики. Кроме того фирмы более оптимистически взирают на будущее, так как правительство обсуждает возможность введения линейного налога. Если его введут, в руках поляков останется куда больше денег, которые они смогут потратить на потребление. А значит, фирмы повысят свою производительность.

Предприниматели уверяют, что даже если линейный налог не будет введен, налоги все равно снизятся. Ибо такова необходимость. Подобным образом обстоит дело с поправками к Трудовому кодексу. Сколько лет шел нажим на сменявшие друг друга правительства, пока в конце прошлого года поправки не были приняты.

— Окупились! Если бы не изменения в кодексе, фирмы теперь набирали бы меньше народу, а так они не боятся, — говорит Еремий Мордасевич из Польской конфедерации частных предпринимателей. Раньше уже третий трудовой договор должен был быть подписан на неопределенный срок, что отталкивало предпринимателей от приема новых людей. Постоянный контракт означал для них более долгий срок предупреждения перед увольнением и необходимость выплаты высокого выходного пособия. Сегодня это предписание уже не дейст-

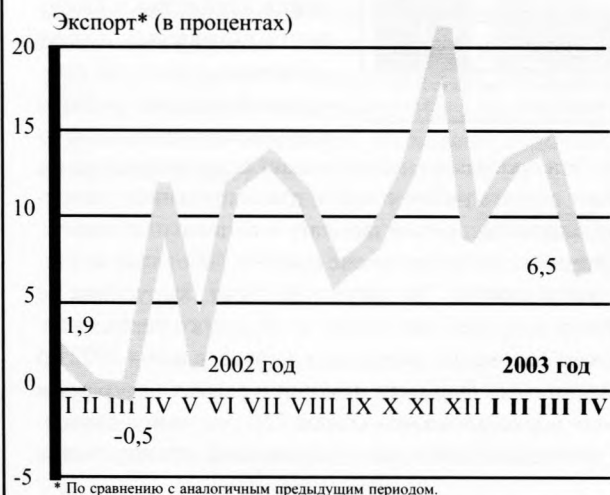
вует. Более того, фирмы с числом работников до 20-ти не обязаны выплачивать выходное пособие. Фирмы побольше — да, конечно, но размер выходного пособия теперь зависит от стажа у того предпринимателя, который увольняет.

— Чем легче уволить работника, тем легче берешь его на работу, — подводит итог Кшиштоф Рыбинский.

Из такой посылки исходит и Малгожата Хехлинская, совладелица четырех закопанских компаний: турагентства «Трип», гостиниц «Бельведер» и «Литвор» и пансионата «Черный поток». Хехлинская вздохнула с облегчением, когда узнала, что третий трудовой договор не должен быть непременно контрактом на неопределенный срок и что ей не грозит банкротство из-за выходных пособий. Предчувствуя наступающее оживление, она немедленно дала объявление в местную газету и начала прием на работу. Она ищет сотрудников в турагентство и

ЭКСПОРТНЫЙ МОТОР

ВОТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ, КАК ВОПРЕКИ МИРОВОМУ ЗАСТОЮ ЭКСПОРТ РАСТЕТ И ДАЕТ РАЗГОН НАШЕМУ ХОЗЯЙСТВУ.

Яцек Конечный, фирма «Москва»

Оптовая торговля. Двое новых работников. В последние недели Конечный нанял двоих новых работников по делам продажи. Они нужны ему, так как сапожная фабрика в Кальварии-Зебжидовской увеличила закупки подошв и набоек. Если оживление сохранится, то осенью, заверяет Конечный, он примет еще людей на работу.

КАК РАЗВИВАТЬСЯ В РАМКАХ ЕВРОСОЮЗА *Полтысячи идей*

Объявлены результаты конкурса Польского национального банка и Центра повышения квалификации учителей (под покровительством «Газеты выборчей») на лучшую работу на тему «Развитие твоей местности в рамках Евросоюза». В конкурсе приняли участие 500 с лишним юношей и девушек. Все каникулы они докучали родителям, солтысам [сельским старостам], членам местных советов и бурмистрам [мэрам малых городов], чтобы узнать, как лучше всего воспользоваться вступлением в ЕС.

«Вот мой совет: то, что в нашем сельском хозяйстве считалось недостатком, становится достоинством, так как европейское сообщество возвращается к экологическому хозяйству. Экологическое производство может дать шанс твоему малому хозяйству», — такой совет дала золотая рыбка крестьянину Мацею в работе Амелии из Чижева.

Лукаш Адамчевский из Александрова-Луцкого хотел написать, «как прекрасно будет в его городе, как уменьшится безработица и исчезнут дыры в мостовых». Но какой-то внутренний голос ему подсказал: «Евросоюз — не Гарри Поттер, а членство в нем — не школа волшебства и чародейства». И вот две недели он читал в помещении гмины [местной администрации] «груды скучных документов». И что же он предлагает? Укрепить и поделить на строительные участки землю бывших госхозов, ибо строительство — огромное маховое колесо экономики.

официантов в ресторан в пансионате. В агентстве сейчас работают 23 человека, и она хочет принять еще троих, а персонал пансионата «Литвор» собирается увеличить на шесть человек (сейчас там работает 40).

— Я охотней принимаю людей на работу, зная, что плохого работника смогу выгнать, — говорит она.

Ибо не всякий годится для работы в туризме. По ее наблюдениям, 20% обращающихся к ней людей должны бы поискать другое занятие. Правда, они знают иностранные языки, имеют дипломы отличных училищ, но — нетерпеливы, легко обижаются, злятся. А клиенты гостиницы, известное дело, разные: кривятся, умеют быть неприятными. Хорошая горничная или администраторша никогда не покажут, что гость им стал поперек горла. То же самое и официантка.

— Не может обслуживать клиентов особа, которая изображает из себя оскорбленную принцессу, если гость устроил скандал, — объясняет хозяйка пансионата. — надо улыбнуться и извиниться.

Но человека сразу не узнаешь, разговора перед приемом на работу редко хватает. Некоторые обнаруживают, каковы они, только через несколько месяцев. Поэтому Хехлинская до сих пор неохотно принимала новых

работников, особенно без рекомендации. Теперь она выделяет ставки куда смелей: в случае чего можно довольно безболезненно расстаться с работником.

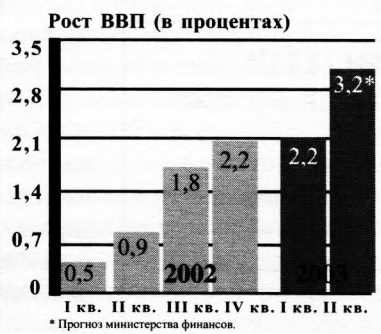
Однако не только симптомы оживления экономики и либерализация трудового законодательства склонили Хехлинскую набрать людей на работу. Хозяйка агентства «Трип» воспользовалась также правительственной программой «Первая работа» и приняла троих выпускни-

ков этого года. Эта программа поддерживает предпринимателей, которые решают создать рабочее место для выпускника, например, в течение года возмещая им зарплату и социальные взносы. Любой предприниматель может также принять работника на стажировку для выпускников. Это ничего не стоит: выпускник во время стажировки получает стипендию от трудового управления.

Как сообщает ведомство экономики и труда, с июня 2002 по май 2003 г. различными формами помощи в рамках программы «Первая работа» воспользовались свыше 150 тыс. выпускников. Наибольшей заинтересованностью пользовались стажировки, в

ЭКОНОМИКА СДВИНУЛАСЬ С МЕСТА

Растущий ВВП позволяет надеяться, что нынешний рост может оказаться устойчивым.

которых было занято 88 тыс. человек. Возмещаемой зарплатой и социальными взносами в связи с приемом на работу выпускников воспользовались 27,6 тыс. человек, а получением квалификации — 26,3 тысячи.

Магдалену Кравчик, окончившую в этом году административные курсы для выпускников школ, неделю назад принял на работу Томаш Тонтор, владелец фирмы, производящей пластмассовые и алюминиевые окна. Она будет секретаршей. Для него это невероятно выгодно, так как он не истратит на нее ни гроша (Калишское трудовое управление в течение года возмещает ему 100% затрат), а еще один человек лишним в бюро не будет.

Пока что Тонтор очень доволен Магдой — он даже подал в трудовое управление заявление о готовности принять еще пять выпускников, которых использует на производстве. Владелец фирмы не скрывает, что, если бы не дотации, он и не думал бы их нанимать: дал бы работу, притом только сезонную, нескольким уже знающим дело людям, а осенью уволил бы, потому что с первыми холодами спрос на окна кончается.

— За год молодежь может обучиться профессии, — говорит он, — а если число заказов на окна будет расти, лучшим продлим договоры.

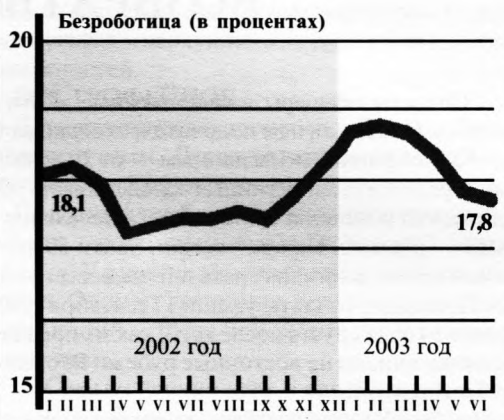
Для молодежи это выпавший им шанс: альтернативой пока что остается посредник. У нас демографический пик: в будущем году школы окончат свыше 400 тыс. человек. Поэтому особого улучшения на рынке труда не будет. Хотя занятость начинает расти, к концу года безработица все равно, по мнению экономистов, достигнет 18,2%.

В ближайшие несколько лет безработицу удастся постепенно ограничить, только если правительство будет продолжать необходимые реформы. Нужно и дальше либерализировать Трудовой кодекс, реформировать государственные и муниципальные финансы и ограничивать расходы на зарплату, не входящие в зарплату нетто, такие, например, как налоги или взносы. Ибо, как говорит старая народная пословица, на ивовых дудочках симфонию не сыграть.

Newsweek

РАБОТЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ МАЛО

Безработица слегка снизилась, главным образом за счет сезонных работ, но и за счет того, что малые фирмы зашевелились

РАСТЕТ ПРОДУКЦИЯ

Оптимистические настроения внушает рост продукции по сравнению с прошлым годом.

* По сравнению с аналогичным предыдущим периодом.

Артур Гузицкий

ВОЗВРАТЫ БЕЗ ПРИКАЗА

Солдаты, офицеры, вольнонаемные, дети и молодежь. Никто так и не подсчитал, сколько их было. По неофициальным данным — от 20 до 60 тысяч. Среди жителей Легницы господствовало убеждение, что половина стотысячного населения города — русские. На протяжении почти 50 лет союзная армия занимала треть площади всего города. Последние солдаты уехали 17 сентября 1993 г., ровно 54 года спустя после того, как их предшественники напали на восточные рубежи Второй Речи Посполитой.

— Это было великий исход, сопровождавшийся десятками личных драм. Люди оставляли в Легнице несколько лет своей жизни. Набившись в поезда, они ехали на восток, не зная точно, куда. Для меня отъезд из Легницы в Россию отнюдь не был возвращением — он был путешествием в неизвестность, — рассказывает Виктор Добрычин, бывший капитан советской, а затем российской армии. В Легнице он провел шесть лет и сегодня считает, что это было лучшее время его жизни. — В Легнице у меня была квартира, работа, какие-то заработки и множество знакомых. В России у меня не было ничего. Я все оставил внезапно. Как большинство наших — раз, и всё. Утром на вахте я получил повестку, а через 24 часа мы уже сидели в армейском эшелоне: я, моя жена, дочка и сотни других семей. Мне как офицеру полагалось полвагона на личные вещи.

Поездка в Россию продолжалась шесть дней. Никто не знал, куда они едут и что найдут. Поезд остановился в городке за Уралом. Здесь им предстояло начать новую жизнь.

— Солдаты пошли в казармы, а офицеры с семьями остались в вагонах. Эти полвагона стали моей квартирой, — рассказывает Добрычин. — Мы прожили там всю осень и зиму. Без работы и без дома. Единственное, что у нас было в изобилии, это уголь — на этой железнодорожной ветке угля было сколько угодно.

Десять месяцев спустя оказалось, что для Виктора и его семьи нет места в тамошнем гарнизоне. Ему предложили на выбор: или демобилизоваться, или ехать на Дальний Восток. Да только и там не было гарантий, что он получит квартиру.

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

— В Легнице у нас было спокойствие, благополучие, уверенность в завтрашнем дне, — вспоминает Добрычин. — За меня думали. Тогда я не ценил условий, которые нам создала советская родина. В Польше армия регулярно выплачивала жалованье. Оно было не такое уж большое, но нам на все хватало. Квартира была бесплатная, еда тоже. Каждый месяц я получал продуктовый паек. В России не было даже этого.

Офицерские пайки, особенно в те времена, когда в польских магазинах было хоть шаром покати, составляли предмет зависти многих легницких семей. Мясо, масло, рыба, сахар, сладости, сигареты и спиртные напитки, которых полякам недоставало, — у русских всего этого было вдоволь. Близкое знакомство с обладателем пайка было делом исключительно ценным. У него можно было за гроши купить многие продукты. Благодаря ему иногда удавалось попасть в русский магазин. А магазин за стенами был тогда как врата в рай. Особенно если удавалось проникнуть в «квадрат» — замкнутый, окруженный бетонной стеной квартал вилл, где жили старшие офицеры. Там, среди вилл-особняков, построенных немецкими промышленниками в начале XX в., был настоящий город в городе. Рай за этой стеной был закрыт даже от большинства живших в Легнице русских.

— Там размещалось командование Северной группы войск советской армии, — рассказывает Ирина, бывшая повариха в советском госпитале, где работало свыше 600 человек. — Вокруг стена, часовые с оружием. Чтоб войти, требовался особый пропуск. Его получали только избранные. Зато в магазинах в «квадрате» было то, о чем мы, рядовые граждане, могли только мечтать. Итальянская обувь, французские духи, японская электроника. Кое-кто из командования зарабатывал на этом большие деньги: они торговали с поляками.

Ирина приехала в Легницу в 1987 г. по контракту на два года:

— Я очень хотела поехать работать за границу. Я тогда не имела понятия о том, что происходит в мире. О Польше и поляках тоже ничего не знала. Нам говорили, что мы

должны помогать полякам в сохранении мира и обороне их границ, что братский польский народ нам за это благодарен.

На месте оказалось, что с симпатией поляков всяко бывает. Вдобавок русским запрещали вступать в какие бы то ни было контакты с польскими жителями Легницы. Дружба с ними грозила немедленной оправкой в Советский Союз. Однако многие не обращали внимания на официальные запреты. Ира подружилась с одним поляком так крепко, что несколько лет спустя вышла за него замуж. Благодаря этому она живет в Легнице и ныне. Впрочем, браки были одним из самых популярных способов продлить пребывание в Польше. И это тоже бывало бизнесом, особенно в начале 90-х.

— А что нашим оставалось делать? — говорит полковник Борис Потапов, одним из последних российских офицеров покинувший Польшу. — Как только подворачивался случай, расписывались и оставались. Мой сын тоже так сделал, он и сейчас живет в Легнице.

БЕЗДОМНЫЙ ПОЛКОВНИК

Военврач Потапов прослужил в Легнице шесть лет. Раньше он служил в Афганистане и ГДР. Перед выводом российских частей несколько месяцев сотрудничал с польской администрацией. 17 сентября 1993 г. он принимал участие в прощальной встрече командования тогда уже российской армии с президентом Польши. С тех пор легницкие знакомые, с которыми он продолжает поддерживать связь, называют его «бельведерщик» [от Бельведера — резиденции президента].

— Они смеются, что я пил с Валенсой. Но тогда, в 1993 г., было не до смеху. После встречи с Валенсой все наши двинулись на восток, а я — обратно в Легницу. Сын оставался на постоянное жительство, и надо было как-то его обустроить. Слава Богу, поляки — славяне, и мы тоже, так что договориться было можно.

В Россию он вернулся спустя несколько недель.

— Работу я нашел сразу: стал начальником медслужбы МВД в Москве. Трудности были только с жильем. Два года жил по знакомым. Случалось, как бомжу, спать на вокзале. По правде говоря, выехав из Легницы, я стал бездомным. Все, кто знал, где я служил, думали, что я сплю на мешке с деньгами и квартиру себе могу купить, не задумываясь. Спрашивали только, сколько «гринов»

загребастал, сколько электроники привез, за сколько продал «Мерседес». Так тогда думали о тех, кто приезжал из Польши.

По мнению полковника Потапова, бизнес в последние дни пребывания — это сказки. Конечно, были такие, кто в это время заработал. Те, кто принадлежал к верхушке: в их руках было много возможностей.

ВСЕ ТРОФЕЙНОЕ

Договариваться с русскими в Легнице было делом обычным. Дети торговали звездочками, взрослые — «Мерседесами».

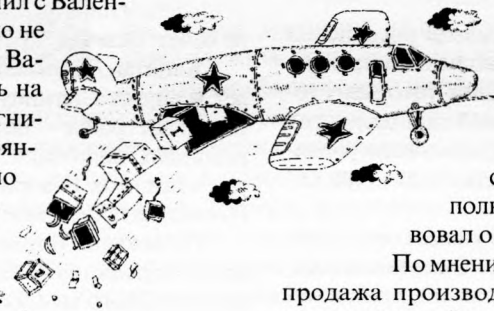
Под конец пребывания российских частей в Польше черный рынок достиг высшей точки расцвета. У русских можно было купить все, даже танк. Один из легницких бизнесменов, предпочитающий, чтобы его имени не называли, вспоминает:

— Самые лучшие дела в своей жизни я вел летом 93-го. Я тогда занимался скупкой металлолома, а солдаты были моими старыми клиентами. Помню, однажды полковник предложил мне разобранный на части бронетранспортер. Я купил его за ничтожные деньги. Несколько дней спустя ко мне во двор въехал «газик» с ихней милицией. Вылезли двое, один в штатском, один в форме. Штатский спросил, правда ли, что я купил танк. Я взмок от страха и стал отпираться. Тогда из машины вылез тот полковник и спросил: «Пан, еще два купишь?»

— Это были времена, когда никто не в силах был контролировать потоки людей и товаров, — говорит Рышард Яськовский, в то время вице-президент Легницы. — Русские ввозили и вывозили что хотели. Действовали они в страшной спешке. Часто, когда мы приходили, чтобы принять российские объекты, заставляли на столах открытые консервы, тарелки с едой. Царил полный хаос, который свидетельствовал о спешке.

По мнению Яськовского, всеобщая распродажа производилась еще и в силу русских умонастроений:

— Они никогда не относились к Легнице как к польскому городу. Все тут было для них трофейное. Даже сорок лет спустя после войны все, что в городе было старого, русские рассматривали как бывшее немецкое имущество. Поэтому они всюду рыскали и всё продавали, даже имеющие историческую ценность фрагменты оснащения квартир, выстроенных в стиле модерн.

ДЫРА В НЕБЕ

Сегодня уже не определить, каким размахом бизнеса сопровождался вывод войск. У вольнонаемных был свой бизнес, у офицеров — свой.

— Каждый хотел как-то себя обеспечить — каждый по мере своих возможностей. А самые большие возможности были у генералов, — говорит Виктор Добрычин.

— Пресловутую дыру в небе, с которой мы ничего не могли поделаться, — прибавляет Яськовский, — создало в Легнице высшее командование.

Эта дыра была на местном аэродроме, где приземлялись военные самолеты из Восточной Германии и откуда отлетали транспортные самолеты в Россию — и те и другие без всякого контроля. И хотя чем ближе к выводу войск из Польши, тем с большей готовностью русские сотрудничали с польской администрацией, однако насчет аэродрома они не уступили ни на йоту. Польский таможенный контроль, установленный там в последние месяцы пребывания российской армии, мог лишь считать, сколько самолетов проехало по летному полю.

— До нас доходили сведения, — говорит Яськовский, — что на аэродроме идет контрабанда неслыханного размаха. Чтобы противостоять этому, мы поставили оцепление, решили замкнуть территорию. Когда полиция и городская охрана стали в оцепление, напротив наших выстроились русские с калашниковыми наизготовку. Они в таких делах не шутили.

ГЛАЗНИК С ИГЛОЙ

Десять лет спустя после вывода российской армии в Легнице осталось несколько по-прежнему не обустроенных объектов, для которых у городских властей не нашлось идей, да ностальгия по армии, которая, правда, ограничивала развитие города, но многим его жителям давала средства к существованию.

— Торговля торговлей, оккупация оккупацией, но мы с ними уживались. Это были наши соседи по дому. Их дети играли с нашими, а наши жены одалживали друг дружке соль. Бывало, кто-нибудь из русских помогал нам устроить какие-то дела, — говорит один из жильцов большого дома в центре Легницы, где свыше тридцати лет жили и поляки, и русские. Ему лично, говорит он, русские врачи спасли ребенка. По сей день он хранит выданное тогдашним воеводским управлением

Общества польско-советской дружбы двуязычное направление на медицинскую консультацию. «Настоящим направляем нашего активиста ... возраст 3 недели на врачебное обследование в гарнизонный госпиталь в Легнице», — написано на слегка истершемся листе бумаги.

— Это были отличные врачи. Люди приезжали сюда со всей Польши. Был здесь, например, такой глазник, вроде бы профессор, который исправлял зрение иглой. Операция стоила столько же, сколько видеоманитофон. Сегодня о таком лечении можно только мечтать.

Кухарка Ирина, капитан Добрычин и полковник Потапов провели в Легнице по несколько лет. Их судьбы после распада Советского Союза и вывода из Легницы частей, с которыми они сюда прибыли, сложились по-разному.

Ирина и сейчас живет в Легнице. У нее уже второй муж — предыдущий, благодаря которому она осталась в Польше, оказался человеком неуживчивым. Теперь Ирина работает в одной из фирм в особой экономической зоне. Думает заняться своим собственным бизнесом. О том, что она русская и попала в Польшу с советской армией, знают лишь немногие знакомые. Обычно, когда ее спрашивают, почему у нее восточный акцент, говорит, что она полька из Казахстана. Старается не вдаваться в разговоры с первым встречным: говорит, что у нее в этом отношении плохой опыт. В Россию возвращаться не хочет: незачем.

Капитан Добрычин, проскитавшись несколько лет, вернулся в Легницу. Ему помогли знакомые. Работает на стройке — нелегально, за несколько долларов в день. Благодаря этому его семье в России живется неплохо. Говорит, что мечтает поселиться в Польше на постоянное жительство.

Полковник Борис Потапов продолжает служить государству. Работает в МВД. На получение генеральского звания шансов у него нет, так как нет нужной политической поддержки. В Легницу он приезжает два раза в год в гости: здесь живет его сын Павел, невестка и внуки. Павел Потапов, тоже врач, приобрел хорошую профессиональную репутацию. Борис все чаще всерьез думает навсегда поселиться в Легнице.

Янина Куманецкая

САГА РОДА СЛОНИМСКИХ

Напечатанный ниже текст взят из одноименной книги Я. Куманецкой, которая вскоре выйдет в издательстве «Искры». Мы выбрали несколько фрагментов, рассказывающих об истории этого рода, запечатлевшейся на пограничье еврейской, польской и русской культур.

«Здесь, на польской земле сформировалась непокорная интеллигенция, по духу близкая идеям Просвещения, но в то же время романтическая и патристически настроенная, сочетавшая «разум и глаз» братьев Снядецких¹ с «чувством и верой» Мицкевича², мудрую иронию Болеслава Пруса со страстью Жеромского», — писал Адам Михник в статье, посвященной памяти Антония Слонимского. Когда я работала над книгой, посвященной знаменитому роду, откуда ведет свою родословную этот выдающийся польский поэт, я тоже старалась помнить об этом. Но при этом я не забывала и о том, что

зародившиеся на польской земле традиции со временем были перенесены в другие регионы мира, а история гордящегося своими еврейскими корнями рода Слонимских великолепно иллюстрирует этот факт. Видные представители этого рода участвовали в формировании культуры многих стран и двух континентов, причем интеллектуальное влияние польской культуры начало шириться как раз в те годы, когда Польша утратила независимость и в конце концов исчезла с карты Европы.

Слово «гаскала» означает на иврите «просвещение». Этим словом обычно называют просветительское движение среди евреев, которое возникло в конце XVIII века в Германии, а со временем распространилось на территорию прежней Речи Посполитой, откуда впоследствии проникало в Российскую империю. Поборники Гаскалы призывали к эмансипации еврейства на пути расширения образования благодаря реформе системы просвещения. Однако в первую очередь они выступали против тенденции обособления евреев внутри диаспоры, нередко были сторонниками их ассимиляции и добивались того, чтобы их братья по вере усваивали язык и культуру страны, в которой им довелось жить. Хотя сами они, как правило, еще сохраняли религиозные обычаи своих предков, а источником всей мудрости

Авраам Штерн (1761-1840)
со своей счетной машиной, 1823

для них оставался Талмуд, они прокладывали дорогу к ассимиляции будущих поколений. Создание собственной интеллигенции просвещенные евреи считали своего рода пропуском в будущее, который позволит им преодолеть препятствия, воздвигаемые у них на пути законами и обычаями различных народов. Тем более что толкование Талмуда, философия и медицина, вообще говоря, вполне вписывались в традиционный образ ученого еврея.

Ведущими деятелями еврейского просветительского движения в Варшаве были Авраам Штерн, прадед Антония Слонимского, и его зять, дед поэта Хаим Зелиг Слонимский. Они стали родоначальниками целого ряда ученых, к которым поэт Антоний Слонимский всегда относился с большим уважением, с некоторой долей самоиронии задаваясь иногда вопросом: не изменил ли он ненароком традиции своих предков?

¹Ян Снядецкий (1756-1830) — астроном, географ и философ, его брат Енджей Снядецкий (1768-1838) — химик, физиолог и врач. — Здесь и далее примечания переводчика.

²«Больше, чем разуму, больше, чем глазам, / Верю я чувству и вере!» (из стихотворения «Романтика» А. Мицкевича в пер. А. Ревича).

АВРААМ ШТЕРН, ЧЛЕН ВАРШАВСКОГО «ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ НАУКИ»

«Мой прадед — пишет Антоний Слонимский в своих «Воспоминаниях по алфавиту», — был ученым, предтечей кибернетики, изобретателем первой счетной машины. Стащиц³ ввел его в Общество друзей науки».

Варшавское общество начало создаваться в самом начале XIX века, когда, как пишет автор посвященного ему календаря, Александр Краусгар, было решено, что «после утраты независимости следует особой заботой окружить родной язык и литературу». Общество друзей науки ставило себе целью служить научным трудом польским национальным интересам, в особенности (в соответствии с потребностями и духом того времени, когда оно возникло) делу сохранения польской самобытности и экономического развития страны. Труды общества охватывали почти все области знания, но при этом обсуждение религиозных вопросов на заседаниях не допускалось. В соответствии с духом и идеалами Просвещения, в обществе объединялись представители различных вероисповеданий; его иностранными членами были православные русские и прусские лютеране, а одним из виднейших его активистов стал уроженец Хрубешова Авраам Штерн.

Его пригласил в Варшаву Станислав Стащиц — по всей вероятности, в самом начале XIX века. Стащиц, который был движущей силой тогдашней польской научной жизни, написал своему еврейскому подопечному рекомендацию: «Штерн, хорошо известный Обществу, чрезвычайно искусен в механике. Изобрел арифметическую машину для четырех действий с дробями. Предлагаю принять его в наши ряды».

Станислав Стащиц, ставший владельцем Хрубешова, заинтересовался молодым человеком, об уме и различных талантах которого говорила вся округа. Тогда Штерн был еще помощником мастера в часовой мастерской, где зарабатывал себе на жизнь; там же он работал над своими механическими изобретениями. Стащиц отправил его в Варшаву и склонил к занятиям математикой. Он представлял своего протеже следующими словами: «Господа, я имею честь представить вам в лице этого иудея изрядного математика, устремления которого я знаю и поощряю, ибо мне представляется, что мы не имеем права подавлять угнетением проявленные в ком бы то ни было недюжинные способности, но, наоборот, должны предоставлять любую возможность развития людям, наделенным необычайной умственной силой, а не замыкать их гений в тесно очерченный круг». Именно тогда, в период существования Великого Княжества Варшавского [1807-1815], был заложен прочный фундамент под прошедший столь трудные испытания польский патриотизм многочисленной группы евреев, проживавших на территории прежней Речи Посполитой. Процессы ассимиляции среди еврейской верхушки уже тогда шли полным ходом. Как правило, в Европе эта «просвещенческая» тенденция означала самоотожествление с государством и лояльность по отношению к власти имущим. Такая интерпретация была сравнительно проста. Однако польские деятели еврейского Просвещения, «маскилы» (от «маскилим» — просвещенные, сторонники Гаскалы), вели свою деятельность тогда, когда Польша уже в первый раз потеряла свою независимость и была разделена между захватчиками, а после непродолжительной эйфории периода Великого Княжества Варшавского на следующие сто лет оказалась под иноземным владычеством. Таким образом, не могло быть и речи о лояльности по отношению к государству — этот вопрос каждый, будь то поляк или еврей, должен был решать наедине с собственной совестью. Оставались, как это было красиво сформулировано в учредительных документах общества, попечение о развитии искусств и наук, распространение языка и литературы, верность культуре. На этой же почве вырастал польский патриотизм многих еврейских жителей территорий Речи Посполитой Обоих Народов, которым со временем довелось внести столь ощутимый вклад в польскую культуру, науку, общественную и экономическую жизнь. При этом характерной особенностью того периода был бойкот русской интеллигенции при одновременной тенденции к стиранию границ между, с одной стороны, еврейской, а с другой — польской или даже немецкой интеллигенцией. Со временем царские власти пытались различными мерами ликвидировать этот своеобразный еврейский лоялизм, и неоднократно им это удавалось.

24 ноября 1815 г. Александр I, Божией милостью Император и Самодержец Всероссийский и Царь Польский (Царство Польское только что было создано по решению Венского конгресса), принял в варшавском Королевском замке депутацию Общества друзей науки. «Будем сплачивать с Россией и просвещаться, будем заимствовать у нее могущество, а она пусть заимствует у нас просвещение», — писал в то время Стащиц.

По особой просьбе депутации император позволил продемонстрировать себе счетную машину и ее изобретателя Авраама Штерна, выдающийся ум и способности которого высоко ценили члены

³ Станислав Стащиц (1755-1826) — польский государственный деятель, священник, ученый, философ, один из выдающихся представителей польского Просвещения.

общества. Эту сцену (не без иронии и с богатым запасом фантазии) описывает в своей автобиографии «Абсолютный слух» другой правнук Штерна, Николай Слонимский, видный американский композитор и музыковед, ведущий свою родословную от обрусевшего дяди Людвика (Леонида): «Около 1810 года Штерн изобрел счетную машину, плод великолепной и оригинальной идеи, которой он был обязан своим приглашением на аудиенцию к царю Александру I; он должен был в присутствии царственной особы продемонстрировать возможности своего изобретения — для еврея честь поистине неслыханная. Один из царских адъютантов предложил решить конкретную математическую задачу. Царь, который сам баловался немного наукой, обмакнул гусиное перо в чернильницу и начал свои расчеты, записывая их на большом листе бумаги. Однако едва лишь он произвел несколько первых арифметических действий, мой прадед возвестил конечный результат. Царь бросил на него саркастический взгляд. «Машина хороша, — сказал он, — а вот еврей плох». И действительно, это было серьезным нарушением правил этикета».

Авраам Штерн умер в Варшаве в начале 1842 г. За месяц до кончины отца его младшая дочь Сара вышла замуж за другого выдающегося ученого, видного представителя еврейской Гаскалы в Польше, Хаима Зелига Слонимского.

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ ХАИМ ЗЕЛИГ СЛОНИМСКИЙ

В литературе на иврите и идише Хаим Зелиг Слонимский пользовался и до сих пор пользуется огромным уважением. Он был сторонником Гаскалы, но не считал, что следует порывать с древнееврейским языком и традицией. Замечательный математик, астроном, изобретатель, он впоследствии стал издателем первого научно-популярного еженедельника на иврите «Гацефира» («Заря»).

Хаим Зелиг Слонимский родился 10 марта 1810 г. в Белостоке; в молодости получил традиционное еврейское религиозное образование, учился в низшем (хедр) и высшем (ешивот) духовных училищах. С детства он обнаружил огромный математический талант, а в Талмуде в первую очередь обращал внимание на фрагменты, посвященные астрономии и математике.

Когда ему исполнилось 18 лет, он по воле семьи, озабоченной растущей известностью юноши и отсутствием средств на его дальнейшее образование, женился на богатой невесте из Заблудова и стал жить в семье жены, перейдя на иждивение тестя. В это время он самостоятельно овладевал математикой и астрономией, причем его наставником стал один из пионеров Гаскалы, Иехиель (Михал) Заблудовский, который помог ему в изучении трудов немецких астрономов. Хаим Слонимский выучил также немецкий, русский и французский языки. Это открыло ему дорогу в свет и предreshило его дальнейшую судьбу. Семья жены была согласна иметь в качестве зятя ученого-талмудиста, однако живой ум и слишком «светские» интересы Слонимского вызывали ее сопротивление. Недоброжелательно приняло его и тамошнее ортодоксальное еврейское общество, проникнутое идеями хасидизма, враждебно относившееся ко всяческому просвещению и призывавшее евреев замкнуться в тесном кругу диаспоры. В результате через три года молодой ученый развелся и вначале вернулся в родной Белосток, где стал работать писарем на принадлежавшем брату небольшом стекольном заводе, а затем переселился в Вильно и наконец в Варшаву, где нашел заботливого опекуна в лице своего будущего тестя Авраама Штерна.

Слонимского уважали петербургские чиновники, а в Берлине он поддерживал дружеские отношения с самыми выдающимися прусскими учеными того времени. В период своего краткого пребывания в этом городе он близко познакомился и с уже престарелым Александром Гумбольдтом, который представил его прусскому королю. Познакомиться с Гумбольдтом он мог в самом знаменитом тогда берлинском интеллектуальном салоне, хозяйкой которого была Генриетта Герц. Салон был меккой приезжих знаменитостей со всего мира; здесь встречались выдающиеся представители немецкой, французской и еврейской культуры и общественной жизни. Хозяйка, известная своей красотой и острым умом, была дочерью еврейского врача, эмигрировавшего из Португалии в Германию. Среди других гостей у нее бывали братья Шлегели, Шиллер, мадам де Сталь, Мирабо, Фихте и, главное, братья Гумбольдты.

Вначале Хаим Зелиг Слонимский представил членам Берлинской академии собственный проект счетной машины, а затем — усовершенствованную им машину тестя, основанную на сформулированной самим Слонимским теореме из теории чисел, касающейся так называемых чисел Фарея. Это позволило при конструировании машины использовать остроумно составленные таблицы. Это свое последнее изобретение он представил в Императорской Академии наук в Петербурге, и в 1845 г. получил Демидовскую премию Академии наук II степени. Присуждение этой премии сопровождалось выдачей денежного вознаграждения в сумме 2500 рублей, а также правом жительства вне выделенной для евреев «черты оседлости».

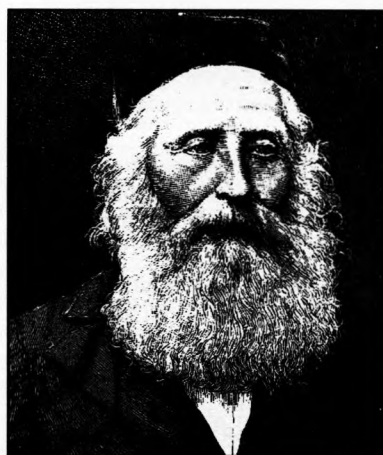
В 1859 г. он разработал изобретение, до сегодняшнего дня считающееся его основным достижением, — первый телеграф, который он впоследствии описал в изданной в 1861 г. в Петербурге брошюре

«Описание способа передачи двух различных депеш и одновременного приема двух других на одних и тех же цепях».

Слонимского вряд ли можно назвать практичным человеком, но на деньги, полученные им в Лондоне благодаря своей «числительной машине», он арендовал участок земли под Томашувом. Он также получил «грамоты признания изобретения», то есть патенты на различные мелкие усовершенствования, как, например, лужение чугунной кухонной посуды (в 1850 г.) и пожарный брандспойт (в 1854-м).

В 1862 г. Слонимский получил разрешение издавать газету на древнееврейском языке. Еженедельник получил название «Гацефира» — «Заря». Наряду с печатавшейся на иврите «Гацефирой» в течение некоторого времени в Варшаве выходила одноименная газета на польском языке — «Ютшенка», издаваемая Давидом (Даниилом) Нейфельдом. Она просуществовала до 1863 г., выходя даже во время восстания 1863-1864 гг., и была органом сторонников ассимиляции, пропагандирующим полонизацию евреев. Слонимский в своей «Гацефире» ставил перед собой несколько иные задачи. Эта газета сыграла огромную роль в жизни просвещенных еврейских слоев в Европе и в течение почти полувека была трибуной евреев Царства

Хаим Зелиг Слонимский,
Варшава 1878

Польского, одновременно выражавшей взгляды своего основателя. Ее читали не только на территории бывшей Речи Посполитой, но и в Москве и Берлине. Во вступительной статье редактор заявлял, что «не будет никого критиковать и ни с кем бороться, но будет стремиться к тому, чтобы еврейская молодежь вступила на путь знания и освещала дорогу всем, кто в этом знании нуждается».

Хаим Зелиг Слонимский был сторонником умеренной культурной ассимиляции, высказываясь за обязательное сохранение традиции, содержащейся в Библии и Талмуде. «Слонимский был полиглотом, — пишет Алина Цала в книге «Ассимиляция евреев в Царстве Польском». — Из родительского дома он вынес знание идиша, благодаря традиционному воспитанию бегло читал на иврите и уже самоучкой выучил немецкий, польский, русский и французский языки. Этими же языками владела его жена Сара, об образовании которой позаботился ее отец Авраам Штерн. Однако основным языком в доме был польский, и в этом же духе воспитывались дети. Семья поддерживала тесные дружеские отношения и знакомства с поляками. Можно обнаружить существенную разницу между тем, что Слонимский пропагандировал в «Гацефире», и тем, что он сам делал в частной жизни. На страницах своего журнала он был скорее умеренным «маскилом», а в

частной жизни — опоясывающимся евреем, старающимся сохранить религию и элементы традиции».

Его книги до сих пор выходят в разных странах мира, прежде всего в Израиле. В Польше, на его первой родине, его уже подзабыли, и если бы не свидетельства его знаменитого внука, поэта Антония Слонимского, уделом этого выдающегося ученого и популяризатора науки стало бы, вероятно, полное забвение. «Гацефира» с некоторыми перерывами выходила вплоть до 1931 г., хотя уже в конце 1880-х редакцией руководил Нахум Соколов. Со временем она приблизилась к социалистической идеологии Бунда.

Хаим Зелиг Слонимский умер в Варшаве 15 мая 1904 г., дожив до 94 лет. Со старинного портрета на потомков смотрит седовласый и седобородый старец с удивительно молодым, выразительным и задумчивым лицом.

«Влияние иных культур, — пишет Алина Цала, — должно было безумно усложнять жизнь, например, тогда, когда члены одной семьи ассимилировались в различные культуры».

У Зелига и Сары Слонимских было трое сыновей. Старший из них, Людвик, принял православие и вместе с религией поменял имя, став Леонидом. Отец никогда с этим до конца не смирился. Средний сын, варшавский врач Станислав, перешел в католичество и воспитал своих сыновей в польских традициях борьбы за независимость. Младший, Юзеф, гениальный лингвист, похоронен неподалеку от своего отца на еврейском кладбище на улице Окоповой в Варшаве.

ДЯДЯ ЛЮДВИК

Людвик Слонимский в истории русской культуры известен как Леонид Зиновьевич Слонимский. Его сын Николай Слонимский так описывает отца:

«Я помню отца как абсолютного идеалиста. Его единственным человеческим недостатком было то, что он всегда опаздывал со сдачей материалов, и ему никогда не удавалось в срок доставить в свой

журнал собственные статьи, написанные старательным, каллиграфическим почерком. Иногда он работал почти всю ночь, чтобы успеть в последнюю минуту отдать их в типографию». Однажды он меланхолично заметил, что, надо полагать, опоздает даже на собственные похороны.

Людвик Слонимский родился в Варшаве в 1850 г. Вначале он учился там же в гимназии, а когда отец перебрался в Житомир, дети ходили в тамошнюю школу. Из Житомира Слонимский переехал в Киев и закончил юридический факультет Киевского университета. Еще в студенческие годы он установил контакты со специальными периодическими изданиями для правоведов и юристов, и в качестве сотрудника русских газет оказался в Петербурге, где и поселился. Семью это отнюдь не обрадовало. Однако выбор России и русской культуры был обусловлен, как представляется, не столько практическими, сколько романтическими соображениями. В 70-е годы XIX в, когда Людвик завершил высшее образование и вступал в самостоятельную жизнь, Фаина Венгерова — Антоний Слонимский называет ее «тетей Фаней» — была студенткой медицинского факультета в Петербурге. Она происходила из уважаемой еврейской семьи с прежних польских территорий, но считала себя полностью принадлежащей русской культуре и выходила из себя, когда кто-нибудь осмеливался упомянуть о ее еврейской родословной. Характер у Фаины был несомненно сильнее, чем у ее мужа, и потому неудивительно, что она приняла решение об их совместном будущем и диктовала стиль жизни в доме.

Вначале Слонимский печатал статьи в судебных газетах, а в 1875-1879 гг. вел политический отдел в ежемесячном журнале «Русская мысль», который занимал совершенно особое положение среди русских либеральных изданий. У него был сравнительно большой по тем временам тираж, более десяти тысяч экземпляров, и нередко в нем встречалось имя Чехова, а также других крупных русских писателей и публицистов. Тематика журнала сосредотачивалась в основном вокруг вопросов, связанных с внутренним положением России.

С «Вестником Европы», одним из знаменитых в то время «толстых журналов», Слонимский был связан с начала 1880-х вплоть до своей смерти (1918). Название этого журнала было взято от одного из первых русских журналов, выходившего в 1802-1830 гг. раз в две недели и публиковавшего статьи на политические и культурные темы, а также литературные произведения и переводы. Он был основан Н.М.Карамзиным, сыгравшим важную роль в развитии интеллектуальной жизни тогдашней России. Новый «Вестник Европы» стал издавать М.М.Стасюлевич в 1866 г. в Петербурге. «Вестник Европы» был органом, вокруг которого группировались «западники», то есть представители русской интеллигенции, склонные искать модели будущего развития страны на Западе. «Журнал, — пишет Людвик Базылев в своей «Истории России», — выступал за концепцию преобразования России в конституционное государство по образцу западноевропейских стран, добивался свободы печати... В области экономики он высказывался за принятие возможно более широких мер с целью свободного капиталистического развития».

С 1882 г. Леонид Слонимский был постоянным сотрудником этого журнала. Вначале он помещал там исторические очерки: статьи о Димитрии Самозванце и Смутном времени, о первых годах царствования Александра I, а также очерки, посвященные таким лицам, как Наполеон или Кромвель. Со временем он стал все чаще печатать общественно-политические заметки и материалы на экономические темы. Отсюда и появился интерес к Марксу и его учению. Именно Леонид Слонимский на страницах «Вестника Европы» впервые дал критическое изложение концепции автора «Капитала» и познакомил с его творчеством русскую читающую публику. Он полемизировал с теоретиками марксизма и критически анализировал идеи Маркса.

«В каком-то смысле, — пишет Николай Слонимский, — русский марксизм переплелся с историей моей семьи, так как именно мой отец в 1890 г. опубликовал первую на русском языке книгу о Карле Марксе, озаглавленную «Экономическое учение Карла Маркса». Мой двоюродный брат, польский поэт Антоний Слонимский, полушутя заметил, что моя семья несет частичную ответственность за большевистский переворот, так как Ленин открыл для себя Маркса с его теорией пролетарской революции из книжки моего отца».

Многие годы спустя старший из сыновей Леонида, Александр, наткнулся на след книги своего отца в личной библиотеке Ленина, который снабдил ее многочисленными замечаниями на полях страниц. Говорят, что вождь мирового пролетариата в ходе фракционной борьбы с меньшевиками якобы заметил, что даже такой буржуазный экономист, как Леонид Слонимский, обнаруживает большее понимание учения Маркса, чем все эти меньшевики. Однако за исключением этого случая Ленин высказывался о «буржуазном экономисте» скорее неприязненно и даже посвятил ему лично несколько саркастических фраз в политическом памфлете «Кто такие «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Он писал: «Г-н Слонимский ясно и недвусмысленно предстает перед нами как

обыкновенный либерал, неспособный понять, чем является современное буржуазное общество. Тот факт, что он выступает в защиту мелкой крестьянской собственности, свидетельствует о полной реакционности его утопических взглядов».

По всей вероятности, воззрения этого преклонявшегося перед идеальными моделями интеллигента, несмотря на его очевидный интерес к социальным проблемам, действительно не могли удовлетворить большевистских амбиций Владимира Ульянова. Быть может, к счастью для себя, Леонид Слонимский не дожил до момента полномасштабного воплощения в жизнь идей своего противника. Он скончался через три месяца после большевистского переворота, в январе 1918 г., среди прочих болезней страдавший уже почти полной слепотой. Месяц спустя вышел в свет последний номер «Вестника Европы», содержащий некролог, который начинался словами: «Каждый, кому дорога русская культура, навсегда сохранит в памяти имя Леонида Слонимского».

ТЕТЯ ФАНИЯ

Фаина Венгерова родилась в 1857 г. и была четвертым ребенком в семье Афанасия Венгерова и Паулины, урожденной Эпштейн. Как правило, в то время не обращали особого внимания на судьбу женщин — важно было лишь обеспечить им возможно более удачное замужество. Здесь, однако, особого внимания заслуживает не отец, а мать Фаины, Паулина. Заметим лишь, что ее муж, отец Фаины, начинал с того, что был посредником в торговле недвижимостью, а закончил свою жизнь как солидный банкир и биржевой предприниматель в Минске.

В конце жизни Паулина написала по-немецки дневник, озаглавленный «Из воспоминаний бабушки», в котором с большим талантом и поразительной наблюдательностью описала путь евреев к эмансипации на территории прежнего Великого Княжества Литовского и те процессы, которые привели к включению многочисленной группы евреев в русскую культуру. И хотя она была решительной сторонницей традиций и прежнего стиля жизни, дававшего ощущение безопасности и защищавшего от неприятных неожиданностей, все равно новое предстает в ее воспоминаниях как нечто намного более привлекательное. Некоторые отрывки во многих отношениях напоминают также о пути, по которому пришлось в ранней молодости пройти Хаиму Зелигу Слонимскому.

Молодые люди, увлеченные «просвещенческой» волной того времени, с энтузиазмом читали новые книги, но скрывали их от старших.

Так как в семье Паулины домашним языком был в основном немецкий,

то любимыми литературными персонажами целого поколения молодых евреев стали герои Шиллера, а его произведения они ловко прятали в обложках Талмуда. Вот забавная сценка, рассказанная в «Дневнике бабушки»:

«В один прекрасный день памятного 1842 года мужья моих сестер вытащили свои новые книги из тайников и, не думая о том, что кто-то может их подслушать, положили их на открытые экземпляры Талмуда... и начали громкое обсуждение шиллеровского «Дон Карлоса». На всякий случай весь разговор проходил в тональности, характерной для чтения вслух стихов из Талмуда».

Однако обеспокоенная влиянием «просвещенческих» идей на молодые умы мать рассказчицы решила лично проверить, чем занимается молодежь.

«...она решила направиться в кабинет, где собралась молодежь. У нижних ступеней лестницы она приостановилась, некоторое время прислушивалась, после чего вошла наверх вполне довольная и успокоенная доходящими сверху звуками, свидетельствующими о прилежании учащихся. (...) Однако когда она приложила ухо к двери и начала слушать внимательней, то не на шутку перепугалась. Вместо набожных строф Талмуда до нее доносились такие имена, как «герцог Альба», «маркиз Поза», и прочие грешные бредни... Дрожащей рукой она отворила дверь и остановилась посреди комнаты. Она была так разгневана, что не могла вымолвить ни слова. (...) Трое молодых людей немедленно спрятали все книги под стол».

Но ход истории был уже необратим. Фаина и Леонид приняли крещение в 1881 году. У них родилось пятеро детей. Старшим среди них был сын Александр, родившийся в том же году. В 1884 г. появилась на свет сестра Юлия, после десятилетнего перерыва — сын Николай, годом позже — Владимир и последним в 1897-м — Михаил.

Самую громкую известность среди них приобрели Николай, ставший американским музыковедом, лексикографом, композитором и дирижером, а также будущий советский писатель Михаил Леонтьевич Слонимский, сын которого, родившийся в 1932 г. Сергей, стал крупным русским композитором, дирижером и пианистом.

Фаина и Леонид Слонимские
на летних каникулах
в Финляндии, 1910

Чеслав Милош

Перевод
Наталии Горбаневской

ГОРЬКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ни одного столь горького и жестокого стихотворения не было написано в Польше. Я нашел его в «Антологии польской поэзии в изгнании» под редакцией Богдана Чайковского, выпущенной в 2002 г. издательством «Читальнико» и Польским издательским фондом в Канаде. Книга эта прошла незамеченной, вероятно, по причине слишком капризного отбора и отсутствия указателей.

Стихотворение написал Ян Даровский, силезец, родившийся в 1926 г. и во время войны призванный в ряды Вермахта; в Нормандии он перешел на сторону союзников и вступил в польскую армию. Затем поселился в Лондоне, где выбрал профессию печатника, и принадлежал к группе молодых польских поэтов «Континентъ». Он сотрудничал со многими периодическими изданиями как поэт, литературный критик и переводчик польской поэзии на английский язык и английской на польский. Выпустил два сборника стихотворений: «Древо преткновения» (Лондон, 1969) и «Нежданные жизни» (Лондон, 1990).

Вот стихотворение, озаглавленное
«POST MORTEM»:

*Ушли под нашу землю со звездой Давида,
Двуокисю псалмов смертельных воздух отравили,
нам задышаться, нам, свидетелям убийства,
склонясь, идти в истории об руку с палачом.*

*И выпивка не в помощь. На поверхность
всплывает масляным пурпуром наше лицемерье.
Не в помощь памятники, даже то, что беззащитны
мы были, как они. Не всех печалил меч,
для нас Гордиев узел разрубавший,
две жизни нации рассекший.
И выпивка не в помощь — Лета глупцов и трусов.*

*В белых перчатках подавать убийца
способен руку тем, что уцелели.
Может сказать: смотри, моя десница
чиста — она не знала,
что творила шуйца.*

*Задумчивый ура-христианин,
в Атлантику отряхивая пепел от сигары,
может сказать: ну да, была рука
и надпись, только я очки забыл.*

*Но мы — мы в заговоре были старше всех,
даже к молчанью не принуждены,*

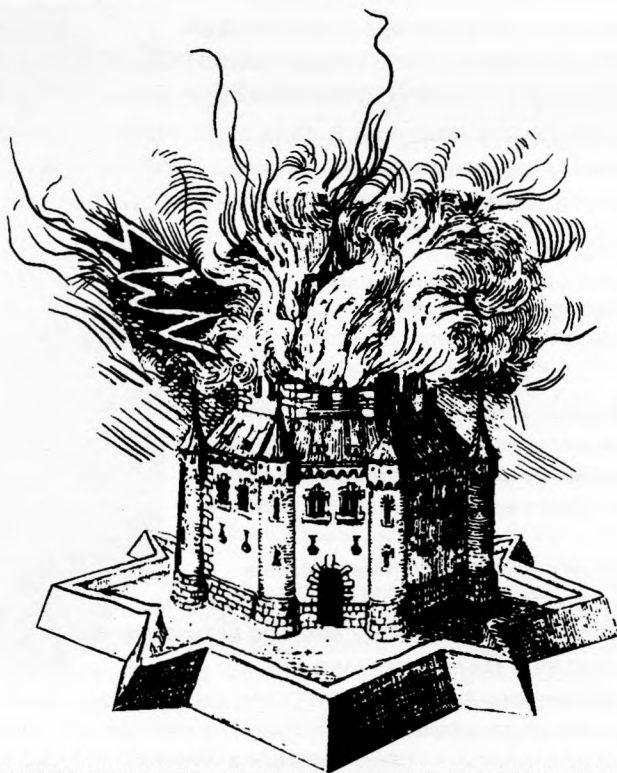

*мы ели общий хлеб, из тех же родников
мы пили, руки их касались нас,
руки бескровные портных библейских.*

.....

*И те же руки стали ветром за окном
и раздирают алый стыд венка,
раздирают память.*

Это стихотворение можно читать как операцию, производимую на коллективном подсознании, что в свою очередь заставляет искать ответа на вопрос, существует ли таковое. Но массовое убийство польских евреев, совершенное гитлеровцами, — это исторический факт такого веса и такой устойчивости, что невозможно не задуматься, какие следы оно оставило в нашей психике.

Кто знает, может быть, это произведение заслуживает быть проанализированным, стих за стихом, с полемическими намерениями по отношению к выраженному в нем чувству вины? Не последнее значение приобретает это произведение еще и тем, что подобные слова вообще не застряли в горле у польского поэта.

Но что скрывается за тем фактом, что такое стихотворение написано вне Польши? Какой род цензуры, внешней или внутренней, не позволил поэтам в Польше поднять подобную тему?

«Антология польской поэзии в изгнании» весьма богата, и жаль, что отечественные читатели не знают ни имени Яна Даровского, ни многих других имен поэтов, пишущих за пределами страны.

Януш Тазбир

1000 ЛЕТ ВМЕСТЕ

По самым приблизительным подсчетам, в конце существования шляхетской Речи Посполитой польское население составляло около 40% всех жителей страны, притом лишь часть их обладала национальным сознанием. В период существования Второй Речи Посполитой [после 1918 г.] это население возросло до 60-70%, остальную часть составляли евреи, белорусы, украинцы, не говоря уже о немцах. Между тем, как из большинства учебников по истории Польши, используемых на разных уровнях народного образования, так и из многочисленных общих очерков по этой истории трудно узнать, что на протяжении столетий в национальном отношении Речь Посполитая выглядела мозаикой. Недаром еще в XVII в. ее сравнивали с пестрой птицей.

В учебниках скупно и неохотно упоминали о евреях, и эта традиция продолжается, за что авторам иногда выговаривают в рецензиях.

Однако в XVI-XVII вв. поляки вполне отдавали себе отчет в том, что среди них живет множество ассимилированных пришельцев: от христиан, говоривших первоначально на немецком, литовском или восточнославянских языках, до бывших исповедников ислама (татар) и иудаизма (евреев). И это никому не мешало — в крайнем случае время от времени находило отклик в добродушных анекдотах о свежиспеченных христианах. В глазах же магнатов или богатых помещиков евреи по многим причинам представляли собой просто необходимый элемент. В контрактах, которые они подписывали с арендаторами и корчмарями еврейского происхождения, мы находим забавно звучащее для нас условие: обязанность информировать помещика о том, что происходит на белом свете...

Если на склоне Средних веков евреи составляли приблизительно 0,6% жителей Польши и Литвы, двух государств, связанных личной унией, то в середине XVI в. еврейское население насчитывало уже около полумиллиона человек, т.е. целых 5% всех жителей тогдашней Речи Посполитой. Число евреев сильно уменьшилось во время восстания Богдана Хмельницкого, который в 1648 г. поднял знамя бунта против шляхетского государства. Восстание проходило под лозунгом резни ляхов (панов), евреев и католического духовенства, т.е. тех групп, на которые казаки (называемые тогда также русинами) возлагали вину за экономический, религиозный и политический гнет. От казацких ножей и сабель погибло тогда свыше ста тысяч евреев. Массовая резня шла на территориях, откуда под напором повстанцев отступали польские власти и войска. Правда, оставляли жизнь тем ис-

поведникам иудаизма, которые соглашались принять православие. Триста лет спустя евреям, запертым в гитлеровских гетто, ничуть не помогли заявления о том, что они крещенные и чувствуют себя поляками или немцами.

Из многих сочинений XVII-XVIII вв., особенно сатирических, ясно видно, что те же слова критики, что были обращены на хозяйственную, прежде всего торговую, деятельность евреев, адресовались и осевшим в Речи Посполитой армянам, шотландцам или итальянцам. Обвинения, выдвигавшиеся против исповедников иудаизма, ислама и сторонников протестантства, невероятно совпадали. Довольно часто с ними выступали те же самые авторы, которым мешал всякий «чужак», т.е. человек, отличающийся от них языком, обычаями и верой. Почти все черты, которые в общем ощущении создавали эту чуждость, приписывали как еврейскому, так и татарскому или цыганскому населению.

Еврей-богохульник, не признающий Божественной природы Христа, экономический конкурент, выступал и как своего рода шут — трусливый, боящийся даже собаки, смешно искажающий польский язык, готовый к любым унижениям ради самой ничтожной прибыли. В свою очередь евреи презрительно называли тех из своих, кто забавлял христиан показом и передразниванием плясок и других еврейских обычаев, *Majufesjude*. Некоторым их аналогом в глазах христиан были так называемые шабес-гои, католики, исполнявшие для евреев, обычно за малые деньги, дела, которые закон запрещал им делать в субботу. Постановления католических синодов, запрещавших католическому населению входить в какой бы то ни было контакт с еврейским, вносили постановления раввинов и кагалов, тоже рекомендовавших иудеям оставаться в изоляции.

Бывало также в Речи Посполитой, что евреев привлекали к суду по обвинению в пролитии христианской крови (мнимые ритуальные убийства маленьких детей) или в осквернении украденных из костелов Святых Даров. Значительное число этих судебных дел заканчивалось все-таки оправданием подсудимых, чему способствовал и тот факт, что защищали их, притом очень умело, адвокаты-христиане, нанятые и оплаченные еврейскими общинами. Кстати, Ваад, сейм четырех еврейских провинций, созданный по образцу польского Сейма, располагал постоянным фондом, предназначенным на защиту лиц, обвиненных в ритуальных убийствах и осквернении Святых Даров. В то же время как в XVI, так и в XVII веке пишутся апологии польской терпимости, благодаря которой изгнанные из других стран евреи нахо-

дили хлеб и свободу вероисповедания на берегах Варты, Вислы и Днепра. Поэтому еврейский летописец из Праги Давид Ганс оплакивал «честного» короля Сигизмунда Августа. На ту же тему нередко высказывались и еврейские поэты.

Только во второй половине XIX в. к жителям разделенной между тремя державами-захватчицами Польши дошли лозунги антисемитизма, частично находившиеся благожелательный отголосок в обществе. Правда, еще в XVII в. слышалось возмущение конкуренцией, которую создавали еврейские врачи, но авторы антииудейских сочинений сосредотачивали главное внимание на хозяйственной деятельности евреев. Процессы ассимиляции, которые в XIX в. охватили многие еврейские круги, повлекли за собой появление не только врачей и адвокатов, но и публицистов, профессоров или, наконец, актеров и режиссеров еврейского происхождения. Если раньше конкурентом был еврейский мелкий лавочник, корчмарь или арендатор, то тут почувствовали себя в опасности представители т.н. свободных профессий. Польско-еврейские отношения на территории Царства Польского, составлявшего интегральную часть Российской империи, ухудшились под конец XIX в. из-за массового наплыва т.н. литваков. Это были евреи, выселенные из глубины империи, слабо или вовсе не владевшие польским языком, зато оставшиеся под явным влиянием русской культуры. Многие увидели в них очередную волну проводников русификации, появление которой тормозило процессы ассимиляции, шедшие в среде польского еврейства. Все это привело к тому, что не только среди польских купцов или ремесленников, но и среди интеллигенции начали находить отклик антисемитские лозунги, провозглашаемые национал-демократами и некоторыми органами католической печати.

Во времена ненадолго (1918-1939) обретенной независимости правые требовали массовой эмиграции евреев, составлявших к концу эпохи Второй Речи Посполитой почти 10% населения (3,3 из 36 миллионов). На их защиту становились левые, видевшие источник улучшения экономического положения только в самых радикальных социальных реформах (во главе с аграрной реформой), а не в колонизации польскими евреями например... Мадагаскара (среди прочих и такой проект выдвигался). Они боролись и с антисемитским стереотипом еврея, который пропагандировали национал-радикалы, в значительной степени беря пример с пропаганды Третьего Рейха. Однако даже в крайне правой печати не было предложений решить еврейский вопрос путем истребления народа. Поэтому резкость высказываний об этой общине не смягчалась опасением, что любая критика евреев может быть воспринята как косвенная форма одобрения «окончательного решения еврейского вопроса» и газовых камер.

Сегодня, однако, ее иногда прямо отождествляют с антисемитизмом, даже если она касается евреев-ростовщиков, живших в далекие времена. Потому-то так важны объективные, опирающиеся на фундамент множест-

ва источников исследования еврейской общины; важны они и ввиду резонанса в широком общественном мнении, прежде всего таких стран, как Израиль и Польша. Оба государства появились на политической карте мира лишь в XX веке, с той лишь «малой» разницей, что наше государство — после 123 лет небытия, а евреям приходится опираться на исторические традиции двухтысячелетней давности.

В число добросовестных исследователей, которые сумели устоять перед всяческим политическим нажимом, несомненно входит Якуб Гольдберг, историк родом из Польши, много лет живущий в Израиле, автор многочисленных трудов о положении евреев в бывшей Речи Посполитой, опубликованных на иврите, польском, немецком и английском. Его сочинения прочно вошли в научный обиход; без знания работ Якуба Гольдберга сегодня не обойдется ни один автор, занимающийся польско-еврейскими отношениями в былые века. Недавно он выпустил трехтомный, фундаментальный, насчитывающий почти тысячу страниц сборник документов «Еврейские привилегии в Речи Посполитой».

Воистину трудно переоценить значение этой публикации, показывающей как правовое, так и экономическое положение еврейского населения в Польше и размах привилегий, которые получали от ее властителей отдельные городские общины. Якуб Гольдберг публикует документы на основе копий, хранящихся в варшавском Главном архиве древних актов и других наших архивах. Львиная доля этих документов до сих пор не печаталась или вообще была неизвестна исследователям. К счастью, они попали в руки первоклассного ученого, обеспечившего высокую культуру издания. Обширные резюме документов, вступительная статья и примечания занимают два тома. Третий том содержит польский вариант всех этих сведений. Мне самому случалось заниматься, хотя и в более скромных масштабах, изданием источников, поэтому я могу отметить, что подготовка книги к печати потребовала нескольких тысяч часов упорного и тщательного труда. Хвала за это издателю, которому будут благодарны все будущие исследователи вопроса. Отныне при чтении или рецензировании любой работы, касающейся еврейских общин в шляхетской Речи Посполитой будет раздаваться все тот же сакраментальный вопрос: «А заглянул ли ты в Гольдберга?»

Jewish privileges in the Polish Commonwealth. Charters of Rights granted to Jewish communities in Poland-Lithuania in the Sixteen to Eighteen centuries. Critical edition of original Latin, Polish and German documents with English introduction and notes by Jacob Goldberg. Vol. 1-3. Jerusalem, The Israel Academy of Sciences and Humanities, 1985-2001. 482; 356; 167 p.

NOWE KSIĄZKI

Агнешка Зегер

ПЛЕНЭР В ТЫКОЦИНЕ

В сентябре в небольшом подлесском городке Тыкоцин прошли Международные художественные пленэры «Gardens». Начиная с 1981 г. это уже 36-я встреча мастеров изобразительного искусства, организованная Анджеем Овчарком. В гостинице бывшего монастыря разместились десять художников из Польши, России, Израиля и Японии.

В своей жизни Анджей Овчарек овладел многими профессиями. Он был и слесарем, и каменщиком, и режиссером (в основанном им же самим театре кукол), и поваром. К последней профессии он иногда по-прежнему возвращается во время менее значительных, более домашних пленэров. Вот уже несколько лет организационно-финансовой стороной деятельности «Gardens» занимается его жена Барбара Поляк. На этих творческих встречах успели побывать многие художники. Некоторые из них, подружившись с организаторами, возвращаются сюда чуть ли не каждый год. Они объехали различные регионы Польши, а в некоторые места, например в Вольштын, Кулюв или Глогув, возвращаются регулярно — возможно, это происходит потому, что Великопольща — любимые и родные края Анджея. Однако творческие ветры заносили их и на Корсику.

Намечается и еще одно место, где художники смогут встречаться регулярно. В Яцкуве на берегах Зуга завершается строительство дома Барбары и Анджея, который одновременно должен выполнять роль центра пленэров. Место красивое, прямо над поймой реки. Кроме комнат для гостей здесь будет и галерея — элемент совершенно необходимый, так как в варшавской квартире хозяевам уже не хватает места для картин.

После завтрака в гостиничной трапезной все куда-то пропадают. Кое-кто заканчивает в своих комнатах начатые прежде работы, кто-то ищет новые места вдохновения. Время между завтраком, обедом и ужином проходит в творческой работе, иногда в дискуссиях об искусстве, о культуре, о соприкосновении культур. Собственно говоря, под этим лозунгом и проходит пленэр. Художники встретились здесь, на земле, где без малого восемьсот лет жили и евреи, и поляки. Как для тех, так и для других Тыкоцин был важным центром духовной жизни и науки. Поэтому нас не должен удивлять субботний ужин под гостеприимной крышей местного настоятеля отца Нагурского.

Здесь лес таит в себе братскую могилу более трех тысяч евреев, убитых во время войны. Этот факт не мог не оставить следа в работах приехавших сюда художников. Больше всего это повлияло на двух художниц из Израиля. Особенно это ощутила Авива Шемер. Это ее первая поездка в Польшу, страну, где во время войны погибла почти вся ее семья. В ее уютной комнате появилась целая серия работ. Почти все полотна оставлены белыми, а в правых верхних углах Авива пришила снимки своей семьи.

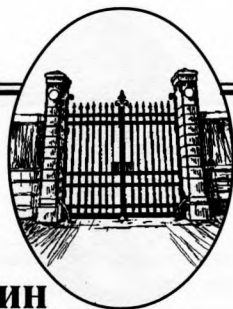
Все художники посетили эту могилу в лесу. Деревья здесь растут редко, кроме них в общем-то ничего и нет, никаких кустов. Даже птицы в этом месте не поют. Этот удивительный лес стал ведущим мотивом работ Нилы Эпштейн, второй израильской художницы, приехавшей в Тыкоцин.

На пленэре возникли также другие работы, равно насыщенные иудейской и христианской символикой, — это картины Паулины Покорной-Зембы, в которых художница использовала бумагу, клей и кусочки разноцветной бумаги, или работы Изы Старенги, в которых символизм соединяется с абстракцией. Интересную игру с прошлым затеял Мечислав Пеховский: его вдохновили картины местного художника Зыха Буяновского, писавшего в предвоенные годы. Он отыскал дом, много лет назад запечатленный на полотне здешнего мастера, и создал собственный вариант, несколько расширив раму. Кровавая история на картине не видна, но в ней можно ощутить атмосферу довоенного Тыкоцина.

Найти этот довоенный дух можно и в работах японской художницы Микико Ямагуци — на этот раз это не типичные для Микико женские портреты: на ее полотнах возник старый подлесский дом, ворота. Не был написан, а именно возник, так как художница использует не только краски, но еще и клей, и песок. Если в течение дня Микико нельзя было застать в комнате, следовало высматривать ее над Наревом, где она кружила подобно шаманке с мешочками и баночками, наполненными речным песком.

Все жители Тыкоцина отлично знали о проходящей здесь встрече, говорили о приехавших: «наши художники». В небольшом городке их присутствие не могло остаться незамеченным, тем более, что оно связывалось с визитом Шеваха Вейса — посла Израиля в Польше, прибывшего на открытие пленэра.

Художники были частыми гостями в доме отца Нагурского. Дни были посвящены работе, вечера — общим беседам, которые зачастую затягивались допоздна. Как говорят художники, хитро прищуривая глаз, — об эту пору культурам пересекаться гораздо проще.

Александр Смыкалин

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА УРАЛЕ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Правовое положение

«Польский вопрос» еще далеко не исчерпал себя. Введение в научный оборот новых, ранее секретных материалов органов государственной безопасности — свидетельство того, что отнюдь не все страницы трагедии поляков в СССР прочитаны до конца.

Как уже давно известно из рассекреченных архивов, в марте 1940 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия написал И. Сталину служебную записку, в которой сообщалось, что «в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю. Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти»¹.*

Общее количество арестованных, содержавшихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, составляло 18 632 человека, из них 10 685 поляков².

Исходя из того, что «исправить их невозможно», НКВД СССР предложило:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников [колонистов] и тюремщиков, а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии 11 000 членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела;

2) рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения...

Инициатива НКВД СССР вскоре получила реальное воплощение. 15 тысяч польских военнопленных, содержавшихся в трех офицерских лагерях, по решению политбюро ЦК ВКП(б) были бессудно расстреляны в апреле-мае 1940 г. в Катыни, Харькове и Медном. На основании того же решения были расстреляны еще не менее 7305 человек (возможно, до 11 тысяч) в тюрьмах западных областей УССР и БССР, на бывших восточных территориях Польши³.

Репрессивные акции коснулись и гражданского населения. Еще в конце 30-х — начале 40-х гг. советское партийное руководство осуществило целый ряд других массовых операций, жертвами которых стали как поляки, имевшие различное гражданство, так и польские граждане других национальностей (украинцы, белорусы, австрийцы, евреи). Значительная их часть была направлена в исправительно-трудовые лагеря.

Массовая депортация лиц польской национальности или граждан Польши вглубь страны была вызвана тем, что вплоть до 1939 г. руководство СССР рассматривало Польшу как плацдарм для военного нападения европейских государств, а народы Западной Украины и Западной Белоруссии — как потенциальную «пятую колонну» в будущей войне. После вторжения Красной Армии в Польшу 17 сентября 1939 г. и вплоть до 22 июня 1941-го советское правительство официально заявляло, что Польша как независимого государства не существует.

Подобного рода заявления развязывали руки органам госбезопасности. Спецпереселенцы-осадники и спецпереселенцы-беженцы были расселены в 586 изолированных спецпоселках НКВД, расположенных в 13 областях (Архангельской, Свердловской, Иркутской, Молотовской, Вологодской, Омской, Новосибирской, Горьковской, Челябинской, Чкаловской, Кировской, Ивановской и Ярославской), в двух краях (Алтайском и Красноярском) и четырех автономных республиках (Коми, Марийской, Якутской и Башкирской) в России и пяти областях северного Казахстана — Акмолинской, Семипалатинской, Павлодарской, Кустанайской и Восточно-Казахстанской⁴.

Как показывают архивные документы Управления ФСБ РФ по Свердловской области, 25 апреля 1940 г. в область прибыло из западных областей Украины и Бе-

* Примечания см. в конце текста. — Ред.

лоруссии 2809 семей — 14 243 спецпереселенцев «для трудиспользования». Директивные указания №435(б) от 1 февраля 1940 г. и приказ наркома внутренних дел Берии №00444 от 11 апреля 1940 г. обязывали экономические отделы УНКВД обеспечить агентурно-оперативное обслуживание всего контингента прибывших⁵.

Уже 15 мая 1940 г. начальник Главного экономического управления НКВД СССР комиссар госбезопасности III ранга Кобулов интересуется: «Какое количество агентов и осведомителей завербовано? Какая проделана работа по выявлению из указанных категорий лиц бывших жандармов, полицейских, тюремщиков, разведчиков (агентов, информаторов, конфиденгов) бывших польских разведывательных органов и членов политических партий бывшей Польши?»⁶

В 1939-1940 гг. были выселены и депортированы разные категории польских граждан. Условно, используя терминологию того времени, их можно разделить на четыре категории: 1) «спецпереселенцы-осадники» или «осадники и лесники» (февраль 1940); 2) «административно-высланные» (члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, государственных служащих, помещиков, фабрикантов и участников контрреволюционных повстанческих организаций) (апрель 1940); 3) «спецпереселенцы-беженцы», прибывшие в западные области УССР и БССР с территорий, оккупированных немцами (начало июля 1940); 4) «ссылнопоселенцы» (май-июнь 1941).

Как показывает анализ архивных материалов, на Урал в основном попали представители интеллигенции: учителя, врачи, музыканты, преподаватели гимназий, профессора университетов. Все они стали заложниками сталинской бредовой идеи о «пятой колонне» на западных границах СССР.

На Урале они попали в тяжелейшие условия и были размещены в спецпоселках и лагерях для работы в лесной и строительной промышленности, а также в цветной металлургии в качестве рабочих.

1 февраля 1940 г. НКВД отправляет приказ за № 435(б) начальнику УНКВД Свердловской области, где говорится, что в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 декабря 1939 г. №2010-558-сс из западных областей Украины и Белоруссии в Свердловскую область будет производиться переселение осадников для использования их на работе в указанных выше областях промышленности. В связи с этим предлагалось тщательно пересмотреть агентурно-осведомительную сеть предприятий, на которых будут работать прибывающие спецпереселенцы, очистить ее от подозрительных и неработоспособных элементов и провести дополнительные вербовки с таким расчетом, чтобы обеспечить повседневное освещение сооружений спецпереселенцев.

Спецпереселенцы, которые в пути следования выявлены как антисоветски настроенные или «подозрительные по возможности организации контрреволюционного саботажа или побега», должны быть взяты в активную агентурную разработку в первую очередь. Уличенных в антисоветской работе арестовать⁷.

Правовой статус польских спецпереселенцев не отличался от статуса спецпереселенцев вообще. Их правовое положение регулировалось теми же секретными инструкциями НКВД СССР. Особенностью было лишь то, что к этому контингенту предъявлялись особые требования по оперативно-агентурному обслуживанию.

29 декабря 1939 г. постановлением СНК СССР №2122-617-сс было утверждено «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». В положении отмечалось, что спецпоселки для спецпереселенцев-осадников организуются НКВД СССР из расчета от 100 до 500 семей на один поселок. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание производились по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности. При этом каждой семье спецпереселенца-осадника предоставлялась отдельная комната или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м. жилой площади на одного человека. В поселках создавались поселковые комендатуры НКВД СССР в задачи которых входил учет контингента, борьба с побегами, соблюдение правил общественного порядка и трудового использования спецпереселенцев. Расходы на содержание комендатур погашались за счет вычета до 10% заработка самих спецпереселенцев.

Анализ архивных источников позволяет утверждать, что правовой статус этих людей отличался от правового статуса гражданина СССР, регулируясь секретными инструкциями. К ним применялись меры как административного, так и уголовного характера. Например, за нарушение установленного в спецпоселках порядка, недобросовестное отношение к государственному имуществу, нарушение трудовой дисциплины и прогулы они могли подвергаться штрафу до 25 рублей или аресту до 5 суток, злостные нарушители привлекались к уголовной ответственности. Естественно, что они были ограничены в праве передвижения. Ст. 19 «Положения о спецпоселках» прямо указывала: «спецпереселенцы-осадники и их семьи, вселенные в поселки, не имеют права выезда за пределы административных границ регионов их выселения»⁸.

В другом секретном документе, датированном 5 марта 1940 г., еще более детализировалось правовое положение польских граждан: проявлялась забота «в разъяснении их нынешнего положения». Органы госбезопасности обязаны были подробно им «объяснить, что такое ссылка, режим ссылки, обязанности спецпоселенцев», не забыв указать при этом, что все они в обязательном порядке будут заниматься общественно-полезным трудом.

Своеобразным сводом жизненных правил, по которым теперь должна была протекать жизнь спецпереселенцев, были заботливо изданные НКВД типовые правила внутреннего распорядка. Анализ их свидетельствует о том, что они не особо отличались от тюремных инструкций НКВД.

Как же фактически протекала жизнь этих людей в суровых климатических условиях Урала? Напомним, что значительная часть таких поселков образовывалась на севере обширной Свердловской области.

Накануне войны, в феврале 1941 г., НКВД СССР провел проверку в Севураллаге (Ирбит). Выяснилось, что расселены спецпереселенцы крайне скученно, жилые помещения к зиме не подготовлены, в значительной части домов и бараков печи не отремонтированы, зимние рамы не вставлены, ощущается острый недостаток предметов хозяйственного обихода (тарелки, ложки, кастрюли и т.п.). В снабжении допускаются незаконные действия ряда начальников отделений лагеря: занаряженные для продажи спецпереселенцам продукты зачастую не доходят до спецпоселков, а завозятся в лагпункты, где и реализуются (чай, мыло, крупа и т.п.). При наличии на лагерных складах керосина в спецпоселки на протяжении трех месяцев керосин не завозился. Трудовое использование спецпереселенцев поставлено неудовлетворительно: учет работы запутан, расчетные книжки работающим не выданы, выдача зарплаты спецпереселенцам задерживается. Проявлением формально-бездушного отношения к нуждам спецпереселенцев является отказ администрации лагеря доставлять их почту и посылки в поселки, изъятие у спецпереселенцев кроватей и матрацев для передачи завербованным рабочим...

Скупые строчки отчета, но за ними скрываются судьбы людей, вся вина которых состояла в том, что они имели польское гражданство или были поляками по национальности.

Спецпоселков, где находились выселенные поляки, было немало. На территории Свердловской области они располагались в Серовском, Ново-Лялинском, Режевском, Ирбитском, Ревдинском, Сухоложском, Березовском, Таборинском, Верхотурском, Верхне-Тавдинском, Пышминском, Тугулымском, Исовском, Красноуральском районах. По данным на февраль 1940 г., всего 2809 семей — 14 243 человека⁹.

В связи с ростом контингента спецпереселенцев руководство НКВД требовало усилить оперативно-агентурное обслуживание и вербовку новых осведомителей, а с другой стороны, органы контрразведки опасались внедрения агентов польской разведки через среду спецпереселенцев. В приказе УНКВД по Свердловской области №239 за 1940 г. отмечалось: «обратить особое внимание на вербовку осведомления из осадников, так как среди них могут быть агенты и провокаторы бывшей польской и иностранных разведок»¹⁰.

Тяжелые жизненные обстоятельства подорвали здоровье многих польских граждан. Вспомним, что в большинстве это были представители интеллигенции, которые у себя на родине имели средний жизненный уровень. Здесь же, с первых дней прибытия на уральскую землю, они получали «пайку» — 800 г хлеба и кипятка.

По-разному сложилась судьба этих людей. Какая-то часть из них, не выдержав суровых условий существования, погибла от непосильного труда, голода и холода. Другая часть после признания СССР польского правительства в эмиграции и издания указа президиума Верховного совета СССР, а затем и приказа Л.П. Берии №430 от 20 августа 1941 г. об освобождении польских граждан из мест заключения и ссылки¹¹ сумела покинуть СССР с польской армией генерала Андерса. Часть после освобождения осталась на территории СССР, в том числе и на Урале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История государства и права России в документах и материалах. 1930-1990 гг. М., «Амалфея», 2000, с.144.

² Военные архивы России. Вып.1, 1993, с.124.

³ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1, М., «Звенья», 1997, с.4.

⁴ А.Э.Гурьянов. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. М., «Звенья», 1997, с.121-122.

⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области, ф.1, оп.1, ед.хр. 100, л.33.

⁶ Там же, л.34-36

⁷ Архив управления ФСБ РФ по Свердловской области, ф.1, оп.1, ед. хр. 100, л.1-3

⁸ Там же, ед. хр. 100, л.4.

⁹ Там же, л.6.

¹⁰ Там же, л.7.

¹¹ Архив управления ФСБ по Свердловской области, ф.1, оп.1, ед. хр. 121, л.26-32.

Михал Журавский

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛКОВНИКЕ СТЕФАНЕ РОДЗЕВИИЧЕ

К десятилетию со дня смерти

Жизнь Стефана Родзевича — классический пример трагической судьбы одного из тысяч поляков, которым не довелось жить на родине. Он родился в Лиде 31 мая 1943 г. (в свидетельстве о рождении, неизвестно почему, записана другая дата: 1 января 1943). Родился Стефан на расвете, а в тот же день вечером, попав в засаду неподалеку от Вильнюса, погиб его отец, тоже Стефан Родзевич. До войны он был новогрудковским и брестским старостой. Во время оккупации — рабочий и солдат Армии Крайовой. Семье так никогда и не удалось узнать, кто стрелял. В то время на беспокойном литовско-белорусско-польском пограничье было множество враждующих друг с другом группировок.

Младенца воспитывала мать Ирена Родзевич, урожденная Згожельская. Но всего лишь два года: в конце февраля и начале марта 1945 г., будучи служащей сельсовета, она перевозила крупную сумму денег и погибла вместе с еще несколькими людьми вблизи местности Сукурчи-Крупово. На этот раз вмешалась советская власть: всех убитых похоронили в общей могиле в неизвестном месте. На могиле матери Стефану никогда не довелось помолиться. А ведь он был католиком. Ему было шесть недель, когда мать крестила его в приходском костеле в Солнечниках. Спустя много лет, в мае 1992 г., во время торжественного богослужения в Катыни, на котором присутствовал президент Лех Валенса, полковник Стефан Родзевич читал Священное Писание. По-польски, ибо душа и язык у него были польские.

Вернемся, однако, к годам молодости. Сироту опекали бабушка и дедушка со стороны матери, а также ее сестра — Анна Мрысенель, урожденная Згожельская. Пятнадцатилетним, после 9-го класса в Беньяконях, где жила семья, Стефан решил покинуть дом. Им жилось очень трудно, и он решил не обременять семью. Он уехал в Красный Луч в Донбассе и там пошел учиться в горное училище. Учился он всегда очень хорошо. Закончив училище, начал работать подземлей машинистом узкоколейки. Продолжал учебу в вечерней школе, получил аттестат зрелости и поступил в юридический институт. Учебу в вузе он совмещал с работой на шахте в четвертую смену — с полуночи до 6 утра. В это время на празднике Дня молодежи он познакомился с Раисой Самойловой Студенниковой, и после года знакомства они поженились. У Стефана появилась своя семья, но он поддерживал постоянную связь с тетей Анной, бабушкой и бабушкой. Они писали друг другу, Стефан с женой и сыном часто их навещали.

Осенью 1963 г. Родзевича призвали в армию. Более трех лет он служил в части вблизи Львова. Отслужив, весной 1967 г. он вернулся к семье, которая к этому времени переехала в Харьков. Там он продолжал учебу и после защиты диплома поступил в органы военной прокуратуры, где прослужил вплоть до ухода в отставку весной 1993 года.

Стефан Родзевич

ПОЛЯК, СОВЕТСКИЙ ПРОКУРОР

Родители мои погибли на Виленщине при неизвестных мне обстоятельствах, когда я был еще малолетним ребенком. Это предопределило и мою дальнейшую судьбу. Я тоже оказался «освобожденным» от... права жить на земле своих предков и независимо от своей воли стал гражданином СССР. Благодаря Богу я не разделил судьбы многих польских сирот, вывезенных в раннем детстве вглубь СССР. До 16-летнего возраста меня воспитывала единственная оставшаяся в живых из всей нашей семьи родственница — моя теть, младшая сестра матери, Алина Згожельская. Это счастливое стечение обстоятельств дало мне возможность прожить юношеские годы в польской семье, говорить на родном языке и на всю жизнь остаться поляком. Детство мое прошло в живописном польском местечке Беньяконе, в окрестностях которого находится одно из мест Адама Мицкевича, известное под названием «роща Марыли». Когда я вспоминаю этот прекрасный уголок, всегда на память приходят строки великого поэта из «Пана Тадеуша»:

*Отчизна милая, Литва! Ты как
здоровье,*

*Тот дорожит тобой, как
собственную кровью,*

*Кто потерял тебя,
Истерзанный чужбиной,*

*Пою и плачу я лишь о тебе
единой.*

*О Матерь Божия, ты светишь в
Острой Броне,*

*Твой чудотворный лик и в
Ченстохове с нами,*

*И в Новогрудке Ты хранишь
народ от бедствий,*

*Да Ты ведь и меня спасла от
смерти в детстве!*

Пер. С.Мар (Аксеновой)

Возможно эти превратности судьбы сформировали у меня в детстве стойкое негативное отношение к любой несправедливости и ее носителям. Со школьной скамьи белорусской школы, в которой я проучился до десятого класса, моим заветным желанием было поступить в юридический институт и бороться с преступностью и любым попранием прав человека. Однако уже тогда мне было известно, что в советские юридические институты (их всего тогда было три: в Харькове, Саратове и Свердловске) существует особый отбор. Все эти институты считались «партийными», и попасть в них можно было, только имея направление обкома партии. Прикинув, что для выходца с «западных» территорий, а тем более для того, кто не отказался от того, что он поляк, это почти неосуществимо, я, как только получил паспорт, принял решение выехать вглубь СССР. Самым оптимальным вариантом была Украина, и я поехал в Донбасс, где закончил горно-промышленную школу со сроком обучения 10 месяцев и работал в шахте, стал ходить в вечернюю школу рабочей молодежи, которую успешно закончил. Получив таким образом среднее образование, я поступил в кандидаты в члены КПСС и только после этого мне удалось получить направление Луганского обкома партии для поступления в Харьковский юридический институт.

Моя мечта осуществилась. Закончив институт, я избрал службу в органах военной прокуратуры. За четверть века пришлось исколесить всю огромную территорию СССР, послужить пять лет в бывшей Южной группе войск, в Венгрии, но до недавнего времени попасть в Польшу никак не удавалась.

И вот на 49-м году жизни мне впервые предстоит увидеть Варшаву. Сердце сжимается от предчувствия этой встречи...

1992

В 1975-1981 гг. Родзевич служил в Венгрии, затем его перевели в Свердловск, а в 1988-м — в Москву, в Главную военную прокуратуру. Его сын Валерий в 1984 г. закончил Военный авиационный институт, женился и наделил отца двумя внуками.

Где-то в конце 1990 — начале 1991 г., во время одного из моих многочисленных посещений Главной военной прокуратуры, я познакомился со Стефаном. Он тогда еще не входил в состав группы полковника Александра Третьяцкого, занимавшегося катынским следствием, но уже сотрудничал с этой группой благодаря прекрасному знанию польского языка. Впрочем, очень скоро его привлекли к участию в расследовании, и летом 1991 г. он присутствовал на экзгумациях в Харькове и Медном, а в ноябре — в Катыни. Его интерес к польским делам не ограничивался Катынью. Интересовал его процесс 16-ти, особенно судьба генерала Леопольда Окулицкого. На эту тему он написал несколько статей для польских и российских газет.

Родзевич часто заходил ко мне в посольство и просматривал материалы, которые мне удалось «достать» в архивах КГБ и МВД. Мы беседовали практически обо всем, что нас интересовало. Его — Польша, а меня — местные отношения, обычаи, законы. Узнав о существовании «Польского дома», он немедленно вступил в эту организацию, начал ее поддерживать своими огромными юридическими познаниями. У меня перед глазами стоит такая картинка. Осенью 1991 г. в Москву на несколько дней приехал отец Здислав Пешковский. После экзгумаций в Харькове и Медном он был в Ватикане у Папы и привез советским (тогда еще) прокурорам папское благословение и небольшие сувениры (нательные крестики, четки, образки). Я устроил прием в посольстве и пригласил всю катынскую группу. По просьбе Пешковского все мы взялись за руки и прочитали «Отче наш». Кто по-польски, кто по-русски. Мы — в штатском, они — в формах советских офицеров. И кто мне после этого докажет, что есть в мире невозможное?

В 1992 г. мы участвовали в организованной центром «Карта» в Варшаве «Неделе совести».

Последний раз мы встретились со Стефаном в Катыни 1 ноября 1993 года. Был отец Здислав Пешковский, Саша Третьяцкий, тамошние поляки. Позже я его уже не видел — мы лишь несколько раз говорили по телефону. Договорились встретиться у меня дома вечером 17 ноября, в связи с приездом прокурора Стефана Снежко, с которым он обязательно хотел встретиться. Несмотря на то, что он уже несколько месяцев был в отставке, Родзевич продолжал интересоваться катынским расследованием. Были у него какие-то интересные для нас сведения, о которых он не хотел говорить по телефону. Он уже не успел на эту встречу: скончался 17 ноября 1993 года.

Стефан Родзевич похоронен на Митинском кладбище в Москве.

Михал Журавский много лет был польским консулом в Москве, затем в Калининграде и Харькове.

Петр Мицнер

ГЕНРИК ЮЗЕВСКИЙ

Набросок к портрету

На политической сцене он был персонажем не ярким, но характерным. Вне всякого сомнения, ему была присуща сдержанность по отношению ко многим областям коллективной жизни, даже к тем, в которых он сам принимал участие: к армии, политике. Значит, это была и сдержанность по отношению к самому себе, к какой-то части собственной личности.

А ведь он мог быть фанатиком идеи. Именно так он верил в Пилсудского, в Петлюру, в польско-украинское сближение. Эти идеи, или, как бы он сам сказал, неуловимые факторы, а также ценности, которые он считал высшими, заменяли ему веру в абсолют, ибо он был воспитан в духе рационалистов и вольнодумцев, хоть и не до конца отождествлял себя с ними.

Генрик Юзевский родился в Киеве 6 августа 1892 года. Учился в 1-й гимназии, где принадлежал к тайной организации самообразования «Корпорация», в которую входили как поляки, так и русские с украинцами.

Первой его страстью была техника. В 1908 г. он сконструировал собственный радиопередатчик, с помощью которого ему удалось установить связь с находившимся в нескольких километрах Политехническим институтом. Позднее он вспоминал, что это была «одна из самых волнующих минут» в его жизни. С 1909 г. он учился на физико-математическом факультете Киевского университета св. Владимира.

Когда началась I Мировая война, Юзевский начал организовывать в Киеве тайные структуры Польской военной организации, одновременно изучая музыку и живопись. Он был художником киевского экспериментального театра «Судия». Его фантастические и в то же время сдержанные декорации и проекты, выдержанные в духе Крэга, были по тем временам очень новаторскими.

После отъезда из охваченной революцией Киева Юзевский оказался в Кракове. Он уже готовился к новым сценическим работам, когда Пилсудский вызвал его в Варшаву. Согласно договоренности с Симоном Петлюрой, он был назначен заместителем министра внутренних дел в правительстве Украинской Народной Республики. Министерство сельского хозяйства возглавил отец Ежи Стемповского Станислав.

«Я выступал как украинская сторона, — вспоминал Юзевский, — но при этом был поляком». Именно он принимал от генерала Рыдза-Смиглого управление захваченным Киевом и создавал в нем украинскую администрацию. Увы, это продолжалось недолго.

Юзевскому пришлось эвакуироваться вместе с чиновниками и армией Петлюры. Дольше всего они задержались в Станиславе. Потом был Жешув и наконец Варшава.

Здесь его квартира стала «еще одним представителем УНР». В августе 1920 г. перед лицом советской угрозы Пилсудский поручил Юзевскому организовать сопротивление на случай взятия столицы большевиками. После подписания Рижского мира украинские солдаты интернировали, а атамана лишили права убежища. «Эта новость поразила меня как гром с ясного неба, — написал Юзевский. — Мне было дано ощутить горький вкус политики и т.н. необходимости, не имеющей ничего общего с человеческой моралью». С этого времени он укрывал Петлюру — так долго, как это было возможно. В конце концов он помог ему выехать на Запад, где до него, увы, дотянулись длинные руки ЧК. Однако, прежде чем это произошло, Юзевский провел долгие часы, беседуя с атаманом (интересно, говорили ли они о театре?). Он устраивал тайные встречи Петлюры с украинцами, часто приезжавшими издалека, чтобы убедиться, что атаман жив, что он «есть на свете».

Затем Юзевский на несколько лет вжился в роль хозяина имения на Волыни, вернулся к театральным идеям. Именно тогда он написал и издал библиофильским тиражом проект инсценировки «Гамлета». Говоря словами Юзевского, шекспировский герой колебался между действием и созерцанием. Может быть, и сам автор переживал подобные сомнения? Этого мы не знаем. Он был человеком невероятно замкнутым, скрывающимся в тени.

Потом Юзевского снова вызвали в Варшаву. Он участвовал в подготовке переворота, вернувшего власть Пилсудскому. В мае 1926 г. он нес краски и кисти в свою мастерскую, когда начались боевые действия. «Кисти и ящик с красками навсегда остались в Генеральном штабе». Юзевский отдал себя в распоряжение маршала, став начальником его кабинета.

Спустя два года Пилсудский назначил его волынским воеводой. «Волынская деревня в подавляющем большинстве случаев была деревней моих детских лет. Мне было хорошо с ней, а ей — со мной. Часто я говорил с ней по-украински, что вызывало в некоторых польских набожно-патриотических и государственнических кругах возражения и даже возмущение». Эти круги остро критиковали политику Юзевского.

Поляки-шовинисты считали его предателем. У него же было на их счет вполне определенное мнение: «Где такой поляк появится, там трава не растет — горит огонь взаимных польско-украинских и украинско-польских антагонизмов».

Ситуация обострилась в 1935 г., после смерти Пилсудского. Началась кампания полонизации, принудительное обращение в католичество. У православных отбирали церкви. Юзевский считал, что это «покушение не только на православных, но и на Польшу». Не будучи в силах повлиять на это, он ушел в отставку в 1938 году.

В первые же месяцы после начала войны Юзевский приступил к созданию конспиративной сети. Он занимал высокие должности в «Службе победе Польши» и «Союзе вооруженной борьбы» [организациях — предшественниках Армии Крайовой], но в 1940 г. был отстранен от дел как пилсудчик в рамках чистки, проведенной по распоряжению генерала Владислава Сикорского.

Однако до 1944 г. он оставался советником главнокомандующего Армии Крайовой, сотрудником подпольной печати и командиром маленькой пилсудчиковской «Группы Ольгерда». В этот период как крайне националистические, так и крайне левые польские подпольные организации несколько раз устраивали на него покушения.

После Варшавского восстания Юзевский руководил подпольной Польской демократической партией, а в 1945–1947 гг. издавал (все еще в подполье) журнал «Польска независла» [«Независимая Польша»]. Он занимал явно антисоветскую и антикоммунистическую позицию, однако тексты, которые он писал и публиковал, были не просто свидетельством сопротивления. В них не было простых рецептов и иллюзорных надежд. Юзевский поднимал трудные, неочевидные вопросы, заставлял думать. Одним из таких философских текстов была написанная в 1945 г. статья «Инстинкт жизни и нравственный инстинкт», в которой Юзевский представлял трагический конфликт аргументов жизни, выживания и аргументов этики, побуждающих к бунту против предначертаний судьбы.

Поскольку Юзевского разыскивали органы госбезопасности, он часто менял адреса. В конце концов он поселился под Люблином. «Я стал, — вспоминает он, — известным растениеводом, занялся выращиванием грецких орехов». Его хозяйство прославилось, он получал премии и дипломы.

Однако он не порвал с подпольной деятельностью. Известно, что он поддерживал постоянный контакт с польским правительством в Лондоне, был личным советником генерала Андерса. Была у него и собственная информационная сеть, собственное, как он изыщно выражался, «общество» — в него входили люди из доверенной среды теософов, хотя сам Юзевский теософом отнюдь не был.

Любопытно, что в этот период он несколько раз встречался с Марией Домбровской. Выдающейся писательнице приходилось не раз проделывать долгий путь, чтобы где-нибудь в законспирированном месте оправдываться перед Юзевским в своей покорности системе.

Незадолго до смерти Сталина, 1 марта 1953 г., Юзевского арестовали и приговорили к пожизненному заключению. Вероятно, если бы его изловили несколькими годами раньше, он мог бы заплатить жизнью. Он вышел из тюрьмы в 1956-м — собственно говоря, был выпущен в увольнительную. Через два года его освободили условно. Реабилитации он так и не дождался.

На свободе, в Варшаве, Юзевский вращался в своем «обществе». Другам, которые были его связными еще в киевские времена, он диктовал «Повесть о бытии» — произведение, соединяющее в себе элементы автобиографии (почти лишенной конкретных фактов) и оригинальной историософской системы. Он пытался проникнуть в смысл событий, в которых участвовал, а говоря о человеке или народе — проникнуть в их сущность, заключенную в слове «есмы». Юзевский выделял «есмы» отдельных людей, а также «есмы» Польши и «есмы» Украины. Часть этого многотомного труда была опубликована после его смерти. Выяснилось, однако, что привычка к конспирации не покинула Юзевского до самого конца. К своей «Повести» он написал обширное приложение, содержащее все важные сведения: имена, даты, факты. Вероятнее всего, он отдал его текст на хранение кому-то из своих друзей. Приложение это до сих пор не найдено.

В старости Юзевскому наконец представилась возможность посвятить себя живописи. Охотнее всего он писал морские пейзажи — спокойные, скупые в тонах, часто полные разных оттенков серого. У него было несколько персональных выставок. Помимо картин после него осталось множество рисунков — карикатур, гротескных экспрессионистских сценок, основная тема которых — конфликт индивидуума и толпы.

Умер Юзевский в Варшаве 23 апреля 1981 года.

Он оставил потомству свои картины, «Повесть о бытии» и нематериальный след будничной деятельности на Волыни, который был так жестоко уничтожен людьми, одержимыми ненавистью.

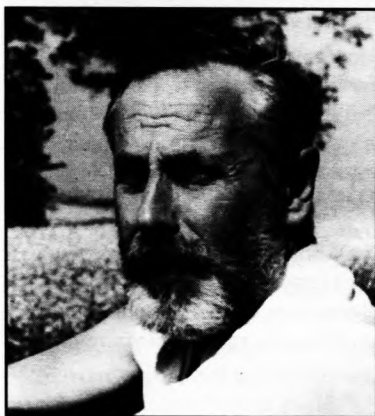
В начале 60-х в своей «Повести» он вернулся к вопросу, волновавшему его всю жизнь: «При нынешнем положении вещей разговоры о польско-украинских связях никому не нужны. Но говорить об этом надо. Этот вопрос не менее реален, чем на протяжении веков, во времена независимой Польши. Он реален вне зависимости от изменения отношений, царящих в Польше и на Украине (...) Ход событий изменяется самым неожиданным, потрясающим, трагическим образом, захватывает мысль и воображение».

Генрик Юзевский

СЛОВО О ПЕТЛЮРЕ

Фрагменты

Если я не ошибаюсь, приблизительно в апреле 1920 г. меня вызвали в Бельведер¹. Там я узнал, что должен ехать в Каменец-Подольский. Согласно договоренности между польским и украинским правительствами (имеется в виду правительство Украинской Народной Республики), Польша отдавала в распоряжение правительства УНР двух поляков — Станислава Стемповского в качестве министра сельского хозяйства и Генрика Юзевского в качестве замминистра внутренних дел.

Помню свое прибытие в Каменец. Было утро. Нас встретил Антоний Минкевич, комиссар Южного фронта — это была должность ранга министра. Не успел я привести себя в порядок с дороги, как передо мной уже стоял адъютант Петлюры, приехавший, чтобы отвезти меня на заседание Совета министров УНР. Так все и началось...

♦ ♦ ♦

Многие не понимали и до сих пор не понимают важности того, что тогда происходило. Я не ошибусь, если скажу, что многие люди, имевшие тогда некоторое влияние на ход событий, не справились со своей задачей

и с поразительной легкостью уклонились от правды. Я уже не говорю о тех, кто с энтузиазмом, достойным лучшего применения, порол небывалую чушь, оставляя без внимания украинский вопрос и с триумфом выстав-
ляя напоказ свое невежество. Даже сегодня мне иногда встречаются влиятельные люди из среды польской интел-
лигенции, заявляющие, что «поход на Киев» был ошибкой, плохо рассчитанным и неудачным маневром.

Однако видел я и нечто другое. Я не говорю о выдающихся исторических личностях вроде Пилсудского, их ближайших соратниках или определенных кругах общества. Речь идет о «безымянных» сонмах польских или даже в большей степени украинских «простых людей». Именно здесь украинско-польская и польско-украинская прав-
да являет одно и то же, подлинное свое лицо.

♦ ♦ ♦

Мои дни в Каменце были «праздничными», редкостными, необыкновенными и в то же время «прозаическими». Нужно было принимать посетителей, ходить на заседания, решать разные вопросы — как всегда в подобных обстоятельствах. Так вершилась «проза». Однако для меня необыкновенность происходящего не терялась в суете пролетающих будней.

♦ ♦ ♦

Моя петлюровская эпопея началась в то мгновение, когда меня привели на заседание Совета министров УНР. Когда я вошел в зал, заседание уже шло. Я поклонился и занял указанное мне место. Председательствовал Петлюра. Я увидел его впервые. Я с интересом разглядывал его, слушал, как он говорит. На заседании обсужда-
лись текущие дела и предложения отдельных министров.

После заседания Петлюра пригласил меня в свой кабинет. Мы провели предварительную беседу. С этого времени я виделся с атаманом довольно часто.

♦ ♦ ♦

Помимо работы в министерстве, я был поглощен всем, что происходило между Украиной и Польшей. Я выступал как украинская сторона, но при этом был поляком. И поляки, и украинцы знали об этом, что придавало сложившимся обстоятельствам особый характер. В таких условиях выполнение обрушившихся на меня обязанностей не вменялось в схему нормальной, общепринятой службы.

Я был поляком, доверенным лицом Польши, и в то же время поляком, украинским заместителем министра, доверенным лицом Украины.

Я не был «орудием», «агентом» или «шпионом» Польши в украинском правительстве. Польша могла на меня положиться. В не меньшей степени могла положиться на меня и Украина. И тут и там я был самим собой. По моему собственному выражению, я был «доверенным лицом обоих народов». Это определяло положение вещей. В этой

¹ Резиденция Пилсудского.

роли я чувствовал себя хорошо, «по-праздничному». Польский и украинский патриотизм сливались во мне воедино. Таково потаенное польское сокровище, о котором многие поляки могут даже не догадываться, хоть это и не меняет сути дела. По счастливому стечению обстоятельств, мой друг Станислав Стемповский, министр сельского хозяйства УНР и участник петлюровской эпопеи, знал об этом лучше, чем кто-либо другой из поляков.

Петлюра пользовался повсеместным авторитетом. Взгляды украинцев были прикованы к нему. Он правил, отдавал приказы, принимал решения, вел за собой. Он был вождем Украины в полном смысле этого слова. Он и только он мог говорить от имени сражающейся за свободу Украины.

Живого нрава, всегда деятельный, инициативный, иногда суровый и беспощадный, он был одновременно очень эмоциональным. Был в нем некий «украинский лиризм», заметный в жизни украинцев и проскальзывающий в украинских песнях.

Сильное впечатление произвел на него Юзеф Пилсудский. Это приблизило атамана к Польше и облегчило заключение с ней соглашения. Рискну предположить, что если бы не Пилсудский, не было бы и польско-украинского единства. Впрочем, его не было бы и без Петлюры.

♦ ♦ ♦
Через некоторое время Петлюра поручил мне поехать в Киев. На этот раз моя миссия была очень ответственной и еще более «украинской».

От имени правительства УНР я должен был принять от генерала Рыдза-Смиглого управление Киевом и назначить украинского комиссара города. Кроме того, я должен был связаться с группой киевской интеллигенции, сплоченной вокруг пользовавшегося всеобщим уважением Сергея Ерофеева, и от имени Петлюры и правительства УНР призвать ее к участию в государственной работе. В нескольких беседах с атаманом эта тема была детально обговорена.

♦ ♦ ♦
Мой приезд в Киев был довольно оригинальным и в каком-то смысле невероятным. Известный всему польскому обществу Генрик Юзевский, уроженец Киева, выпускник 1-й киевской гимназии и Киевского университета св. Владимира, общественный деятель, председатель «филаретов», музыкант, а также человек, создававший вместе со Станиславой Высоцкой польский театр «Студия» и занимавшийся в нем сценографией, — появляется в Киеве как член украинского правительства, от имени УНР принимает бразды правления и создает украинскую администрацию.

Не менее удивительна была и сцена передачи власти над Киевом генералом Рыдзом-Смиглым украинскому министру Генрику Юзевскому. Церемония была торжественной и формальной.

Надвигалось ощущение катастрофы. Я возвращался в Винницу в атмосфере всеобщей тревоги. Не помню, как это вышло, но возвращался я товарным поездом. В Белой Церкви в вагон вошел изменившийся в лице и запыхавшийся Кароль Ярошинский и тут же повалился на сомнительной чистоты солому. Через некоторое время появился неизвестный мне ротмистр, знакомый Ярошинского, и сообщил, что Буденный прорвал фронт. Стало быть, мне еще раз довелось увидеть Киев в необыкновенной ситуации.

♦ ♦ ♦
В конце концов после разных приключений мы остановились в Станиславе. Это был следующий этап нашей службы. Мы стали эмиграцией в полном смысле слова. Началась обычная эмигрантская жизнь — с эмигрантским правительством, парламентом, армией. Через некоторое время мы переехали еще дальше, к востоку от Жешува, а затем в Тарнув. Здесь мы задержались надолго, точнее говоря «насовсем», вплоть до заключения Рижского мира. В этот период я несколько раз ездил в Варшаву по служебным делам, решал вопросы, доверенные мне украинским правительством и атаманом Петлюрой. Наконец, нас с паном Станиславом перевели в Варшаву. Наша квартира во дворце Рачинских стала еще одним представительство УНР. У нас был постоянный контакт с украинским посольством на аллее Роз, с послом Анджеем Левицким. Мы встречались с представителями польских политических сил, правительственных институтов. Это было своего рода украинское учреждение. Помню встречу в Бельведере с маршалом Пилсудским. Мы обсуждали текущие проблемы украинской эмиграции. У меня был целый ряд писем от атамана Петлюры с поручением решить различные вопросы. Так и текло время, пока не настали дни, потрясшие Польшу. Продвижение большевистских орд. Отсутствие помощи с Запада. Польша была брошена на произвол судьбы перед лицом противника, который шел завоевывать Европу. Когда казалось, что надежды уже нет, польские войска провели контратаку на реке Вепш. Затем была битва под Варшавой и разгром большевистской армии.

В этот период Комендант [Пилсудский] доверил мне руководство диверсионными операциями в случае захвата Варшавы большевиками. Операции не состоялись — большевики не вошли в Варшаву. Но когда вечерами и ночами я смотрел из окна покинутой квартиры украинского посольства на артиллерийские вспышки под Радзимином, мне случалось забывать об обязанностях, тяготеющих на мне в силу моей принадлежности к украинцам.

♦ ♦ ♦

После победы Польша вздохнула с облегчением. Переверел дух и украинский мир, украинская эмиграция. Появились перспективы. Части украинской армии принимали участие в обороне Польши от большевиков.

В Риге начались переговоры, и наконец настал день подписания Рижского мира. Спустя некоторое время тогдашний министр иностранных дел Скирмунт вызвал нас с паном Стемповским на срочное совещание. Проходило оно в Сейме, в кабинете, смежном с залом заседаний. До наших ушей долетал шум голосов из зала. Министр Скирмунт сообщил нам, что «завтра в Тарнув выезжает смешанная польско-большевистская комиссия для установления местонахождения атамана Петлюры, который, согласно Рижскому договору, лишен права политического убежища».

Эта новость поразила меня как гром с ясного неба. Мне было дано ощутить горький вкус политики и т.н. необходимости, не имеющей ничего общего с человеческой моралью. Я не помню, попрощался ли я с министром Скирмунтом... Нельзя было терять ни минуты. Я решил действовать на свой страх и риск. В очень короткий срок мне удалось организовать поездку в Тарнув, и вот я уже сижу в вагоне с двумя сопровождающими меня членами ПВО из КН-III². Я приказал им взять с собой оружие. С таким эскортом я прибыл в Тарнув и сразу же отправился на квартиру к Петлюре, но не застал его — он куда-то вышел. Наткнувшись на министра Никовского, я заявил, что хочу переговорить с атаманом о не терпящем отлагательства деле. Через несколько минут в комнату вошел Петлюра. Говорили мы с глазу на глаз. Я описал ситуацию и предупредил, что действую на свой страх и риск, ничего ни с кем не согласовывая. Затем я сказал, что берусь укрыть его, и предложил немедленно отправиться вместе со мной в Варшаву. Атаман должен был довериться мне. Он сделал это, не колеблясь ни минуты. Я напомнил ему о совершенной секретности всей операции: никто не должен был знать, куда и с кем он выходит. Через минуту, одетый в пальто и шляпу, он вышел со мной на улицу. Там нас ждал мой эскорт из ПВО. Мы пошли на вокзал пешком. Ребята из ПВО шли за нами. Было темно. В толпе мы дождались поезда, идущего в Краков и Варшаву. Это был самый обычный поезд. Мы вошли. Поезд тронулся. Моему эскорту удалось занять купе для нашей четверки. Так мы и доехали до Варшавы. Когда уже начинало светать, мы с атаманом сели в такси и через минуту были в нашей квартире во дворце Рачинских. Встретил нас пан Станислав Стемповский — как всегда, со своей очаровательной улыбкой. Петлюру ждала приготовленная комната. Он был у себя дома. Так Симон Петлюра скрылся из виду.

♦ ♦ ♦

Никто — ни поляки, ни украинцы — не знал, что случилось с атаманом и где он. Через несколько дней ко мне начали приходить люди, чтобы что-то узнать. Конечно, все они ушли ни с чем. Получить какую-то информацию пыталась и «двойка» [разведотдел] — МИДа и МВД. Помню визит Шумляковского из отдела восточного министерства — человека ловкого и пронырливого. Он припер меня к стенке, сказав, что я не могу не знать, где находится атаман. Я ответил, что он сидит за стенкой, в соседней комнате. Шумляковский обиделся и ушел. Между тем Петлюра действительно был за стенкой. Потом все как-то успокоилось. Спустя месяц или два мы с паном Станиславом решили отправить атамана в деревню. Пан Станислав разместил его в Космине под Груецом у своего друга Станислава Чекановского. Атамана поселили вдали от дома в бездействующей винокурне, где он вместе с вызванным им адъютантом провел время в полезных для здоровья условиях. Чекановский очень радушно заботился о своем «госте».

Через несколько месяцев Петлюра вернулся в Варшаву и поселился вместе с женой и дочерью Лесей на Мокотовской, 5, у моего близкого друга Влодзимежа Редлиха. Редлих был перебравшимся в Варшаву киевским адвокатом, членом ПВО из КН-III, верным другом Украины. Он хорошо говорил по-украински и временами тихонько напевал украинские песни. Отношения Петлюры с Редлихом и его семьей складывались как нельзя лучше. Был там еще адъютант Гаевый, украинский офицер из свиты атамана — человек верный, преданный и необыкновенно милый. Я часто бывал на Мокотовской. Моя жена давала Лесе уроки французского. Иногда по вечерам мы вдвоем с атаманом выходили на прогулку. Гуляли мы возле Сейма или Бельведера.

Однажды ко мне прибежал Редлих с новостью о советской ноте, обвинявшей Польшу в том, что атаман Петлюра живет в Варшаве на Мокотовской улице под именем Влодзимежа Редлиха. Польские власти с этим как-то разобрались.

На Мокотовской Петлюра прожил довольно долго, после чего уехал в Париж, где находилось украинское правительство в изгнании. Там он погиб на улице от руки Шварцбарта, раненый пятью пулями. Шварцбарт был евреем и большевистским агентом. Говорят, ему удалось уехать в Южную Америку — как показало время, лучшее пристанище для политических убийц. Такова вкратце история атамана Петлюры с момента подписания Рижского договора до дня смерти.

² ПВО (Польская военная организация) — тайная организация, созданная Пилсудским во время I Мировой войны. КН-III — ее киевское отделение, руководимое Генриком Юзевским.

♦ ♦ ♦
В описываемый период, особенно в то время, когда атаман жил в нашей квартире, мне представилась неповторимая возможность познакомиться с этой исторической личностью, установить с ним самые непосредственные отношения, вести долгие, бесконечные разговоры, иногда затягивавшиеся далеко за полночь.

В нашей квартире царила семейная атмосфера. Нас посещали разные события, через нашу квартиру пролетали новости.

Некоторые сцены запали мне глубоко в память. Помню утренний чай в просторной столовой. За столом сидели домочадцы и довольно необычные гости — типично украинские *дядьки*³, повстанцы из Голодного Яра под Черкасами. Они прибыли в Варшаву, чтобы узнать, есть ли еще на свете атаман Петлюра, увидеть его и вернуться домой с новостями. Их было несколько. Они сидели и пили чай. Не буду пересказывать их беседу — дело не в словах, а в том, что за ними кроется. Я был свидетелем того, что совершалось между атаманом и Украиной в разговоре с дядьками. Это было невероятно красноречиво. От *дядек* я узнал немало: о том, как живет в хатах и в Голодном Яре, как смерть заглядывает в глаза...

♦ ♦ ♦
Мне кажется, мои дальнейшие переживания подсказывали, что происходило в сознании Петлюры. Но тут я столкнулся с чем-то неожиданным: он не чувствовал себя задетым или обиженным, у него не было претензий к Пилсудскому и Польше. Я свидетельствую об этом перед Польшей и перед всеми. Я помню многие вечерние прогулки с атаманом по улицам Варшавы. Иногда мы проходили мимо светящихся окон Бельведера. Он говорил о Пилсудском как всегда: с тем же чувством и волнением.

♦ ♦ ♦
Польско-украинская связь — это канон существования Украины и Польши. Она проявлялась в разное время и в разных ситуациях. Все это один бесконечный спектакль польско-украинских отношений или польско-украинского образа жизни: соглашений и недоразумений, дружбы и ненависти, ссор, иногда заканчивающихся кровопролитием, разгулом польского и украинского национализма и в конце концов — братским рукопожатием.

Отношение Польши к Украине и Украины к Польше определяется не только практическими соображениями, той или иной политической конъюнктурой или даже «взаимной выгодой». Это естественная потребность существования Польши и Украины. Именно она характеризует положение вещей. Мои близкие отношения с Петлюрой подтвердили, что это правда.

♦ ♦ ♦
На то, как сложится будущее Украины, в немалой степени повлияет Россия; свое влияние окажет мир Западной Европы и США; будет что сказать и Польше. У каждого из этих факторов есть свои основания, чтобы решать судьбу Украины и принимать в ней участие.

Эта тема порождает мириады слов, каждое из которых затрагивает суть дела. Можно говорить о польско-украинской семье, о родстве, братстве, культурном симбиозе. Ситуация начинает выглядеть иначе, когда в игру вступают слова политиков. Тогда, как правило, теряется смысл того, с чем мы имеем дело, и начинается пустая болтовня актеров на исторической сцене.

Однако есть люди, не упускающие правды из виду. Это определяется не образованием или научными титулами: очень часто за научным титулом скрывается человеческая глупость и слепота. Способность прикасаться к упомянутой мною правде и не упускать ее из виду обеспечивают другие факторы, которые можно назвать действием интуитивного разума и творческими возможностями человека. Таков уж человеческий мир.

Есть на свете люди, обладающие исключительной интуицией, недоступной посредственностям. Жизнь тянется к ним. Они предводительствуют, решают, говорят от имени жизни слова, понятные каждому. Это государственные мужи, народные герои, исторические личности. На Украине такой исторической личностью был Симон Петлюра.

«Слово о Петлюре» — глава из обширных воспоминаний Генрика Юзевского *«Повесть о бытии»*, частично опубликованных в журнале *«Земшти хисторичне»* (*«Исторические тетради»*) в 1982-1983 годах (№№ 59, 60, 63).

³ По-украински в тексте.

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Беседа с проф. Генриком Стронским,
президентом Общества польских ученых Украины*

— Долгое время на официальном уровне никто не хотел говорить о польско-украинских отношениях. Почему?

— После II Мировой войны польско-украинские отношения не входили в число тем, которыми занимались исследователи наших стран. Это было обусловлено не только их сложностью (особенно в первые послевоенные годы), но и труднодоступностью архивных материалов, а также идеологическим давлением, господствовавшим до 1989 года.

Только в последние годы интерес к исследованию наших взаимоотношений начал расти — особенно среди историков. Этому способствует и политическое сближение, и разнообразные формы сотрудничества в рамках стратегического партнерства. К сожалению, есть также бремя прошлого и стереотипы. Яркий тому пример — недавние события, связанные с кладбищем Польских Орлят во Львове или могилами бойцов УПА [Украинской повстанческой армии] в Польше.

— В первые послевоенные годы наши отношения складывались не слишком хорошо...

— Во второй половине XX века польско-украинские отношения оставляли желать лучшего. У наших народов не было собственных суверенных и полностью независимых государств. Как правило, граждане ПНР и СССР общались друг с другом в рамках официальных польско-советских отношений. К счастью, были и неформальные контакты, не вполне отвечавшие намерениям и целям тогдашних партийных властей.

— II Мировая война привела наши народы к этническому конфликту...

— Польско-украинское соседство вылилось во враждебность и вооруженные столкновения между нашими народами. Это было связано, в частности, с политикой гитлеровской Германии и сталинского СССР, стремившихся разжигать межнациональную рознь и натравливать народы друг на друга. Свою роль в раздувании конфликта сыграли и действия как польского, так и украинского подполья, а также вооруженная и пропагандистская деятельность коммунистических партизан на Волыни и в Галиции.

— Вооруженные конфликты между поляками и украинцами происходили в 1943-1947 годах...

— Лидеры ОУН [Организации украинских националистов] считали тогда поляков своими главными врагами. Они были уверены — как показало будущее, ошибочно, — что повторится сценарий 1918 г., когда война обескровила Германию и западные страны, а Украина осталась один на один с Польшей.

Хотя никаких документов, подтверждающих, что ОУН-УПА собиралась физически уничтожить польское население на спорных территориях, все еще нет, некоторые факты указывают на то, что антипольская операция была проведена на всем контролируемом УПА пространстве и началась в определенное, хорошо согласованное время.

— Наибольшие потери понесло польское население Волыни...

— Волынь, где располагались довольно многочисленные вооруженные формирования украинцев, а поляки составляли несомненное меньшинство, была местом самых жестоких расправ с польским населением. Перед лицом опасности поляки организовывали группы самообороны, убегали в города, уезжали на запад, а также вступали в ряды немецкой полиции или советского партизанского движения. Из-за отсутствия надлежащей связи между отрядами Армии Крайовой польские воины не всегда могли вовремя прийти на помощь гражданскому населению. Когда же они наконец появлялись, то нередко совершали акты возмездия против украинцев.

— Положение в Восточной Галиции выглядело иначе...

— Там положение поляков было значительно лучше, однако и там не обошлось без потерь среди населения. Только на Тернопольщине в те годы погибло около 14 тыс. поляков. Как установили недавно польские исследователи, от рук УПА погибло от 40 до 100 тыс. поляков. В ответных операциях поляков было убито до 3 тыс. украинцев.

— Польско-украинские столкновения превалило приближение фронта...

— Да, но ненадолго. Отряды УПА отступили на запад, на территории, отдаленные от театра военных действий, где продолжали антипольскую операцию. В польско-украинский конфликт активно включился и НКВД, который умело использовал провокации. Попытки соглашения между АК-ВИН [Армия Крайова — «Свобода и независимость», организация, продолжавшаяся сражаться в подполье до конца 1940-х] и УПА на территории ПНР закончились неудачей, став лишь мелким эпизодом.

— *Потом начались переселения...*

— Которые оказались очень болезненными как для польского, так и для украинского населения. Переселение поляков с Украины в ПНР и украинцев из Польши в СССР осуществлялось на основании соглашения между коммунистическими правительствами ПНР и СССР и охватило около 800 тыс. поляков и 482 тыс. украинцев.

Немногочисленные отряды УПА продолжали вести бои в юго-восточной Польше. В конце концов власти ПНР решили их ликвидировать. Кроме того, они задумали окончательно решить украинскую проблему с помощью операции «Висла» — переселения почти 150 тыс. украинцев на западные и северные земли. Такая коллективная ответственность ударила по многим невинным людям.

Польско-украинская вражда разжигалась и контролировалась тогдашними коммунистическими властями. Например, они не давали вести исследования, касавшиеся польско-украинского конфликта, и обнародовать истинное положение дел.

— *Ситуация диаметрально изменилась только после 1989 года...*

— Сегодня мы хотим, наконец, установить конкретные факты и причины жестоких польско-украинских столкновений. В рамках действующего с 1996 г. польско-украинского семинара «Польша — Украина: трудные вопросы» прошло восемь сессий, результатом которых стали четыре тома материалов. Эти встречи должны прояснить множество спорных моментов, связанных с недавним прошлым наших стран.

Украинская сторона хотела добиться признания того, что ОУН вела освободительную борьбу за независимость Украины. На самом деле украинская сторона хотела бы реабилитировать УПА в глазах поляков и оправдать ее действия. Стоит отметить, что в самом украинском обществе отношение к УПА отнюдь не однозначно. Даже Верховная Рада Украины (а особенно коммунисты) еще не признала членов этого вооруженного формирования ветеранами.

Польская же сторона пыталась добиться от украинцев признания того, что УПА осуществляла геноцид польского населения. К сожалению, это не так уж просто, ибо родословная многих украинских патриотических демократов восходит к ОУН-УПА.

Проведенные дискуссии выявили немало точек соприкосновения, но в то же время и расхождений. Не удалось избежать эмоций, односторонности и пропагандистских выступлений. Несколько месяцев назад по инициативе одного из организаторов семинара, Союза польских украинцев, польско-украинские встречи были приостановлены. К сожалению, при принятии этого решения решающим фактором стали отнюдь не научные вопросы...

— *Совсем по-другому складывались польско-украинские отношения в эмиграции...*

— После II Мировой войны стремление поляков и украинцев к независимости закончилось крахом. Новыми хозяевами в обеих странах стали коммунисты, а борцов за независимость ждала эмиграция.

До середины 1950-х польская и украинская политическая эмиграция находились в состоянии противоборства. В своих печатных органах различные политические силы рисовали образ будущих польско-украинских отношений в характерном для них свете.

Так, например, польские национал-демократы считали, что соседство с Россией гарантирует безопасность восточной границы Польши, а появление независимой Украины угрожает польским интересам. В свою очередь последователи Пилсудского и его лагеря придерживались мнения, что только распад Советского Союза установит истинную границу Польши, которой обычно считали Збруч.

Основные политические течения украинской эмиграции — например, националисты Миколы Лебеда — занимали крайне антипольскую позицию. Поляков считали главными виновниками всех неудач. Зарубежное представительство Главного украинского освободительного совета и его печатные органы придерживались неизменных взглядов на польско-украинские отношения.

— *Перелом и потепление во взаимоотношениях произошли в середине 50-х.*

— Эмиграция отдавала себе отчет в том, что десталинизация сильно смягчила отношение обществ всего восточного блока к коммунистическому режиму. Поэтому ее деятели начали задумываться о новых путях освобождения своих народов от коммунистического тоталитаризма. Здравый смысл подсказывал, что надо делать ставку на медленную и продолжительную коррозию коммунистической системы и советского владычества, а также на объединение усилий всех народов Центральной и Восточной Европы для его ослабления.

Польская эмигрантская печать заговорила о необходимости польско-украинского сближения и примирения, радикального пересмотра прежнего подхода к украинскому вопросу. Особый упор делался на политику. Считалось даже, что отказ от территориальных притязаний отвечает польским интересам. В среде польских эмигрантов стали раздаваться голоса, критикую-

щие довоенную национальную политику, в т.ч. и в отношении украинцев. Трудно переоценить и ту роль, которую сыграл в деле польско-украинского сближения покойный Ежи Гедройц и весь круг парижской «Культуры».

Впрочем, нечто похожее началось и с украинской стороны. Большое впечатление на украинских эмигрантов произвел «польский Октябрь» [1956 года]. Как констатировал украинский эмигрант проф. Ярослав Пеленский, Польша была первой во всем блоке страной, где что-то дрогнуло.

В эмигрантских кругах польско-украинское сближение происходило медленно, не без сопротивления, резких сцен и обвинений. В Париже и Мюнхене появились первые польско-украинские клубы. На первый план вышло тогда объединение соседних народов в борьбе с коммунизмом и порабощением.

— Новое видение наших взаимоотношений, появившееся в эмиграции, явно опережало действительность...

— Однако невероятно точным оказался эмигрантский тезис о том, что только существование независимой Польши и независимой Украины может быть условием и гарантией добрососедских взаимоотношений. В советские времена ни Польша, ни Украина не выступали в качестве самостоятельных субъектов двусторонних отношений. Официально все подчинялось принципу «польско-советской дружбы», а отношения соседних народов развивались в этих контролируемых, соответствующим образом дозированных пределах. На практике это выглядело так, что путь из Киева в Варшаву лежал через Москву. Ярким символом управляемой из ЦК КПСС «дружбы» были «дни культуры» или «поезда дружбы», где все было навязано и заранее запланировано в идеологическом ключе.

Сеть обществ польско-советской дружбы по обе стороны государственной границы, пересекающую которую можно было только с паспортом и соответствующим приглашением, тоже находилась в ведении коммунистической партии и служила т.н. «интернационалистическому воспитанию».

— Была и идеология взаимной ответственности за судьбу социалистических соседей...

— Конечно, ведь существовала «доктрина Брежнев», согласно которой судьба социализма в каждой из социалистических стран была делом всех остальных стран восточного блока. Действовавшая доктрина предписывала вмешательство во внутренние дела формально суверенных государств. Хорошей иллюстрацией этого было вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию и подавление Пражской весны.

— И все-таки это не всем нравилось?

— Протесты польских рабочих, а впоследствии появление в Польше «Солидарности» привели к ее изоляции в контактах с СССР. Для внутреннего пользования, в том числе и на Украине, было издано пропагандистское «объяснение» событий в соседней Польше. События эти должны были быть представлены как «покушение на социализм» и на «братский польско-советский союз». Происки польской «ползучей контрреволюции» якобы стремились оторвать Польшу от социалистического блока.

На Украине только немногочисленная интеллигенция знала, что происходит на самом деле. Лишь она восхищалась бунтом против тоталитарного режима. Известно также, что в кругах украинских диссидентов польские события 80-х гг. имели сильный отклик.

— Последние десятилетия наших взаимоотношений — это период стратегического партнерства.

— Демократические перемены в Польше, распад СССР и, наконец, появление независимой Украины создали исключительную ситуацию для развития наших взаимоотношений. Ведь впервые за несколько веков они смогли принять форму межгосударственных отношений.

Тот факт, что Польша первой в мире признала независимую Украину, был воспринят на Днепре с большим удовлетворением. После принятия в декабре 1991 г. декларации независимости Украины польский Сейм выразил уверенность в том, что тем самым открывается «новая эпоха в истории польско-украинских взаимоотношений. Появление же независимого украинского государства является важным событием не только для самой Украины, но и для Европы и всего мира».

Почти в то же самое время Збигнев Бжезинский назвал украинскую независимость одним из важнейших событий на нашем континенте в завершающемся веке. Бжезинский сказал также, что «закрепление независимости Украины имеет для Польши такое же значение, как вступление в НАТО, и полностью устраняет угрозу с востока».

— Наши государства быстро наладили контакты и сотрудничество на равноправных основах...

— Польско-украинские отношения с самого начала опираются на солидную правовую базу. Выражением этого было, в частности, подписание декларации о принципах и основных направлениях развития польско-украинских отношений в 1990 г., соглашения о торговле и сотрудничестве в 1991-м и, наконец, договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве в 1992 году.

В преамбуле этого договора четко говорится о нерушимости межгосударственной границы и об отказе от территориальных притязаний; о строительстве взаимоотношений в духе дружбы, сотрудничества и вза-

имного уважения в соответствии с международным правом; о двусторонних обязательствах развития торгового, транспортного и экологического сотрудничества, а также о предоставлении польскому меньшинству на Украине и украинскому в Польше права на сохранение, выражение и развитие своих национальных традиций при условии лояльности по отношению к стране проживания.

— Подписанные декларации и договоры создали основу для новых, дружественных отношений между нашими народами...

— С 1993 г. польско-украинские отношения были ориентированы на решение конкретных проблем, затруднявших хозяйственное, культурное и военное сотрудничество. Все эти цели достигались благодаря визитам высокопоставленных государственных чиновников и заключаемым детальным соглашениям, в т.ч. об избежании двойного налогообложения, о пограничных переходах, межрегиональном сотрудничестве, охране могил и мест памяти жертв войн и репрессий.

Своеобразным итогом всех этих соглашений несомненно стало подписание в 1997 г. президентами Александром Квасневским и Леонидом Кучмой двусторонней польско-украинской декларации о примирении. В ней декларировалась воля государственных властей двух государств к преодолению наследия долгих лет конфликтов, соперничества, взаимных обид и войн.

Тем не менее польско-украинское сближение все еще не опирается на сильный экономический фундамент. Прошлогодний товарооборот между нашими государствами составил лишь 730,4 млн. долларов.

— Хорошие польско-украинские отношения влияют и на ситуацию в Центральной и Восточной Европе...

— Через наши страны проходят стратегические пути восток—запад и север—юг. Кроме того, Польша и Украина обладают значительными в европейском масштабе территориально-демографическими ресурсами. Если они будут сотрудничать, другие страны нашего континента должны будут относиться к ним всерьез.

Польша поддерживала Украину в ее стремлении вступить в Совет Европы и активно содействовала ее включению в состав Центральноевропейской инициативы. Кроме того, она была инициатором открытия для Украины «Веймарского треугольника». Украина, в свою очередь, с пониманием и без возражений приняла вступление Польши в НАТО.

Огромное значение для наших отношений имеют также вопросы безопасности и военного сотрудничества. Консультативный комитет президентов Польши и

Украины уделяет им много внимания. Начиная с 1990 г. мы наблюдаем разнообразное военное сотрудничество на уровне военных округов, родов войск, военных вузов и различных военных учений.

Особую признательность следует выразить насчитывающему более тысячи солдат польско-украинскому батальону механизированной пехоты за миротворческую миссию, которую он нес на Балканах по поручению ООН.

В настоящее время прочность стратегического партнерства Польши и Украины подвергают испытанию разные темпы процессов преобразований. Польская экономика и общественно-политические институты развиваются гораздо быстрее и эффективнее, чем на Украине, где, к сожалению, долгие годы продолжается экономический кризис. Ошибки, допущенные при проведении реформ, которые по-настоящему даже и не начались, отрицательно сказываются на внутривнутриполитическом положении украинского государства и его взаимоотношениях с западным соседом. Недавний внутренний кризис, который Украина пережила в связи со скандалом вокруг смерти журналиста Георгия Гонгадзе и подслушки, установленной майором Мельниченко в кабинете президента Кучмы, а также отставка премьера Виктора Ющенко серьезно пошатнули ситуацию в государстве и подорвали его авторитет. Более того, существуют опасения, что Украина может вновь попасть в зависимость от России.

В завершение я хотел бы со всей ответственностью подчеркнуть, что дело польско-украинского примирения отвечает интересам обоих наших государств и народов. Этот исторический шанс не должен быть упущен.

Знаменателен тот факт, что в апреле этого года как украинская оппозиция, так и президент Леонид Кучма приехали в Польшу, к своему стратегическому партнеру, в поисках поддержки и третейского суда польских политиков.

Важно также то, что польская сторона отнеслась к ним с большим пониманием. Польские политики дали официальным украинским властям, пожалуй, единственно верный совет — искать консенсус с оппозицией за «круглым столом», а не в уличных столкновениях.

— Будем надеяться, что именно так все и будет.

Беседу вел Лешек Воитрубский

Ханна Геремек

ФАДДЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ И ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ

Материалы к биографии

То увлечение театром, которое проявлял Фаддей Францевич (Тадеуш) Зелинский, было, как известно, широко распространенным в предреволюционной России, а театральные идеи были в числе высочайших проявлений духовной жизни не только артистов, но всей интеллигенции этого периода.

Исследователи очень часто сопоставляют теории Зелинского с теориями Вячеслава Иванова. В принципе это вполне обоснованно. О близости взглядов обоих мыслителей,

вытекающей из их интереса к античному театру, свидетельствует схожее понимание функции театра как очистительного праздника, присущее обоим убеждение, что структура драмы, ее отдельные элементы, хотя и преобразованные (как, например, хор), всегда подчиняются одной и той же идее театра, архетипом которой является греческая «триединая хорей». Связывать взгляды Зелинского с теориями Иванова естественно и ввиду близкого знакомства, которое связывало их до революции и продолжалось в эмиграции. Однако воспринимать роль Зелинского исключительно через Вяч. Иванова или только в связи с ним означает искажать пропорции, преуменьшая значение этого гиганта в интеллектуальной жизни России.

Уважение и признание, которыми пользовался Зелинский в художественной среде и среди исследователей культуры и эстетических теорий, — один из путей его влияния на театральную жизнь.

В предреволюционной России самые оживленные дискуссии о театре проходили вне официальных рамок. Большая роль в формировании театральных идей принадлежит салонам. Особенно знамениты были «среды» у Вяч. Иванова «на башне», где не только спорили о театре, но и довольно эксцентрически разыгрывали иногда представления. Бывал там и Зелинский. Но не только там. Известно, что он был частым гостем на «вторниках» у своих ближайших друзей: получившего мировую славу историка Михаила Ивановича Ростовцева и его жены. Приглашал Зелинского и театровед барон Н. Дризен на свои «среды». Зелинский поддерживал сердечные отношения с театроведом Ф. Батюшковым, встречался с известным знатоком театра того времени бароном А. Горнфельдом и наверняка со многими другими. Но театральные дискуссии в салонах были лишь одним из многих аспектов познания, формирования и распространения театральных идей. Многообразие и разнородность высказывавших-

Фаддей Францевич (Тадеуш) Зелинский (1859-1944), выдающийся филолог-классик, религиозовед. Родился под Киевом. Детство и юность провел в Петербурге. Учился в Лейпциге, Мюнхене и Вене. С 1884 г. преподавал в Петербургском университете. В 1920 г. приехал в Польшу и до 1939-го работал в Варшавском университете. Во время немецкой оккупации переехал к жившему в Баварии сыну, где и умер.

Его лекции и книги оказали огромное влияние на интеллектуальную жизнь дореволюционной России, а затем и Польши. Его знали и ценили во всей Европе — не только как знатока античных традиций, но и как человека, занимавшегося поисками нового культурного порядка XX века.

Фаддей Зелинский писал по-польски, по-русски и по-немецки. Его библиография охватывает около 300 книг и трактатов. Делом его жизни была книга «Религии античного мира», над которой он работал до самой смерти. Однако самым популярным стал цикл «Античный мир», а книга «Античный мир и мы» была переведена на несколько языков. Его труды по истолкованию античности ценятся до сих пор — например, те, что входят в книги «Из жизни идей» (на русском языке) или «Софокл и его трагическое творчество».

ся там взглядов на театр были несопоставимы с театральной практикой, отмечает превосходный знаток театра того периода С. Стахорский, приводя в качестве примера этой парадоксальной ситуации Вяч. Иванова, который, создавая театральные теории, как говорят, никогда не бывал в театре и уж во всяком случае не написал ни одной театральной рецензии.

Зелинского же увлекала театральная практика. Он был поклонником театра, открытым ко всяким, даже самым новаторским театральным формам. Приведу малоизвестный пример: в 1913 г. во время выступлений Айседоры Дункан он прочел публичную лекцию «Айседора Дункан и идея античной оркестрики», изложение которой сохранилось в виде рукописи. Рассматривая «дунканизм» как форму зрелища, которое из трех элементов, существовавших в начальной фазе театра, выдвинуло на передний план жест и звук, он сопоставляет его со зрелищами такого же типа в поздней античности и религиозном искусстве средневековья. «Дунканизм» во всех своих проявлениях — по мнению Зелинского, результат демократизации выразительных средств, присущих классическому театру.

Во время очередного пребывания Айседоры Дункан в Петербурге Зелинский читал лекцию перед ее выступлением в Мариинском театре в «Ифигении в Авлиде» Еврипида. И, как вспоминает одна из его студенток, воспользовался этим случаем, чтобы пригласить группу своих учеников в предоставленную ему ложу. Посещение театра было частью учебного процесса на его семинаре, где происходило тоже что-то вроде театрального действия: по рассказу той же студентки, читая со студентами античную драматургию, он распределял между ними роли. Иногда устраивали спектакли в костюмах. В подготовке одного из них принял участие даже В. Мейерхольд.

Вероятно, Зелинский помогал в организации любительского театра в стенах монастыря св. Екатерины, центра, где собирались петербургские поляки. В 1914–1918 гг. он был, как известно, председателем Польского общества любителей истории и литературы и преподавал на курсах, организованных этим обществом.

Театр привлекал Зелинского в силу его темперамента. Почти все авторы воспоминаний о нем обращают внимание на театральность его лекций. Те, кто относился к Зелинскому недоверчиво, говорили: «Это актер, он даже причесывается под Гомера, а готовясь к лекции, тренируется перед зеркалом. Его эмоции неестественны. Он даже каждый год во время изучения «Илиады» роняет по-актерски слезы в одних и тех же местах». Преобладали, однако, сторонники его манеры преподавания; у него был дар владения «живым словом», за возвращение которого в культурный и общественный обиход он боролся позднее, в период революции, будучи преподавателем Института живого слова, о чем ниже.

Лекции Зелинского в Петербургском университете и на Высших женских курсах и его публичные лекции были наряду с публикациями самым широким полем его воздействия. С самого начала века, когда он отказался от немецкой академичности и обратился к широкой публике — как по форме, так и по затрагиваемой проблематике, — на его лекции приходило несчетное множество слушателей. Его аудиторию посещали лица, сыгравшие видную роль в русской и мировой культуре.

Под большим впечатлением и влиянием Зелинского был в студенческие годы Блок, как это следует из его писем того периода к отцу (от 16 окт. 1901 и 29 ноября 1902) и написанной уже в 1915 г. автобиографии.

Другой ученик Зелинского, С. Лурия (Лурье), один из самых оригинальных и идейно независимых в советской России исследователей древнегреческой культуры, в том числе театра, так писал о Зелинском в 1908 году:

«Я теперь уже не жалею, что записался в его семинар, так как все, что есть самого прекрасного в Петербурге — это Зелинский. Стать когда-нибудь Зелинским — лучшее, что можно себе пожелать».

Выдающийся исследователь античной эстетики А. Ф. Лосев (автор, в частности, «Очерков античного символизма и мифологии», М., 1930, и «Истории античной эстетики», М., 1969) так вспоминал Зелинского:

«Мой идеал ученого? Думаю, что к идеалу приближался Ф. Ф. Зелинский в Петербурге, ибо, во-первых, он был в душе поэт-символист, а во-вторых — один из величайших по европейским меркам исследователей античного мира — по моему мнению, прекрасное сочетание классического филолога, поэта и критика».

Известный ныне во всем мире Михаил Бахтин в своих воспоминаниях писал о Зелинском, с которым встречался в Петербурге в 1914–1918 гг. Бахтин признаёт, что из идей Зелинского, которые выходили далеко за рамки античности, он черпал всю жизнь, и подробно определяет, чем он обязан Зелинскому:

1. Тезис Зелинского о том, что все литературные жанры существовали уже в античности, он использовал в исследовании творчества Достоевского, выводя его романы из менипповой сатиры.

2. Мнение Зелинского о том, что диалог есть проявление философской свободы, легло в основу метафизики свободы Бахтина.

3. Значение, которое Зелинский придавал фольклору как фактору, отвергающему и в то же время стимулирующему официальную культуру, вдохновляло его при исследовании творчества Рабле.

Стефан Сребрный, ученик Зелинского, духовно самый близкий к нему, позднее прекрасный специалист по античному театру, не посмел с самого начала (поступив в университет в 1907 г.) записаться на семинар Зелинского и пошел на семинар М.И.Ростовцева. Он вспоминает, с каким восторгом принимали слушатели лекции Зелинского о Софокле.

Известно, что авторитет знатока культуры и театра привлекал к Зелинскому и людей, уже получивших образование и занявших свое место в русской культуре. Например, В.Мейерхольд в 1910 г., будучи уже известным режиссером, принял участие в организованной Зелинским экспедиции в Грецию.

Этот список можно было бы продолжить. В неопубликованной автобиографии, написанной в 1924 г., вспоминая о своих связях с миром русской культуры, Зелинский наряду с названными выше Блоком и Ивановым пишет о знакомстве с Сергеем Городецким, Дмитрием Цензором (оба, как и Блок, были его учениками), а также с Иннокентием Анненским, Федором Соллогубом, Максимом Горьким, Леонидом Андреевым, Константином Бальмонтом, Валерием Брюсовым, Иваном Бунным, Михаилом Кузминым, Алексеем Ремизовым. В этот список входит и Анатолий Луначарский, с которым Зелинского познакомил Иванов. Он был активным участником литературных дискуссий «на башне». Его работа «Марксизм и христианство», опубликованная в 1908 г., — пример неортодоксального марксизма, который отличал Луначарского и в период революции 1917 г., что привлекало к его начинаниям многих либерально настроенных деятелей культуры и науки, в том числе и Зелинского.

Как и вся русская либеральная интеллигенция, Зелинский восторженно приветствовал февральскую революцию. Революция должна была разрешить все проблемы, прежде всего проблемы культуры. Культурная жизнь предреволюционной России нередко заменяла жизнь как таковую, а некоторые эстетические теории совершенно выходили за рамки социальной действительности.

С Зелинским дело обстояло по-иному. Как великий исследователь античной культуры, он был призван повышать значение традиций. Однако для него важен был не «музей», а вечно живые идеи, находящие свое воплощение в любую эпоху в контакте с действительностью, от античности до наших дней. Этот подход исключал приписываемую ему иногда роль «кабинетного» или «салонного» ученого. Но лишь революция показала, что Зелинский чрезвычайно восприимчив к социальным проблемам, особенно к проблемам социального восприятия культуры. И тут нам открывается совершенно новый облик великого филолога. Взгляды Зелинского были близки взглядам конституционных демократов — такая оценка дается в полицейской характеристике еще в 1907 году. Однако он никогда не состоял ни в какой партии. Свое отношение к партийности он высказывал неоднократно. Партийность, как и национализм, он считал препятствием на пути к достижению истины. Наиболее глубоко это обосновывается в обширной статье «Личность и партия», опубликованной в газете партии к.д. «Право» (18 дек. 1905). В ней Зелинский показывает противоречие, которое возникает между свободой личности и ограничениями, налагаемыми партией, необходимость которых для успеха политической деятельности он, впрочем, полностью признает. Сохраняя за собой право выступать от собственного имени, Зелинский в 1917-1922 гг. (с перерывами на зарубежные поездки) вел горячую публицистическую деятельность. Она касалась ключевой проблемы, которая мучила всех русских либералов: как примирить демократизацию культуры с сохранением ее высокого уровня. Напомним, что его ближайший друг, активный деятель партии к.д. великий Ростовцев, спустя многие годы вернулся к этому вопросу в своих обобщающих работах по истории Римской империи и эллинизма и дал категорический ответ: распространение культуры неизбежно ведет ее к деградации. Не знаю, разделял ли Фаддей Зелинский это мнение, приобретя уже свой собственный опыт. В период революции, хотя и видя опасности, которые она несет, ученый тем не менее сохранял оптимизм.

Защищая непреходящие ценности культуры на страницах «Русской воли» («Изящные искусства и революция» — 16 марта 1917; «Гражданка Клавдия» — 26 апр. 1917; «О памятниках и вандализме» — 16 мая 1917), он считает, что молодой российской республике следует избежать тех ошибок, которые совершила французская революция 1789 г., уничтожавшая культуру и ее представителей. Несмотря на весь свой оптимизм, Зелинский обладал удивительной чуткостью к происходящим в России событиям

и умением предвидеть их последствия. Еще до прихода большевиков к власти он выступал в защиту интеллигенции, противостоя втискиванию ее в рамки дихотомического разделения на «буржуев» и «пролетариев», со включением, естественно, в «буржуи» (см. статью «Буржуи и пролетарии» — «Русская воля», 24 июля 1917). К тому же вопросу он вернется еще раз в статье «Красная наука» — последней написанной перед окончательным отъездом из России. Статья стала ответом на идеологический террор, развязанный советской властью. Пророческим взглядом на будущее отмечена его статья «Национализм, интернационализм и супранационализм» («Наш век», 7 июля 1918), где он развенчивает пропагандировавшийся тогда «интернационализм» как понятие бессмысленное, применение которого призвано отвлекать внимание от действительно важных в рамках тогдашнего российского государства национальных проблем. Опора на национальную культуру — это естественная исходная точка, но при этом необходимо воспринимать все лучшее, что создано в культуре всех народов. Эту тенденцию он назвал «супранационализмом» — термином, который используется сегодня в планах культурного объединения Европы. Данная статья, кроме аспекта политического, сиюминутного, содержит также некоторые прочные методологические посылки, использовавшиеся Зелинским при изучении фольклора и элитарной культуры.

Здесь трудно шире и глубже проанализировать публицистику Зелинского, касающуюся революции. Главное, она позволяет понять, с каких позиций он подошел к своему участию в культурных начинаниях того времени. Известно, что вместе с А.Блоком, А.Ремизовым, Ф.Соллогубом, А.Ахматовой, Б.Эйхенбаумом, В.Ходасевичем Зелинский стал членом петроградского Дома литераторов, с тем чтобы «прорубить окно в Европу», как это потом, уже в эмиграции, оценит Ходасевич.

В центре деятельности Зелинского в то время все-таки был театр, этот самый важный инструмент культурной демократизации общества, опробованный в древних Афинах, на его духовной родине. Еще в марте 1917 г. в вышеупомянутой статье «Изящные искусства и революция» он настаивал на том, чтобы опеку над театром (то есть управление и финансирование) взяло на себя министерство народного образования. И встретил сопротивление театральных деятелей. Одни опасались автоматической бюрократизации этого института, другие видели угрозу исповедуемому ими «искусству для искусства». Зелинский понимает первых, отмежевывается от вторых, однако считает, что ввиду особой миссии искусства в эпоху революции эти сомнения носят второстепенный характер. При большевиках позиция Зелинского в этом вопросе, как известно, победила. Театр перешел в ведение Наркомпроса в рамках театрального отдела (ТЕО), который возглавил либеральный марксист А.Луначарский, окруживший себя общепризнанными авторитетами в области культуры. Следует заметить, что вокруг театра собрались в то время преимущественно непрофессионалы, среди которых Зелинский играл роль магнита, притягивая круги академической гуманитарной интеллигенции, как Блок притягивал литературные круги. Особую роль в тогдашней театральной жизни играли люди с классическим образованием.

Как человек, стоявший на первом плане культурной жизни России и вовлекшийся в демократические преобразования, Зелинский располагал в то время многими плоскостями влияния в только что созданных учреждениях и организациях. Он преподавал в Институте живого слова, созданном при наркомате Луначарского, но работавшем в духе идей Зелинского. Об этом можно судить на основе текста лекции Зелинского «Значение ораторского искусства». Этот текст до сих пор не был опубликован, поэтому позволю себе представить здесь его основные тезисы.

Зелинский говорит в своей лекции о бережном отношении к живому слову — одновременно носителю мысли и чувства. Периодом господства живого слова, неотъемлемого элемента гражданской жизни, была античность, которая оставила богатейшую литературную культуру. Бюрократические методы, развивавшиеся в дальнейшем ходе истории, привели к господству письма над живым словом и вследствие этого — к редукции эмоционального фактора в словесном выражении, под влиянием чего художественная литература теряет непосредственность и становится все более бесцветной. Возвращение живому слову его существенной роли со всеми благоприятствующими последствиями этого для культуры становится возможным в современной России благодаря демократизации жизни общества и развитию парламентаризма. Роль театра как фактора, поддерживающего культуру живого слова, очевидным образом первостепенна.

На лекциях в Институте живого слова Зелинский занимался фольклором, как вспоминала вышеупомянутая его студентка. Рассказ Бахтина позволяет определить главное направление этих лекций. Народную культуру Зелинский рассматривал как течение, которое революционизирует официальную

культуру, высокую культуру. Представление фольклора в таком аспекте наверняка было ответом на требования времени, но не на лозунговом уровне, а на уровне глубокой и цельной концепции, касавшейся теории культуры.

Большую роль в пропагандировании театра в 1918-1919 гг. Ф.Ф.Зелинский сыграл своим участием в образовательных сериях, издававшихся театральным отделом Наркомпроса.

В серии «Драматические писатели», где выходили краткие популярные биографические очерки, Зелинскому принадлежат: вып.1 — Эсхил (Ajschylos). Пг, 1918. 16 с.; вып.5 — Софокл (Sofokles). Пг, 1919. 17 с.; вып.7 — Еврипид (Eurypides). Пг, 1919. 16 с..

В серии «Иностранный театр», посвященной всемирной драматургии и предназначенной для хорошо подготовленного читателя, участие Зелинского не меньше:

№1 — В.Шекспир. Король Лир. Пг, 1918. Пер. З.Дружинина (с участием Зелинского, которому посвящена эта переводческая работа), предисл. Ф.Зелинского.

№2 — Герман Гейерманс. Гибель надежды. Пг, 1918. Пер. П.Теплова, предисл. Ф.Зелинского.

№10 — Плавт. Близнецы. Пг, 1919. Пер. С.Радлова, предисл. Ф.Зелинского.

Публикации эти, по понятным причинам оставшиеся недоступными составителю библиографии Ф.Ф.Зелинского Г.Пянко, показывают, как значительна была в то время его роль в пропагандировании театра. В популярных биографиях Эсхила, Софокла и Еврипида он знакомит самый широкий круг читателей с результатами своих исследований, которые были предметом его прежних научных публикаций, а в предисловии к «Королю Лиру» или «Близнецам» представляет эти произведения как «важные звенья» в развитии всемирного театра, подобно тому, как делал это раньше, занимаясь изучением театра.

В этих более или менее популярных публикациях немало обращений к современным ему обстоятельствам. Примером могут служить рассуждения Зелинского о тенденциозности искусства в предисловии к пьесе Гейерманса. Гейерманс, убежденный социал-демократ, в своем произведении становится на сторону несчастных голландских рыбаков, используя при этом средства, которые, по мнению Зелинского, выходят за рамки эстетических требований. К подобным высказываниям Зелинского того времени, касающимся отношений между этикой и эстетикой, нам еще придется вернуться.

Печать его личных предпочтений мы находим в его работе в репертуарной секции, еще одним начинанием, связанным с Луначарским. Для нужд секции Зелинский на рубеже 1918-1919 гг. написал 10 рецензий на предложенные к постановке пьесы. Это пьесы или инсценировки А.Доде, Ч.Диккенса, Э.Золя, Э.Бульвер-Литтона, О.Гартлебена. Зелинский очень тщательно их анализирует, принимая во внимание качество перевода (за исключением Доде, все переводы были сделаны в то время и не лучшим образом) и качество сценического воплощения в инсценировках. Заслуживает внимания и то, что в своем анализе Зелинский использует критерий пригодности для народных театров.

Зелинский сотрудничал также с независимым издательством «Всемирная литература», которым руководил М.Горький. Как мы знаем из биографии Зелинского, он подготовил русское издание своих любимых драматургов К.Иммермана (2 тома) и Ф.Грильпарцера (3 тома — полное собрание драматических сочинений). Правда, они так и не были изданы, затерявшись, как предполагал Зелинский, на редакционном столе.

Однако частично мы знаем судьбу этих рукописей благодаря рецензиям, которые писал на них А.Блок. Это очень важный факт: он показывает, как революция разделила многих прежде близких по духу людей.

Оценка Блока затрагивает вещи, разные по значению: текст перегружен чрезмерным научным аппаратом, неправильно представлена дружба Иммермана с Гейне и т.п. — с одной стороны, а с другой — видно далеко идущее неприятие философской позиции Зелинского, выходящее за рамки простой рецензии. Вот что пишет Блок:

«Философская концепция сводится к тому, что Зелинский подчиняет этике эстетику и политику. Я не чувствую себя в праве входить в философскую критику этого положения, могу сказать только одно, что Ф.Ф. следует здесь вековой гуманистической традиции того гуманнейшего века, который породил самую чудовищную войну в истории».

В заключение длинных рассуждений, заслуживающих отдельного рассмотрения, он выступает в защиту непосредственности искусства:

«А как оно может прямо и мощно действовать без узды, мы можем видеть даже в наше время, например на некоторых работах Пролеткультов или на театральных представлениях, где масса новых людей с новой жадностью, с глубоким вниманием слушают потоки речей, например того же маркиза Позы, насквозь проникнутых именно искусством, создающих порыв именно эстетический прежде всего».

Однако действительно ли конфликт идей, исповедуемых Зелинским и Блоком, был столь острым, как это представлялось поэту?

Во-первых, Зелинский не провозглашал верховенства этики над эстетикой. В упомянутом предисловии к пьесе Гейерманса, рассматривая проблему тенденциозности в искусстве, он пишет, что она допустима, ибо «поэтов следует хвалить за то, что они призывают к добру» (как пишет Аристофан в «Лягушках»), но свои нравственные соображения следует показывать так, чтобы они были убедительны с художественной точки зрения, чего нет, по его мнению, у Гейерманса. Эту мысль он развивает в предисловии к «Близнецам» Плавта, говоря: «...в воздействии на нас искусства мы склонны признать ту силу, от признания которой мы уклоняемся в жизни».

Во-вторых, Блок, как известно, чрезвычайно тяжело переживал испытания войны и революции, которые разрушили его систему ценностей. Свидетельством этому может быть другая фраза из этой же рецензии: «А реальная политика, насколько могу судить, давно уже сама такую этическую попонку сбросила; хорошо или плохо она поступила, не знаю, но по-своему она права». Разочаровавшись в традиционных ценностях, Блок ищет опоры в новых течениях философской и общественной мысли — радикализм в жизни и искусстве представляется ему возможностью спасения. Отсюда его восхваление Пролеткульта, массовых творческих начинаний и носителей этих течений. О Зелинском он пишет в «Дневнике» довольно бесцеремонно: «глупый Зелинский», а о новаторах — положительно: «Подобное (как и у него, Блока. — Х.Г.) «социальное чувство» — у Мейерхольда; по-другому, но политически в эту сторону — у Маяковского» (запись от 19 янв. 1919).

Отзывчивость Блока на события того беспокойного времени приводила к частой смене его настроений и прямо влияла на эстетические взгляды поэта. Это видно и в его отношении к Зелинскому.

В рецензии для издательства «Всемирная история», написанной в апреле 1920 г., он высказывается за публикацию работы Зелинского в тоне объективном и беспристрастном. В действительности же Зелинский здесь точно угодил по чувствам поэта. В «Дневнике», в записи от 13 июля 1919 г., без всякого комментария приводится целый фрагмент из предисловия Зелинского к «Сафо» Грильпарцера, касающийся символики белого цвета. И больше ничего. Смысл этой записи можно понять, прочитав приведенное прямо перед ней описание затянувшегося пожара в Кронштадте (11 июня 1919). Наблюдая «черное рогатое облако, поднявшееся в стороне Кронштадта», Блок констатирует:

«Никто ничего не хочет делать. Прежде миллионы из-под палки работали на тысячи. Вот вся разгадка. Но почему миллионам хотеть работать? И откуда им понимать коммунизм иначе, чем — как грабеж и картеж?»

В этом я усматриваю опять-таки сближение взглядов Блока и Зелинского.

Зелинский в это самое время уже окончательно принял решение уехать в Польшу. И хотя он еще вернулся в Россию после прочитанных в летнем семестре 1920 г. лекций в Варшавском университете, чтобы навсегда ее покинуть в апреле 1922 г., его участие в театральной жизни России слабеет и прекращается. Уже цитированная статья Зелинского «Красная наука» (1922) свидетельствует, что он весьма внимательно следил за развитием событий в области науки, культуры и политики того периода и прекрасно понимал, что нарастает атмосфера цинизма и ненависти.

Назначение Мейерхольда, давнишнего знакомого и почитателя Зелинского, на должность председателя ТЕО весной 1920 г., для театра того времени стало поворотным моментом. «Театральным левым» оно послужило сигналом к началу радикальных экспериментов в области зрелищного искусства, хотя, как отмечают некоторые исследователи, это противоречило замыслам самого Луначарского, который рассчитывал с помощью Мейерхольда, режиссера, работавшего еще до революции, сохранить в театре традиционные ценности. Весной 1920 г. Зелинский находился в Польше. Со времени его возвращения в Петербург осенью того же года уже нет никаких следов его деятельности в российских театральных учреждениях. Неофициальное влияние Зелинского на театральных деятелей, вероятно, продолжалось, но это трудно установить.

Следует, пожалуй, обратить внимание на отношения, о которых известно больше, между Зелинским и Адрианом Пиотровским, его внебрачным сыном, который играл ведущую роль в советском театре и кино. Известно, что Зелинский лично ввел Адриана в круг классической культуры. Еще подростком Адриан сопровождал отца в студенческой экспедиции в Грецию. И театром он заинтересовался, вероятно, под влиянием отца. Во всяком случае Зелинский активно участвовал в его образовании в этом направлении. В письме к влиятельному театроведу Ф. Батюшкову (20 дек. 1918), Зелинский представляет 20-летнего Адриана как свое alter ego и просит разрешить ему заниматься в театральной библиотеке. Как высоко ценил Зелинский Адриана, свидетельствует его разговор со старшим сыном Феликсом 24 августа 1919 г., накануне большого европейского путешествия, которое стало первым этапом в осуществлении возникшей тогда мысли окончательно покинуть Россию и поселиться в Польше. В этом разговоре Зелинский передал Феликсу что-то вроде завещания; распоряжения по разделу имущества между членами семьи. Адриан (Адя), которого он называет своим настоящим духовным наследником, должен был получить самое ценное — богатую библиотеку великого филолога. Зелинский же рекомендовал Адриана как переводчика Аристофана издательству «Academia», написав в своей рекомендации:

«В научном отношении вы можете положиться на Адриана полностью! У него есть все данные для того, чтобы стать первоклассным ученым (...) но он почему-то увлекается совершенно посторонними вещами».

Аристофана, заметим, Адриан переводил, чтобы снабдить цитатами работу Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости» («Огни», 1920), и подписывал инициалами А.П.

Стоит, может быть, обратить внимание на некое недовольство, которое проявилось у Зелинского в словах об увлечении Адриана «посторонними вещами». Это почти наверное относится к деятельности Пиотровского по организации массовых зрелищ в 1919-1920 гг., причем весьма радикальных (в том числе в Театре Красной армии).

Это не могло не вызывать возражений отца, который, правда, на рубеже 1919 и 1920 гг. находился за границей и не очень хорошо ориентировался в том, что происходит с его семьей. В письме С. Сребрному он писал: «...уже шесть месяцев, как мы не имеем никаких вестей о детях и вообще о тех, кого мы оставили в Петербурге. И я не столько беспокоюсь о дочерях, сколько о Феликсе и Адриане, которых могли забрать в армию» (Помпеи, 22 февр. 1920). Феликс, как известно, избежал службы в армии, уехав из России, чтобы в конце концов поселиться в Шёндорфе (Бавария), Адриан же, наоборот, с энтузиазмом сотрудничал с Красной армией, притом на театральном поприще.

Однако до конца неизвестно, сознавал ли Адриан, принимая сторону театральных «левых», что это духовный разрыв с отцом. Еще в 1920 г. он видел в Эсхиле отца революционного театра, а в хоре — возможность публицистического воздействия театра. И только много лет спустя, в своем выступлении в 15-ю годовщину революции, он отмежевался от своих взглядов 20-х годов.

В своих работах об античном театре («Театр Аристофана», 1927, и «Наука о театре древних», 1931) Пиотровский старательно и не без гордости ссылается на труды отца.

Мы не знаем, поддерживал ли Зелинский какие-либо контакты с Пиотровским после отъезда из России. В 20-30-е годы он переписывался с дочерью Амай и ее мужем, известным специалистом по Византии Владимиром Бенешевичем. С частью этой переписки можно ознакомиться в архивах. В одном из писем Зелинский спрашивает об Адриане. Трагична судьба этой семьи: расстрел Адриана Пиотровского, Бенешевича и двух его двадцатилетних сыновей (внуков Зелинского) в 1938 г. — таков биологический конец дела. Открывшиеся в последние годы архивы КГБ, может быть, позволят более точно проследить контакты Зелинского с его семьей и его русскими друзьями в советский период¹.

Надежды на раскрытие истинной роли Зелинского в театральной и духовной жизни России следует связывать с дальнейшим изучением подводных течений русской культуры и преемственности идей, авторство которых часто замалчивали из страха или по незнанию. Эти надежды подкрепляет тот факт, что память о Зелинском в Петербурге все еще жива и что об этой необыкновенной личности существует бесчисленное множество устных сообщений о многих вопросах и фактах, слабо отраженных в письменных источниках.

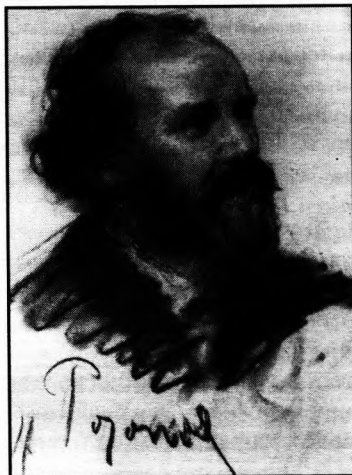
Из книги «Сев Диониса» под редакцией Ежи Аксера и Збигнева Осинского. Варшава, 1997.

¹ В русском Интернете через поисковую систему можно найти статью о Ф.Ф. Зелинском и судьбе его последней семьи (жена и две дочери), тоже оставшейся в России. — *Ред.*

Фаддей Зелинский

КРАСНАЯ НАУКА

Фаддей Зелинский.
Рисунок Н.Розанова, 1907

Публикуемая статья Ф.Ф.Зелинского интересна не только своим содержанием: с ней связана необычайная история, которая вписывается в борьбу за свободу и свободную мысль, борьбу, продолжающуюся в России по сей день.

Полный, без купюр текст хранится в ИРЛИ (Пушкинском доме), в архиве Даламта Лутохина (ф. 592, оп. 312), в виде корректуры статьи, подготовленной к публикации 7 июня 1922 года. В этот день статья была напечатана в двухтомном альманахе «Утренники» (кн. 2, с. 190-194) под редакцией Лутохина, где опубликованы еще два текста Зелинского. Хотя статья была сокращена за счет последних, самых резких разделов (VIII, IX, X, XI, XII), о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве корректура, — она воистину вызвала бурю.

Не забудем, что статья Зелинского вышла всего через три месяца после знаменитой статьи Ленина «О значении воинствующего материализма» и декрета от 2 февраля 1922 г., в том же духе ограничившего свободу высшей школы.

Власти отреагировали немедленно — издание было закрыто, а дело о ее публикации стало одной из причин высылки из России в 1922-1923 гг. около 160 видных представителей интеллигенции.

Редактор Д.Лутохин, активный деятель партии эсеров, описал все перипетии, связанные с этим делом, в статье «Советская цензура», опубликованной в эмигрантском издании «Архив русской революции» (т. XII, Берлин, 1929). В развернутом примечании (№12) была приведена неопубликованная часть текста Зелинского. Благодаря этому высказанное ученым мнение стало известно — хотя и немногим — в среде русской эмиграции.

Читатели в России смогли познакомиться с изъятými фрагментами лишь в 1996 году. Вышеупомянутая статья Лутохина, включающая последнюю часть статьи Зелинского, была опубликована в издании в Москве аннотированном указателе «Журналы: «Вестник литературы» (1919-1922), «Летопись Дома литераторов» (1921-1922), «Литературные записки» (1922)».

Важно подчеркнуть, что этот текст Зелинского, появившийся в ответ на особо грубое посягательство на свободу мысли, написан в контексте его борьбы за автономию науки и высшей школы, которую ученый вел всю жизнь. Напомним о серии статей, напечатанных в России в 1906 г., среди которых особого внимания заслуживает статья «Университетский вопрос в 1906 г.», опубликованная в «Журнале народного просвещения» (Новая серия, ч. IV, авг. 1906, с. 111-159), — эта статья известна исследователям проблем образования во всем мире. Став профессором Варшавского университета, Зелинский вернулся к этой теме в статье «Борьба за автономию высшей школы», появившейся в сборнике «В защиту свободы академических вузов» (Краков, 1923, с. 157-166).

В связи с этой публикацией отметим любопытный факт: Зелинский вовсе не был решительным противником марксизма. Об этом свидетельствуют его контакты с неортодоксальными представителями этого направления, такими, как Петр Струве или Анатолий Луначарский, а также его высказывание о марксизме: «...теория эта, если ее применять с научной относительностью и со знанием дела, раскрывает много важных аспектов, особенно в области материальной и социально-экономической культуры, но в своем стремлении к универсальности она потерпела неизбежное поражение в области культуры духовной» (История античной культуры, Варшава, 1922, с. 3).

Ханна Геремек

I

На недавно отпразднованной годовщине Петербургского университета были надлежаще отмечены в произнесенных по ее поводу речах главные события университетской жизни за истекший год; одно, все же, осталось не отмеченным, а именно сделанное в течение истекшей весны, не помню, какого дня и месяца, открытие красной науки и даже «красной истины». А отметить его следовало, тем более, что оно было сделано лицом, по его собственному запротоколированному заявлению, имеющим честь принадлежать к преподавательскому составу означенного многострадального университета.

Постараемся же заполнить этот недопустимый пробел.

...Слышу возражения: «К чему? Вы, конечно, милостивый государь, в качестве представителя старой профессуры будете нам доказывать, что никакой красной науки и, тем более, красной истины быть не может, что истина есть едина, что наука должна стремиться к открытию истины и, поэтому, разделять ее неокрашенность и т.д. И это будет почтено, но в то же время очень старо и, простите, очень скучно. Не лучше ли оставить означенному ученому его лавры, заключая его в надлежащие кавычки?»

Оппонент прав; и в настроении, подсказавшем ему его выражение, заключается главная причина успеха и некоторой, хотя и эфемерной, живучести известных парадоксов. В самом деле, представьте себе, что вам предлагают тетрадку вычислений со словами: «здесь подробно и неопровержимо доказано, что дважды два — четыре»; вы скажете: свято верю, но от чтения увольте. Но пусть вам предложат такую же тетрадку с вычислениями, доказывающими, что дважды два — пять (в алгебре таковые имеются); вы способны сказать: а, это интересно, позвольте посмотреть!

Интересно, не более; на то это математика, наука архиточная. Но в других областях, не так строго исключающих эмоциональный элемент, интерес невольно ведет к расположению, а расположение к признанию. И это, повторяю, бывает причиной успеха — правда недолговечного — самых несостоятельных парадоксов.

II

Красиво и метко сказал где-то Ничше: если ты видишь, что побеждает истина, всегда спрашивай себя, какая сильная ложь за нее сражалась. Думаю, однако, к чести человечества, что это не совсем так; и, рискуя испортить силу афоризма, я предпочел бы придать ему следующую форму: если ты видишь, что побеждает ложь — всегда спрашивай себя, какая доля истины в ней заключалась.

Правда, подходя с этой точки зрения к открытию нашего кавычконосца, я вынужден с самого начала пожертвовать его «красной истиной». Действительно, хотя логика и не пользуется у нас фавором, но ее законы тем не менее неупразднимы. Или истина есть, или ее нет. Если она есть, то она в каждом данном случае одна, ибо, если А есть В, то оно не может быть не-В. Если же вообще никакой истины нет, то и красной истины быть не может. Здесь дело так просто и так ясно, что никакие шоры и кавычки его затемнить не могут; и я думаю, что вышеназванный, с позволения сказать, коллега тут просто ради красивого — во всех отношениях — словца немного, что говорится, хватил.

Но с красной наукой дело обстоит немного сложнее.

III

Наука не тождественна с истиной: она — отражение истины в человеческом уме. И, поэтому, человеческое составляет неустрашимую примесь к ее абсолютному ядру.

Человеческое — как это понимать? Двояко.

Во-первых, в смысле общего для всех людей. Мы воспринимаем и мыслим в условиях времени, места, причинности; мы различаем семь цветов радуги и не видим тех, что по ту сторону фиолетового и красного — и так далее. Так как эти условия одинаковы для всех людей, то мы их выносим за скобки и признаем уравнение «дважды два — четыре» абсолютной истиной. И вот почему в «точных» науках никакой окрашенности быть не может. Но то наше определение допускает и иное толкование.

А именно, мы можем понимать «человеческое» и в смысле общего лишь для известных групп людей, объединенных своими групповыми интересами. Такой группой может быть нация или класс; в первом случае мы получаем науку русскую, немецкую и т.д.; во втором...

Ну, вот мы, значит и договорились: во втором случае мы получим науку классовую — значит либо буржуазную, либо пролетарскую, она же и красная. Что и требовалось доказать.

Не будем, однако, торопиться.

Ведь то человеческое, которым обуславливается окрашенность науки, не заполняет ее всю: она остается отражением истины в человеческом уме. Поскольку она истина, она никакой окраске не подлежит, окраска начинается там, где ее истинность теряется и начинается гадательность. А между тем научность науки прямо пропорциональна ее истинности и обратно пропорциональна ее гадательности; отсюда следует, что наука будет тем более красной (белой, черной) чем менее она будет научной, и наоборот.

Результат этот не таков, чтобы особенно обрадовать единомышленников означенного в начале этой статьи Колумба: золото в их руках как будто превращается в уголья. Возьмем для наглядности пример.

IV

В связи с чаемой «мировой революцией», благодаря классическим реминисценциям великокультурной Германии, прогремело имя Спартака; оно нашло себе отклики у нас и произносится многими с благоговением, хотя вряд ли многие знают, кого оно собственно обозначает (я знавал и таких, которые производили его от древней Спарты, и это были даже не худшие).

Принадлежит оно исторической науке; какова же в означенном им кругу доля истинности и гадательности!

В 73 г. до Р.Хр. в Италии вспыхнуло восстание рабов. Горсть гладиаторов под начальством фракийца Спартака бежала из Кануанской казармы и заняла неприступную позицию на горе Везувий. К ней стали сбегаться рабы из окрестных поместий. Разбив высланное против него ополчение, Спартак повел свою вольницу в Луканские горы, где она мало-по-малу доросла до размеров настоящей армии в 40 000 человек. После ряда других успехов он хотел пробиться на север, в Германию и Фракию, но раздоры в его собственном войске заставили его ограничиться разгромом итальянских городов и поместий. Наконец, Рим выслал против него талантливого полководца Марка Красса; в Апулии произошло решающее сражение, в котором Спартак пал, и его войско было истреблено.

Таков элемент истины; он будет общим всем изложениям римской истории, в какой бы окраске она не была представлена. А теперь присмотримся к самой окраске.

V

Сначала к черной — т.е. крепостнической. Автор видит в рабстве вполне законное, желательное явление, а, стало быть, в восстании рабов — нарушение этого хорошего правопорядка, которое следовало как можно скорее и решительнее подавить. Он с сожалением отметил первые неуспехи защитников законной власти, с возмущением — бесчинства невольнических банд в беззащитной Италии, с удовлетворением — победу Красса, возвращение беглецов их господам и те тысячи крестов, которые были воздвигнуты для мятежников вдоль итальянских дорог.

Затем, к белой — т.е. «буржуазной» (не могу не оставить этого глупого слова без кавычек). Автор осуждает рабство, особенно в его суровой, плантационной форме, вытеснившей свободный земледельческий труд и разорившей Италию; он приветствует либеральные реформы римского права, Сцевола и их последователей, направленные на постепенное улучшение положения рабов и имеющие своим завершением в отдаленном будущем упразднение рабства. Но в восстании он усматривает лекарство хуже самой болезни и, относясь симпатично к самому Спартаку, строго отзываясь о грабежах его банд и признает победу Красса грустной, но все же предпочтительной развязкой всего дела.

Затем, к красной, т.е. «пролетарской». В осуждении рабства автор сходится с белым, но в отличие от него высмеивает «постепеновцев» из лагеря Сцевола, видит единственное спасение именно в восстании. Разгромы городов и поместий он одобряет, как проявление красного террора, и жалеет, что Спартаку не удалось, взяв Рим, установить в Италии диктатуру пролетариата, которая повела бы к национализации земли и промышленности и к превращению огромного *Imperium Romanum* в римскую социалистическую федеративную республику.

Наконец, опять таки к черной, но уже анархической. Автор в главном согласен с красным, но сочувствует не столько Спартаку, сколько его мятежным бандам, от которых он ожидает разрушения всего политического и экономического строя и установления полного безвластия.

VI

А теперь поставим вопрос: чем обуславливаются разногласия в намеченных четырех изложениях?

Во-первых, ответом на вопрос: что было бы, если бы победил Спартак? Была бы диктатура пролетариата, отвечает первый черный и красный — неправда, была бы анархия, отвечает белый и второй черный. Мы находимся в области гаданий.

Во-вторых, ответом на вопрос: хорошо или дурно? — Диктатура пролетариата? Это ужас! — говорит первый черный — и, поэтому, долой Спартака! — Напротив, возражает красный, это самый желательный исход, да здравствует Спартак! — Анархия? — говорит белый — это разрушение республиканского и всякого государственного строя! — Туда ему и дорога, смеется второй черный, да здравствует, если не Спартак, то его прекрасно настраенные анархические банды! — Мы находимся в области оценки.

Итак, фантазия и эмоция — вот где почва для красной и вообще окрашенной науки.

Позвольте — заметят нам, — оценка, все же, но исключительной нет. Правда, в ней история себе не доверяет: она призывает к себе в помощницы социологию и политическую экономию. С их помощью можно решить без всякого эффекта, составляет ли диктатура пролетариата и безвластие желательное или нежелательное явление.

Желательное, спрошу я, для кого и для чего? Ведь тут неизбежно возникает вопрос о цели — и, значит, об оценке цели. Этой целью оказалось бы, скажем понижение уровня культуры и подчинение умственного труда физическому; для людей физического труда это, пожалуй, соблазнительно (они ведь не понимают, что это подчинение их быстро доведет до разбитого корыта), но для людей умственного труда — вряд ли. Здесь оценка стоит против оценки; как их примирить?

Дело не в том, отвечают нам. Теория нам не интересна, красная наука есть, а так как власть принадлежит нам, то мы требуем, чтобы она и только она проходила в управляемой нами школе.

Это, действительно, новая постановка вопроса.

VII

Вопрос гласит так: должна ли в красном государстве проходить исключительно красная наука? Само собою разумеется, что, ставя его так, мы имеем в виду именно красные интересы; в противном случае спор был бы бесполезен, так как нельзя требовать от красной власти, чтобы она действовала в интересах своих противников.

И тут положительный ответ сам собою напрашивается — до того он кажется соблазнительно самопонятным. А все-таки и здесь торопиться не следует.

Действительно, я просил бы защитников положительного ответа призадуматься над следующими двумя встречными вопросами, из которых второй, насколько мне известно, никогда даже не ставился.

Первый встречный вопрос: как думаете вы осуществить эту исключительность прохождения красной науки?

Второй встречный вопрос: что для вас дороже, чтобы молодежь слушала исключительно красную науку, или чтобы она проникалась исключительно красными убеждениями?

Поговорим обоих.

VIII

Как осуществить? Нет ничего проще. Неисправимых мы устраним от преподавания; подозрительных будем держать под бдительным, хотя и негласным, надзором с помощью образованных нами ячеек; а взамен устранимых введем новых преподавателей, которые будут читать в желательном нами духе.

Старые меры, много раз практиковавшиеся и в нашем Петербургском Университете от Рунича до Кассо. Можете ли вы серьезно утверждать, что они что-либо принесли, кроме незавидной славы своим исполнителям?

Правда, первую меру можно осуществить без особого труда, к чему она поведет, это мы увидим в дальнейшем, но ее практической осуществимости отрицать не приходится.

Труднее обстоит дело со второй. Я и здесь не ставлю вопроса, насколько одобрительна сама по себе эта вносимая в университетские стены система цензуры, шпионства и доносов — о нравственности и вообще во всей этой статье не говорю, о целесообразности скажу потом, здесь же идет речь только об осуществимости. Я не представляю себе, как вообще можно контролировать профессорские лекции. Конечно, профессор, зная, что за ним следят, будет воздерживаться от слишком ярких суждений; но разве они нужны? Во первых, у нас имеется выработанный столетней практикой, совершенно неуловимый и неуязвимый язык; во-вторых, я даже без всякого суждения одним подбором и группировкой фактов могу произвести желательные для меня впечатления; в третьих, даже если бы вы могли контролировать то, что я говорю — того, о чем я молчу, вы контролировать не можете. А это подчас бывает важнее.

Что же касается третьей меры, то о ней даже трудно говорить без улыбки. Введем подходящих людей? Легко сказать: откуда вы их возьмете? Ведь в том то и горе, что в серьезной науке таковых нет. Вот вы и введете кого считаете возможным; но уже та первенствующая роль, которую среди них играет много раз названный изобретатель, доказывает, что блеснуть вам нечем. Да вы и сами знаете им цену; а учащаяся молодежь, думаете вы, их не раскусила?

IX

Нет, приговор истории неумолим: контроль и насильственное направление научного преподавания неосуществим. Что толку в том, что вы перед лицом всей Европы «откровенно и честно» отменили свободу науки? Конфуз вышел изрядный, а толку нет и не будет. Свобода неотъемлемое достояние науки; это доказала история уже не последнего столетия, а всего тысячелетия слишком новой истории. Античность на свободу наук не посягала — она была для этого слишком умна. А смехотворные, хотя порой и жестокие попытки новых времен уподобили ее колобку нашей народной сказки. Подобно ему, и она может сказать: я от схоластики ушла, я от инквизиции ушла, я от пуританизма ушла, я от абсолютизма ушла, я от Рунича ушла, я от Кассо ушла — от вас, товарищи имярек, и подавно уйду...

Виноват, сравнение как будто хромает: дело в том, что колобок под конец был все-таки съеден лисицей. — Но нет, все в порядке: ибо лисица, товарищи — имяреки, — не вы. Для этого вы слишком и «откровенны и честны».

X

Довольно, однако, об этом; переходим ко второму вопросу. Что важнее для вас: чтобы молодежь слушала одно красное (прошу прощения за путаницу чувственных восприятий) или чтобы она становилась красной?

Вы скажете, конечно, что тут никакой раздельности нет, что первое — естественное условие второго: именно тогда она и станет красной, когда будет слушать одно только красное. И в том, что вы этому серьезно поверите, и заключается ваша колоссальная наивность, ваше полнейшее непонимание психологии.

Ведь если даже допустить, что с кафедры раздается слово не такого дворянина на безлюдии, как много раз нами означенный Фома, а убежденное [нрзб.] человека; если допустить далее, что поглощенное умственно содержание так же механически окрашивает душу юноши, как выпитая комаром кровь его тело — долго ли такая окраска останется нелинейной? В университете вы всячески берегли его от наук нежелательных оттенков, а в жизни он встретится с ними на каждом шагу, т.е. в такое время, когда ему нельзя будет говорить своему учителю свои сомнения. Нет, зачем же, скажете вы: эти учителя должны тоже излагать на своих лекциях мнения противников — конечно, для того, чтобы их опровергать. — Позвольте полюбопытствовать: излагать хорошо или плохо? Если хорошо, то зачем же вам было устранять этих противников? Ведь они, надо полагать, гораздо лучше в состоянии изложить свои собственные мнения. Если же плохо, то что вы выиграете? Наш юноша будет беспомощен в споре с каждым, кто изложит их лучше, будь то человек или книга.

Древние философы — профессора афинских школ нарочно посылали своих учеников слушать лекции философов иных направлений — именно для того, чтобы их для себя сохранить. Это были умные люди.

Но это не все и даже не главное.

XI

Главное то, что сама теория, о которой здесь идет речь, основана на психологической ошибке. Человек проникается теми убеждениями, которые ему внушают — в самом деле? Иногда да, но иногда и нет; вы же создаете все условия для того, чтобы результат получился отрицательный.

Позволю себе тут процитировать самого себя. Лет 17 тому назад, когда упраздненный ныне строй был еще очень сильным и те же меры, как и ныне, применялись в интересах не красной, а черной науки, я в следующих словах протестовал против них (Из жизни идей — стр. 240 2-го издания — цитирую его, так как я этого экскурса уже не переиздавал):

«Ученик, особенно старших классов (а студенты, прибавлю теперь, тем более) очень ревниво относятся ко всяким воздействиям на их чувства; всегда они сознательно или инстинктивно, ставят преподавателю вопрос: «да сам-то ты по убеждению говоришь?» Почему всякие оппозиционные учения, даже самые несостоятельные, так сочувственно воспринимаются учениками? Потому, что они знают: говоря нам это, учитель рискует своей карьерой — значит он убежден. Внутренние критерии, правда, доступны лишь немногим; большинство заменяет их внешними: «правда — это то, за что человек готов пострадать».

Это было напечатано, повторяю, в 1905 году; полагаю, что случившееся двенадцатью годами спустя вполне подтвердило правильность моего предостережения. Теперь победоносная партия применяет те же меры для укрепления своей собственной позиции в голове и сердцах молодежи; и разве мы не видим, как она, чем далее, тем более теряет почву и в тех и в других? Бывшее большинство стало меньшинством, а кто присмотрелся к составу этого меньшинства и к его умственному и нравственному уровню, тот подавно будет склонен поставить на нем крест.

XII

Переубедит ли это мое рассуждение моих противников? Мы вообще народ мало переубедимый и не сдаемся даже перед очевидностью; вывернуться каким-нибудь риторическим фокусом всегда можно. А тут, пожалуй, даже этого не нужно.

Я не хотел преждевременно смущать себя и своих читателей, но теперь признаюсь: во время всего этого спора я видел на лице моих противников улыбку — не то насмешливую, не то презрительную.

Мы вовсе не так наивны, как вы воображаете. Мы прекрасно знаем, что то студенчество, о котором вы говорите — студенчество интеллигентное, сознательное, одним словом — настоящее — не за нас. Мы, поэтому, сами на нем поставили крест... или вернее, поставили бы, если бы таковой имелся в нашем распоряжении. Но зато в нашем распоряжении иная молодежь, с иной психологией, не столько образованная, сколько натасканная необходимыми специальными знаниями и, прежде всего, пропитанная ненавистью. Для нее-то, в сущности, имярек и избрал красную науку. Вы совершенно напрасно изволили волноваться: из всех ваших стрел ни одна не попала в цель.

Да, если так, то это — опять новая постановка вопроса. Ну, что ж, хорошо, что хоть до этого договорились.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Нету дня, когда мне не пришлось бы переживать своеобразное удовольствие, связанное со слушанием «Последних известий» по радио и просмотром утренней печати: афера на афере едет и аферой погоняет. При этом сам предмет афер неинтересен — я обращаю больше внимания на их характер: в основном это мелкие жульничества, вранье, мошенничество, кражи, но происходящие в кругах власти. Они складываются в картину политической жизни, знаменующуюся преобладанием партийных и частных интересов, жизни, где мышление в категориях государства и его интересов отодвигается на задний план. Участники политической игры делятся на «своих» и «чужих», а общество рассматривается как объект манипуляций. Если бы не СМИ, которые все более явно становятся основным гарантом сохранения демократического порядка, все эти аферы замалчивались бы и утаивались, а государство превратилось бы в приусадебный участок «групп, отправляющих власть», как называют это комментаторы попыток захвата политиками рынка СМИ.

Какова в этом роль интеллигенции? Ее попробовал определить проф. Ежи Едлицкий в беседе с Барбарой Н. Лопенской на страницах последнего номера (2003, №7) недавно превратившегося из ежемесячного в ежеквартальный журнала «Res Publica нова»:

«Наша потенциальная роль в политике не из того берется, что наши взгляды благородней и испытанней, чем у других, но из того, что мы профессионально обязаны уметь их толком обосновать. Кризис государства, наблюдающийся ныне в Польше, требует такого глубокого анализа, не перегруженного эмоциями момента. (...) Тем не менее я считаю, что «грамотные умники» (как нас называли в конце XVIII века) обязаны время от времени высказываться по вопросам государственной и общественной жизни. Кстати, если брать в целом, уровень польской политической и социальной публицистики я считаю совсем неплохим. (...) Есть авторы, которых всегда стоит читать, а тексты их — вырезать и складывать в папки. Деградация политической жизни возникла у нас не от недостатка речей, но от дурного состояния общественной нравственности, обусловленного сравнительно низким уровнем цивилизации и образования, а также некоторыми врожденными недостатками демократии, против которых еще не изобрели эффективного противоядия. Перемены в нравах требуют десятилетий. И что тут может публицист? Написать, что нужна Речь Посполитая №4, ибо модель №3 изжила себя? Лучше уж, может быть, сказать, что маловероятно, чтобы в таком обществе, как наше, возникла безупречная политическая партия, которая завоеует большинство голосов. Большое социальное движение на пять минут оказалось возможным. (...) Я не чувствую себя нравственно ответственным за политику, но чувствую себя нравственно ответственным за Речь Посполитую. Мне очень жаль, когда молодые люди говорят, что польское государство их не касается, или ведут себя так, будто бы его состояние их не касалось. Я воспитан в патриотическом духе, необязательно в смысле апологии польских восстаний, но заведомо в духе уважения к людям, для которых независимость была великим делом, которые за нее боролись, погибали и ради нее работали. В то же время я знаю, что эта этика ушла в песок, что угасло что-то, что было подлинным содержанием жизни целых поколений. (...) Я не выношу, когда к государству относятся, как к субъекту контракта. Когда тот или иной публицист пишет, что хотел бы узнать, на что правительство тратит деньги, он проявляет такое отношение. Правительство для него — правление компании, в которую он вложил капитал. Не выношу таких умонастроений. Нация, как говаривал Эдмунд Берк и его последователи, — это не компания по торговле перцем. (...) Представляют ли собой государство, общество, нация какое-то нравственное целое или нет? Я считаю, что с того момента, как польское государство перестанет быть хоть каким-то нравственным целым и станет лишь комитетом, управляющим локальными и потребительскими интересами граждан, наступит конец вековой этики, и у меня нет никакого желания быть свидетелем этого. (...) Уже пришли те новые, кто до сих пор ничем в жизни не должен был жертвовать ради страны, ради отечества, ради своего города. Много раз в жизни я противостоял концепциям биографического детерминизма, ибо считаю, что он не имеет такого значения, какое ему придают. Говорил и писал, что не верю в «поколения»: мое взаимопонимание с людьми никогда не зависело от их возраста (...). Мы свободны и лично ответственны за наши привязанности, за взгляды и позиции по отношению к миру. Но есть некоторые вопросы — некоторые вопросы! — где оказыва-

ется, что это не так. Такой вопрос — цена свободы. И в этом вопросе на самом деле можно понять друг друга только внутри своего поколения».

Интервью Едличкого напомнило мне дискуссию о цене свободы, начатую в июне 2003 г. статьей Ежи Сосновского «Свобода задаром?», напечатанной в «Газете выборов» (№150). Автор (1962 г.р.), уже издавший три замеченные и высоко оцененные критикой книги прозы, — представитель поколения, которое в начале преобразований довольно резко отмежевывалось от социально-политической проблематики, декларировало свою приватность и обособленность, специфически воспринимало либеральный подход. Теперь наступило время переоценок:

«По всей вероятности (...) никто кроме меня уже не помнит публицистику, которую я печатал в начале 90-х. (...) Но близкие мне тогда идеи, довольно общо называемые либеральными (...) с некоторого времени возбуждают у меня сомнения — и я достиг точки, в которой чувствую себя обязанным об этом написать. (...) Травмированные всемогуществом государства реального социализма, мы хотели государства, мировоззренчески нейтрального, защищающего только те ценности, вокруг которых сложилось всеобщее согласие. Школа должна была обучать самостоятельности мышления и терпимости к инакомыслящим. Вместо иерархической культуры мы хотели открыть свободный рынок идей и эстетических пристрастий (...) Закон должен был очерчивать как можно более широкий круг, предоставленный деятельности граждан, которые живут по-своему и дают жить другим. (...) Если государство с помощью правовых предписаний и соответствующих служб (...) вмешивается лишь при нападении на ценности, вокруг которых можно ощущать единодушное согласие; если законодательные рамки можно установить лишь вокруг ценностей, стихийно признаваемых всеми кроме очевидных бандитов, — значит, в польскую публичную жизнь скрыто возвращается принцип *liberum veto*. В результате, собственно говоря, никакие ценности, кроме жизни (тех, кто уже родился) и собственности, т.е. никакие иные ценности, кроме прагматических, не могут быть защищены. Все остальные натолкнутся на больший или меньший хор протестов. (...) Провозглашение любой выразительной системы ценностей, если это не наша либеральная система, легко признать проявлением нетерпимости, даже если провозглашающий вовсе не предлагает правовой дискриминации своих противников. В результате стирается граница между существующими в Польше действительными энтузиастами авторитарного государства, настоящими врагами свободы, и людьми, которые лишь иначе понимают ее объем и источники. (...) Молчаливая (...) посылка утверждаемой нами свободы и терпимости — признать одно из двух: либо человеческая природа стихийно хороша, либо семейные и дружеские круги будут успешно помогать тому, что в ней есть хорошего. Между тем из коммунизма мы вышли как общество, в значительной степени деморализованное; капитализм поставил перед нами искушения беспрецедентной привлекательности; а семейные узы давно уже подвержены прогрессирующей атрофии. (...) Я не стал в один прекрасный день поклонником учения о естественном праве, высеченном в совести и получившем словесное выражение на страницах Библии. Но альтернатива, т.е. банализированное понимание Ницше, дающее каждому человеку сверхчеловеческое право устанавливать ценности, вызывает трезвое замечание того же Ницше о том, что человек, отбрасывая повиновение, часто отбрасывает свою единственную добродетель. Большинству из нас указателем должны служить, хочешь не хочешь, традиции (...). Если этих традиций не передает дом (т.к. иначе он развалился бы), если им не учит школа (т.к. иначе ее обвинят в индоктринации учащихся), а поп-культура их заглушает или переиначивает — положение делается неприятным. Свобода внезапно оказывается не столько даже неудачным, сколько ничего не стоящим даром. Ибо свобода, которую мы возлюбили, — не ценность в себе, но необходимое условие проведения ценностей в жизнь. Ценности же (выжмем это из себя) остаются ценностями, если проводятся в жизнь с чувством нравственного долга, а не в результате преходящего желания. (...) Консервативный лагерь вроде бы убеждал, что цельная нравственная система позволяет избежать конфликта ценностей, а значит, может и должна отразиться в законодательстве, образовании и культуре. Ополчение либералов умело ответить на это, что, раз конфликты ценностей в жизни случаются, культура должна давать от них отдых (...), школа обязана лояльно предупреждать о таких конфликтах, а правовая система — быть как можно более гибкой; и все это для того, чтобы не увеличивать страданий граждан. (...) Борясь с окостенелостью права и нравов, подавляющих личность, мы начали пропагандировать бескостные позиции. (...) Между тем нечему радоваться: общества без традиций, без аксиологического и/или институционального костяка подвергается распаду. Страх перед людьми, которые из этих традиций и костяка могут сделать бич на всех инакомыслящих, страх перед цензурой и тоталитаризмом — страх, добавим, обоснованный, — приводит к тому, что не видишь куда более близкой опасности — нигилизма. А он подсказывает, что в общественной каше, где подонков и дураков не отличить от умных и порядочных людей, потому что все ко всем относится терпимо и каждый каждого обогащает, что в такой общественной каше живется куда удобней. На короткий срок это, по-видимому, верно. А на долгий?»

Вопрос Сосновского — это вопрос, разумеется, риторический. Отвечать на него надо, участвуя в гражданской жизни, а не выступая в ораторских соревнованиях. Статья Сосновского стала исходной точкой летней дискуссии на страницах «Газеты wyborczej», а тем временем наша социально-политическая жизнь по-прежнему порождает аферы, доказывающие, что в этой общественной каше, не только удобней живется, но и легче скрывать гнусные замыслы. Каша — это не структура, а неопределенное месиво, которое не меняет своего характера, хотя вилами его перепашешь. Чтобы создать нужную структуру, необходимо связывать порванные нити традиций, от которых зависит смысл долгожительства общества. Как делать это сегодня, в постмодернистском мире «конца истории»? Что такое традиции для тех, кто «ничем в жизни не должен был жертвовать ради страны, ради отечества, ради своего города»? На этот вопрос пытаются дать ответ на страницах «Плюс-минуса», воскресного приложения к газете «Жечпосполита» (2003, №206) Роберт Костро и Казимеж Михал Уяздовский (последний был министром культуры в правительстве Ежи Бузека). В статье «Обрести память» они пишут:

«Критическое отношение к своему прошлому сильно укоренено в польских интеллектуальных традициях (...). Современная критика не столько вырастает из заботы об улучшении национального состояния, сколько порождается модой на «герменевтику подозрений», а может быть, это в еще большей степени комплекс неполноценности польской интеллигенции, который проявляется в том, что мы постоянно созерцаем себя в зеркале чужих мнений. Этот комплекс — одна из основных черт глубокого кризиса патриотизма и занижения польских чаяний. (...) Мы хотим любой ценой быть европейцами, часто забывая, что быть европейцем — это быть французом, немцем, англичанином, испанцем. В период коммунизма, несмотря на цензуру, мы вели серьезные споры о смысле различных патриотических позиций. (...) После 1989 г. наш интерес к истории оскудел. Многим людям казалось (...) что прошлое важно лишь для угнетенных, несчастных народов и что оно больше не нужно. (...) Сегодня, однако, эта атмосфера вновь меняется. Все явственнее видны пороки Третьей Речи Посполитой, все острее мы нуждаемся в ценностях, которые могли бы помочь основательно ее реформировать или заложить фундамент Четвертой Речи Посполитой. (...) В связи со слабостью нынешних авторитетов и кризисом доверия к политическим решениям следует обратиться к более широкой перспективе, которая позволяет видеть больше и лучше, увидеть смысл там, где текущие споры его затушевывают».

Такую перспективу дает исторический взгляд, восстановление традиций, где требование свободы составляет центральный вопрос.

«Так возможно ли оживить историю? Не стала ли она для современного человека чем-то скучным и нежелательным? (...) Нам ясно, что распространение исторических знаний составляет важный элемент гражданского воспитания. Без активной деятельности в этой сфере мы будем обречены на то, чтобы только исповедоваться в несодеянных грехах, на роль объекта исторической политики других государств. Нам нужны не только пассивные знания, но и активность, «историческая политика», прежде же всего союз поверх профессиональных и социальных разделений, который поможет преодолеть опасную инерцию. В число важнейших элементов такой активной исторической политики должны войти улучшение качества исторического образования в школах, укрепление существующих — общественных и независимых — учреждений и программ, которые играют важную роль в документации и популяризации истории (...), обязательство учреждений, отвечающих за пропаганду образа Польши, поднять эту проблематику (...), наконец необходимо создать современное учреждение музейно-исследовательского характера, активно выходящее навстречу нуждам современного эстетического и эмоционального восприятия. Такое учреждение, посвященное истории Польши, могло бы называться Музеем свободы».

Признаюсь, что идея сдать свободу в музей, тем более государственный, возбуждает у меня серьезные опасения. Кстати, такой музей в Европе уже существует: в Берлине на Фридрихштрассе, 44 десятки лет работает учреждение, которое обычно зовут «Музеем Стены». Может быть, стоит напомнить о нем более широкой публике в то самое время, когда в СМИ, и не только польских, идут многочисленные споры о том, как документировать преступления и свободолобивые порывы обществ XX века... Там все это уже есть.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Как мы уже писали, в этом году главная польская литературная премия «Нике» досталась Ярославу Мареку Рымкевичу за сборник стихов «Закат солнца в Милянубеке» — «символический рассказ о саде при доме поэта». По этому случаю Рымкевич обратился к своим читателям со следующими словами: «Литература никому и ничему не служит, не должна и не может служить — ни государству, ни обществу, ни политикам, ни газетам, ни какой-либо власти. Ее не интересует, что думает о ней общество, государство, телевидение, политики или партии. Литературе ничего не нужно: ни почестей, ни денег, ни взяток, ни орденов, ни благосклонности власть имущих. Литература — не нищий. Она ничего не просит и не ждет поддержки. Ей нужны только читатели. Она существует постольку, поскольку есть они». Читатели «Газеты выборов» признали победительницей своего литературного плебисцита Дороту Масловскую и ее «Польско-русскую войну под бело-красным флагом». Юная писательница благодарила публику, краснея от волнения. В данном еще до объявления результатов интервью она, в частности, сказала: «Для меня правда — это не глыба. Это миллионы крупиц, которые надо выискивать с лупой даже в самых немыслимых бреднях... Я воспринимаю мир как язык и потому перерабатываю его именно с помощью языка. Только благодаря этому я могу писать».

• Книжные магазины сетуют на застой на рынке. Становится все яснее, что шансы на развитие есть только у сетей, имеющих собственную систему распространения и не зависящих от оптовых складов, которые, как давно известно, работают не лучшим образом. Может быть, рынок наконец заставит их провести необходимые изменения.

• XIV Всепольская книжная ярмарка прошла под знаком финансового кризиса и застоя на книжном рынке. Несмотря на это, мероприятие, которое в нынешнем году вышло за пределы своей постоянной экспозиции в варшавском Дворце культуры и науки, привлекло множество книголюбов и не меньшее число покупателей. В этом

году на ярмарке царила литература фэнтези. Свои книги выставили Анджей Сапковский, Рафал Земкевич, Яцек Дукай, Анна Бжезинская и другие польские мастера этого жанра. Почетным гостем ярмарки была Национальная библиотека, отмечающая свое 75-летие. В изданном по этому случаю альбоме представлены ценнейшие памятники польской словесности из собрания библиотеки. Многие из этих инкунабул, в т.ч. великолепный «Тынецкий сакраментарий» XI века, можно было увидеть на выставке, прошедшей во Дворце Речи Посполитой.

• В этом году Польша была почетным гостем на книжной ярмарке в Гетеборге. «Похоже, ярмарка, — пишет «Жечпосполита», — не только принесла ощутимую пользу прибывшим на нее писателям и их книгам, но и создала в Швеции долгосрочную конъюнктуру на польскую литературу». Бесспорным героем ярмарки был Рышард Капустинский. Его переизданные в карманном формате книги «Футбольная война», «Империя» и «Черное дерево» мгновенно расхвалились, а читатели слушали его, затаив дыхание. «Только он, — пишет Кшиштоф Маслонь, — может так доступно объяснить, как зарождаются войны и вооруженные конфликты, и кто за ними стоит».

• Вышла в свет новая книга Рышарда Капустинского «Автопортрет репортера». Рецензент пишет: «Это школа журналистики высшей пробы, журналистики, к которой автор подходит с ответственностью и страстью». Сейчас Капустинский заканчивает очередную книгу, озаглавленную «По следам Геродота». «Герой последней книги Капустинского, — пишет Войцех Ягельский, — Геродот, праотец журналистики. Идея описать его жизнь могла прийти в голову только Капустинскому, польскому Геродоту из Пинска (...) Журналист — это путешественник, писатель и рассказчик. И даже в каком-то смысле открыватель (...) некоей правды о мире».

• «Конец света в Бреслау» — так называется второй роман филолога-классика, преподавателя Вроцлавского университета Марека Краевского.

Это детектив, выдержанный в традиционном стиле расследования. Действие его происходит в довоенном Вроцлаве. «Мне всегда хотелось прочитать полицейский роман, действие которого происходило бы в довоенном Вроцлаве, — говорит автор. — Не найдя такой книги, я попытался самостоятельно восполнить этот пробел». Попытка оказалась на удивление удачной: книга попала в списки бестселлеров и заслужила одобрение критики, а Филип Байон заявил о намерении экранизировать ее. На главную роль он хочет пригласить замечательного австрийского актера Клауса-Марио Брандауэра.

- Книга Марека Краевского — единственная новинка в списке бестселлеров. Зато в верхнюю часть списка вернулся популярный роман Януша Л. Висневского «Одиночество в Сети», дополненный комментариями интернастов. В категории документальной литературы внимания заслуживает книга Дариуша Хентковского «Из школы: спустить ли ученика с цепи?» — драматический и искренний рассказ о польской школе, рисующий образ творческого, впечатлительно-го, но трудного поколения.

- «Мое вступление в партию было ошибкой, но я не сожалею о ней: ведь ей я обязан ценным жизненным опытом и познанием человеческой природы», — написал Казимеж Брандыс в своей книге «Неправда. Заметки о книгах и жизни», изданной уже после смерти автора. Однако в той же книге он написал и нечто другое: «Умоляю, не доискивайтесь здесь искусства или философии. Это просто истории из жизни». Эта последняя книга замечательного писателя колеблется между правдой и вымыслом, между раздумьем и анекдотом. На первый взгляд, это дневник, но на самом деле... может быть, это спектакль жизни с автором в главной роли?

- В Варшаве на 91-м году жизни скончалась писательница и переводчица Зофья Хондзынская, написавшая несколько книг, адресованных главным образом молодежи («Жизнь за жизнь», «Тебе, дылда»), и книгу воспоминаний «Не все о моей жизни». Однако своим местом в литературе она обязана прежде всего переводам южноамериканской литературы, особенно Хулио Кортасара. Благодаря ей в 70-е годы на польском рынке появилась латиноамериканская литература, мода на которую не прошла до сих пор. Хондзынская была красивой женщиной, необыкновенно яркой и ин-

тересной личностью. Влодзимеж Пазневский писал о ней: «Консулесса, как называл Зофью Хондзынскую Витольд Гомбрович, была женой чиновника МИДа. Она с большой ловкостью и обаянием вращалась в среде дипломатов. Однако причастность к великосветским салонам ничуть не мешала ей участвовать в сумасшедшей жизни варшавской богемы 30-х годов, а затем послевоенного Буэнос-Айреса в далекой Аргентине». В 1960 г. Хондзынская вернулась в Польшу.

- 2004 год объявлен годом Гомбровича, но уже сейчас творчество великого писателя переживает период популярности. Самым интересным выражением этого стала экранизация романа «Порнография», осуществленная Яном Якубом Кольским (см. статью в этом номере «Новой Польши»). Фильм вызвал огромный интерес на Фестивале польских фильмов в Гдыне и был выдвинут на премию «Оскар».

- Хотя «Порнографию» в Гдыне хвалили больше всего, жюри во главе с Марекот Котерским присудило «Золотых львов», а также премии за лучшую режиссуру, сценарий и несколько других кинофильму Дариуша Гаевского «Варшава». Похоже, что своим вердиктом жюри повредило прежде всего автору «Варшавы», так как новость о присуждении главной премии этому прекрасному фильму о повседневной жизни польской столицы была встречена свистом и громкими протестами. Фильм полон культурных ссылок и цитат, и все же, как пишет рецензент, «они не заслоняют образа настоящих варшавских будней — отнюдь не серых и не разящих обыденностью». Сам же автор сказал: «Я люблю Варшаву за невероятную жажду жизни. Здесь по улицам течет необузданная река энергии». Премию за лучшую мужскую роль получил Кшиштоф Майхшак (Фредерик в «Порнографии»), за лучшую женскую роль — Катажина Фигура («Юбю-король»), а специальную премию жюри — Анджей Якимовский за фильм «Зажмурь глаза». Марек Котерский обосновал решение жюри следующим образом: «Мы хотели показать то направление, в котором, по нашему мнению, должно развиваться польское кино. Мы наградили простой рассказ о современности и обычных людях».

- Вне сферы внимания жюри осталась картина, признанная одним из интереснейших польских фильмов последних лет, — «Журек» (журек — польский суп на мучной закваске. — *Пер.*) Ры-

шарда Брыльского по мотивам рассказа Ольги Токарчук («Правек и другие времена», «Дом дневной, дом ночной»). «Фильм, описывающий реалии современной деревни, стал универсальной притчей о человеческих мечтах, о непрочности границы между добром и злом, о твердости духа и жертвенности, а также о трагедии выше человеческих сил, с которой нужно как-то справиться», — написала Барбара Холлендер в газете «Жечпосполита».

• Поляки с большим интересом ожидали премьеры «Старой сказки» Ежи Хоффмана. Оказалось, что экранизация написанного больше ста лет назад популярнейшего романа Юзефа Игнация Крашевского во многом расходится с оригиналом и разочаровывает эстетов. Однако, как пишет Яцек Щерба, «Хоффман позаботился о том, чтобы мы соприкоснулись с нравами раннего Средневековья (...) Впрочем, он не ограничился одной этнографией. Поскольку его фильм — сказка, он втиснул в него несколько не то моралей, не то поучений (...) Если бы фильмы, подобные «Старой сказке», были главным течением в польском кино, я первый бросился бы протестовать. Однако для такого честного ремесла немного в старом стиле должно оставаться место. Этот фильм обращается к тому, что во мне осталось от маленького мальчика, — надо сказать, не без успеха».

• Только сейчас до нас дошла весть о гибели звезды польского кино 60-70-х годов Эвы Кшижевской. Кристина из «Пепла и алмаза» погибла вместе с мужем в автокатастрофе в Испании, где она в последнее время жила.

• Несомненной героиней фестиваля современной музыки «Варшавская осень» стала Софья Губайдулина, впервые исполнившая в Польше свои «Страсти по Иоанну». По мнению критика газеты «Жечпосполита», Губайдулина — «одна из самых выдающихся индивидуальностей в современной музыке. Она принадлежит к поколению творческих людей, которые, не порывая с традицией, открываются разным культурам (...) Кроме того, музыка Губайдулиной исполнена скромности, смирения и мягкого благородства. «Страсти по Иоанну» — это интересная попытка перенести православную традицию на почву западноевропейской христианской культуры». Яцек Марчинский написал об участниках «Варшавской осени» этого года следующее: «Зрелые и опытные, но еще открытые для новых идей. Полные замыслов и кое-

чего достигшие, но не замкнутые в собственном мире». В рамках фестиваля были отмечены и заслуги почтенных юбиляров — Генрика Миколая Гурецкого и Кшиштофа Пендерецкого. «И все же фестиваль не хочет, — продолжает критик, — обхаживать классиков современности. Он ориентирован на представление того, что свежо, молодо, актуально».

• 70-летие Кшиштофа Пендерецкого отмечалось прежде всего в Варшаве. Сюда прибыл пекинский оркестр «China Philharmonic», с которым Пендерецкий тесно сотрудничает. Китайцы должны были дать несколько концертов в Кракове, но после ссоры композитора с краковскими муниципальными властями в конечном итоге приехали в Варшаву, где исполнили, в частности, его IV симфонию, написанную в 200-ю годовщину французской революции. В свою очередь в Большом театре состоялась премьера оперы Пендерецкого «Юбю-король» (по драме Альфреда Жарри) в постановке и режиссуре Кшиштофа Варликовского. Как пишет критик «Газеты wyborczej», «спектакль получился захватывающий, хотя и не вполне удачный. Впечатление производит прежде всего безжалостная актуализация проблемы невежды, дорвавшегося до власти».

• В варшавском парке им. Совинского прошел концерт бывших звезд панк-рока. Многие из них до сих пор концертируют, хотя их музыка сильно изменилась. Истории этого музыкального направления в Польше посвящена книга Миколая Лизута «Punk Rock Later», в которую включены интервью с лидерами групп, некогда игравших панк-рок: «Т. Love», «Куль», «Дезертир», «Бригада Кризис», «Пижама Порно» и др. «Неслучайно, — пишет критик, — лучший период панк-рока пришелся на 70-80-е, когда у бунтующей молодежи не было иной возможности самовыражения. Сегодня бунта нет. В крайнем случае можно говорить о бесильном отчаянии «польского подростка» из-за отсутствия работы и перспектив. Но об этом молодежи поют группы хип-хоп. Анархистствующий, отрицающий все панк-рок не очень-то подходит к нашим временам». Однако у него все еще есть верные поклонники, восхищающиеся такими кумирами как Казик Сташевский или Мунек Стащик.

• Варшавский Национальный музей подготовил к открытию сезона две прекрасные выставки. «Превосходно задуманная и предназначенная для любого выставка «Мир моды XVIII века», — пи-

шет рецензентка, — может сообщить нам много интересного о поляках эпохи Станислава Августа Понятовского». Сами организаторы пишут о работе над выставкой следующее: «Форма костюма была своего рода анатомической характеристикой человека, который его носил. Скульптор создал тип фигуры, далекий от современных идеалов красоты». На второй выставке представлены работы Тадеуша Маковского из собраний Национального музея. Выставка знакомит посетителей с творчеством одного из самых выдающихся и популярных польских художников XX века. Своей славой он обязан прежде всего картинам, изображающим детей, однако варшавская экспозиция показывает тематическое и формальное разнообразие творчества Маковского, начиная с самых ранних работ и кончая такими знаменитыми шедеврами как «Детская капелла».

- В Варшаве на 84-м году жизни скончался график и рисовальщик Збигнев Ленгрен, известный прежде всего своим оригинальным комментарием к действительности — рисунками с профессором Филютеком в главной роли, на протяжении 50 лет публиковавшимися на последней странице журнала «Пшекруй».

- «Волны вскипели, обнажились грани, — говорит куратор краковского Международного триеннале графики Магдалена Чубинская. — На одном полюсе находится искусство, чаще всего представленное в Касселе или Венеции, — увлекающееся общественной и социологической проблематикой, использующее элементы поп-арта, близкое к постмодернизму. На другом — прекрасная студийная графика, эстетствующая и очень традиционная. Появляется и графика, рождающаяся из созерцания мира, упрощающая действительность и сводящая ее к синтетическому знаку». В этом году Гран-при триеннале получила канадская художница Дэйвида Кидд. Ее работы — это обработанные цифровым методом фотографии, обращающиеся к нашему подсознанию, страхам, мечтам.

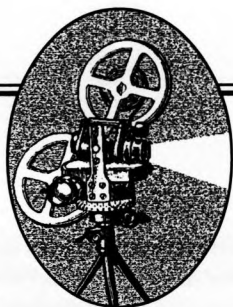
- В Кракове прошла конференция представителей государственных телеканалов. Делегаты 24 каналов дискутировали о будущем. Речь шла, в частности, об объективном и добросовестном освещении вооруженных конфликтов, о подготовке информационных программ, об изменении зрительского состава государственных телеканалов и о до-

ступе к архивам. Последний вопрос необыкновенно актуален ввиду бурных дискуссий об угрозе, которую, по мнению директора ТВП Роберта Квятковского, создают государственному телевидению частные каналы. Неужели коммерческое телевидение хочет осуществлять миссию государственного телевидения вместо ТВП?

- В этом году премию им. Яна Карского и его жены Поли Ниренской «за поддержание еврейских культурных инициатив и пропаганду терпимости» получил директор Национальной библиотеки Михал Ягелло.

- Главный редактор «Газеты wyborczej» Адам Михник награжден орденом Почетного легиона. В связи с этим посол Франции в Польше Патрик Готра сказал: «Ваши книги и статьи, опубликованные во Франции, поколебали уверенность части французских демократов в несокрушимости тоталитарной системы». В ответном слове Михник подчеркнул: «Это великий день в моей жизни. Почетному легиону уже 201 год. Его установил Наполеон, говоривший, что сначала надо действовать, а там будет видно. Наверное, я получил орден Почетного легиона за то, что был верен словам Наполеона».

- В этом году в рамках акции «Останьтесь с нами» жюри, созданное редакцией журнала «Политика» (благодаря поддержке многочисленных спонсоров), присудило молодым ученым 25 стипендий и 15 новейших компьютеров. Инициаторы проведенной уже в третий раз акции стремятся удерживать в Польше выдающиеся умы и создать им такие условия, чтобы они могли жить и работать, не мечтая о зарубежном жалованье и не поддаваясь на уговоры «ловцов мозгов». Эва Новаковская пишет об этом на страницах «Политики»: «Мы не пытаемся заменить государство в финансировании науки. Скорее мы указываем на недостатки в его научной стратегии. Нам известно, что отвечающие за нее люди следят за нашим конкурсом, и, по слухам, он наводит их на определенные размышления. Кроме того, мы пытаемся несколько отвлечь внимание общественного мнения от героев, заполонивших современные СМИ, единственное достоинство которых — самоуверенность и длинные ноги или мускулатура. Мы хотим привлечь внимание на людей, действительно достойных восхищения и хотя бы крупницы славы».

Янина Куманецкая

НЕРЕАЛЬНЫЙ МИР ЯНА ЯКУБА КОЛЬСКОГО

Вышедший на экраны фильм Яна Якуба Кольского, — уже не первая попытка экранизировать «Порнографию». Однако его предшественникам не удалось найти ключ к роману Гомбровича. Неудивительно — ведь в «Порнографии», если очень захотеть, можно вычитать страшные вещи: начиная с уверенности в слабости и ничтожестве человека и кончая апофеозом тоталитаризма. Быть может, для Гомбровича этот эксперимент на живом теле некоего сообщества был преодолением схем, очередным вариантом разоблачения «рожи», т.е., грубо говоря, общепринятых канонов поведения. Возможно, это была своего рода игра. Но перспективы, открываемые этой игрой в дьявола и Господа Бога, просто ужасают. Справиться с этим было не под силу многим кинематографистам.

Почему же это удалось Кольскому? Сам режиссер, рассказывая о работе над сценарием на пресс-конференции перед первым просмотром фильма на Международном кинофестивале в Венеции, сказал, что Гомбровича можно экранизировать только дерзновенно. Писатель вращается в кругу сигналов, символов, схем, препарированных моделей поведения. Кинематографист должен иметь конкретную жизненную материю — прежде всего в том, что касается образа героя. Кольский так и сделал. Он дополнил игру Гомбровича в дьявола и Господа Бога одним элементом — страданием. Став причиной действий главного героя фильма, страдание не лишило его сатанинских черт, приданных ему писателем, но вписало героя в контекст человеческих поступков, в доступное и понятное измерение.

Действие фильма предельно просто. В оккупированной Польше двое приятелей, Витольд и Фредерик, приезжают в соседнее деревенское имение, принадлежащее старому знакомому Витольда. Там Фредерик показывает свое дьявольское обличье и начинает манипулировать судьбами товарищей, как бы приписывая себе роль режиссера человеческих поступков. Несколько упрощая, можно сказать, что у Гомбровича этот не то дьявол, не то бог, верящий только в самые примитивные проявления человеческой природы, именно таков. Единственная его мотивировка — любопытство.

Кольский создал ему прошлое. У Фредерика из фильма была жена-еврейка и дочурка, которую он любил больше жизни, но не смог уберечь от гибели и не решился пойти вместе с ней на смерть. Ему кажется, что в тот момент его охватил примитивный страх, которого он не может себе простить. Теперь он в отчаянии

выплескивает из себя пережитое унижение и страдание, дергая за ниточки человеческих судеб. Он пытается управлять ими, как марионетками, но в конце концов они выскальзывают у него из рук. В итоге Фредерик терпит поражение, так как, играя в свой космический театр, он снова не учел (он все время не допускает до себя эту мысль) человеческого фактора — очищающей силы страдания, которая может перечеркнуть даже самые искусные расчеты из области «имеет» и «должен». Человек непредсказуем, им никогда нельзя полностью манипулировать. Таков оптимистический вывод, который, несмотря ни на что, вытекает из этой трагической истории, рассказанной Кольским.

Но самое странное в этом фильме то, что, отойдя от содержания книги, Кольский отнюдь не изменил духу Гомбровича. Он лишил свой фильм жестокости и беспощадности к людям, но сохранил атмосферу таинственности и нереальности того танца марионеток, каким предстает перед нами жизнь. В создании лишенной реальности атмосферы фильма Кольскому помог замечательный оператор Кшиштоф Птак, показавший мир как бы в ином измерении. Резкие цвета, дрожащий воздух и словно висящая в пустоте первая и последняя сцена фильма с подпрыгивающей то ли в танце, то ли в каком-то приступе радости-отчаяния девочкой, западают в память. Западает в память и прекрасная музыка Зигмунта Конечного. Актер Кшиштоф Майхшак еще в Венеции принимал поздравления с прекрасно сыгранной ролью Фредерика, а на Фестивале польских фильмов в Гдыне ему была присуждена премия за лучшую мужскую роль. Впрочем, как зрители, так и критики считали фильм Кольского чуть ли не единственным кандидатом на главную премию фестиваля. Жюри решило иначе, а многие наблюдатели пришли к выводу, что такое решение было продиктовано нежеланием выпускать на эстраду продюсера фильма Льва Рывина, героя самой громкой взяточнической аферы в Третьей Речи Посполитой.

Яну Якубу Кольскому пришлось довольствоваться зрительской премией «Золотой клакер», однако его фильм подтверждает свой высокий уровень на многих международных кинофестивалях (в частности в Нью-Йорке, Хайфе, Лос-Анджелесе и Генте). Кроме того, фильм «Порнография» стал польским кандидатом на премию «Оскар» в категории «лучший неанглоязычный фильм».

Павел Яблонский

ПОЛЬША ПОЛОНИЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Польские подарки юбиляру

Вклад поляков в развитие Петербурга — общее достижение и общее наследие обеих культур, польской и русской. Поэтому правительство Польши вместе с многочисленными общественными организациями (в том числе с органами местного самоуправления Варшавы, Гданьска, Щецина, Кракова и Познани) решило придать польскому участию в торжествах по случаю 300-летия Санкт-Петербурга официальный статус.

В Польше был создан юбилейный правительственный комитет во главе с министром культуры Вальдемаром Домбровским под почетным покровительством премьер-министра Лешека Миллера. В его состав вошли представители ряда польских министерств (в том числе МИДа и министерства экономики), органов местного самоуправления и польского генерального консульства в Петербурге.

Общими усилиями всех этих лиц и организаций была разработана обширная программа польского участия в праздновании, рассчитанная на весь 2003 год.

Первой из поляков в самом начале года, 6 января, выступила в Санкт-Петербурге всемирно известная певица Эва Подлесь — в концертном исполнении оперы Глюка «Орфей и Эвридика», прошедшем в рамках международного фестиваля «Площадь искусств» Юрия Темирканова. Сегодня Эва Подлесь, может быть, лучшее контральто в мире. Ее с нетерпением ждали и потом — на открытии международного фестиваля камерной музыки «Дворцы Петербурга», но несчастный случай не позволил артистке порадовать петербуржцев еще раз. Слушая ее, публика поверила в магическую силу голоса легендарного Орфея. Зал заворуженно замер с первых же звуков, — восторженно констатировали петербургские музыковеды.

Но первым событием, организованным самой Польшей (на русский «старый Новый год», 14 января), была выставка живописи и графики «Петербургский контрапункт» в особняке Румянцева: были показаны работы Елены Киселевой, художницы, принадлежащей к петербургской Полонии, и литовской художницы Аушры.

Петербургская сцена наконец-то открыла великого польского драматурга Станислава Игнация Виткевича (Виткация), некоторое время жившего в Петрограде (С.И.Виткевич с 1915 г. служил в лейб-гвардии Павловском полку и жил в казарме на Марсовом поле). В Театре сатиры состоялась премьера спектакля «Метафизика двуглавого тельца». В прошлом году ярким событием культуры стала выставка Виткевича-художника, вызвавшая интерес творческой публики города к этой уникальной личности. В результате появился сценический проект «Виткаций в Петербурге».

Хотя Виткевич уже два десятилетия появляется перед глазами российских зрителей, эта пьеса поставлена в России впервые. Прошел «круглый стол» «Творчество Виткевича и Петербург» с участием приехавшего из Москвы Андрея Базилевского, неутомимого переводчика Виткация, а петербургское театроведение представлял выдающийся авторитет в области зарубежного театра проф. Лев Гительман.

Петербургская Полония представила книгу «Афоризмы Виткевича» в переводе Анатолия Нехая.

Прошли очередные польские музыкальные салоны, которые вот уже два года организует генконсульство, возрождая традиции великой пианистки Марии Шимановской. Сюда приглашают известных музыкантов из Польши и Петербурга, которые исполняют польскую, русскую и мировую классику. Зимой выступил пианист Сергей Евтушенко, который, как и его коллега проф. Павел Егоров и музыковед проф. Игорь Мациевский, организует многие совместные с Польшей музыкальные проекты и участвует в них.

Он, например, автор проекта «Врата Иерусалима», осуществленного во дворе Зимнего дворца с участием Кшиштофа Пендерецкого. В прошлом году этот проект стал не только музыкальным, но и общекультурным событием, так как с него началось открытие после реконструкции великолепного входа во двор Зимнего дворца с Дворцовой площади, закрытый с незапамятных времен.

Весной в салоне выступил камерный оркестр Варшавской камерной оперы.

Сами же гастролы этого театра были отмечены постановками в Эрмитажном театре оперы Якопо Пери «Эвридика» и первой в мире оперы (чего в России еще не выдвигали) — «Импресарио в затруднении» Доменико Чимарозы, который одно время был придворным композитором Екатерины II. Это событие важно и тем, что Эрмитажный театр таким образом открыл свой проект восстановления старинной оперы в этом великолепном императорском театральном помещении.

Уже 12-й год в Петербурге проходит Фестиваль нового польского кино, который организует Объединение кино клубов города при активной помощи консульства. Это большие энтузиасты и давние поклонники польского кинематографа. Каждый год фестиваль предлагает около десятка лучших польских киноновинок. (Дай Бог, чтоб и российское кино усилиями каких-то энтузиастов достигло польских зрителей.)

Надо сказать, что с тех пор как генконсулом в Петербурге стал Эугениуш Мельцарек, дела с присутствием в городе польского кино обстоят все лучше. В свое время Э. Мельцарек возглавлял Комитет по кинематографии Польши, благодаря чему у него имеются обширные связи. То приезжал к нам увенчанный «Оскарами» Анджей Вайда, то теперь, на открытие фестиваля, прямо в канун своего «Оскара», — Роман Полянский. А с ним за компанию и кинозвезды — супруги Пазуры.

Это был великий ажиотаж в масштабах всего города. Москва только тяжело вздыхала. Полянский, плененный городом, задержался в Петербурге на четыре дня и был здесь даже в тот день, когда его ждали в Польше, чтобы вручить высшую премию польской кинематографии. В Петербурге состоялась российская предпреьера «Пианиста». На пресс-конференции яблоку негде было упасть, а на просмотре в Доме кино фильм произвел на зрителей огромное впечатление.

В день открытия фестиваля делегация министерства культуры Польши во главе с замминистра Рафалом Скомпским, сидящим плечом к плечу с самым популярным польским кинорежиссером в мире, объявила о главных культурных событиях, которые Польша намерена подарить юбилейному Санкт-Петербургу. И о том, что события, посвященные Петербургу, запланированы и в Польше.

К юбилею города вышла книга Ярослава Ивашкевича «Петербург» в полном переводе Евгения Невякина, осуществленном при финансовой поддержке министерства культуры Польши.

В апреле состоялось торжественное вручение мантии почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета Кшиштофу Пендерецкому. Композитор был глубоко тронут: он чрезвычайно дорожит своими близкими связями с музыкальным миром Петербурга и вообще с этим городом, который всегда его восхищал. В честь нового почетного доктора состоялся концерт в актовом зале университета.

А в июньские белые ночи, уже под знаком своего приближающегося 70-летия, Пендерецкий преподнес нам в Большом зале филармонии замечательные авторские концерты. Прозвучала его Четвертая симфония, а также состоялась российская премьера Секстета и «Псалмов Давида» в исполнении выдающихся виолончелистов Монигетти, Пергаменщикова и Рудина.

В Эрмитаже в те же дни прошла совершенно невероятная для этого музея выставка «Страсть. Партитуры Кшиштофа Пендерецкого». Были представлены удивительные разноцветные графические творения, средствами нотописы воспроизводящие, как видит композитор различные свои сочинения. Директор Эрмитажа М. Пиротровский, всегда готовый к новаторским решениям, мгновенно согласился на «экзотическое» предложение польской стороны.

Состоялся также большой концерт силами КПО «Полония» и Союза поляков с приглашением известных артистов и музыкантов, связанных с польской культурой или корнями, или по творческим пристрастиям.

А в польский праздник Конституции 3 мая звезда польского пианизма, лауреат многих конкурсов Кшиштоф Яблонский дал концерт в БЗФ. Композитор Сергей Слонимский оценил исполненные гостем этюды Шопена даже выше, чем известное каноническое исполнение Нейгауза. Через день там же тему подхватил пианист Павел Егоров — концертом «Шопен и Скрябин».

Краков вместе с министерством культуры Польши сделал подарок Петербургу в виде замечательного концерта оркестра «Simfonia Silesia», одного из ведущих европейских камерных ансамблей, получившего в 1998 г. Европейскую премию культуры. С ним выступал и первый дирижер краковского оркестра Джон Аксельрод.

Варшавский университет отметил юбилей Санкт-Петербурга выступлением своего хора совместно с хором Петербургского университета под управлением замечательного польского дирижера Ежи Максимиюка. Звучали сочинения русских композиторов и современного польского композитора Войцеха Киляра, который пока в России почти неизвестен. Состоялась российская премьера его произведения «Exodus» («Исход»). Киляр — сверстник Кшиштофа Пендерецкого и Миколая Гурецкого. Эта польская «могучая кучка» в свое время взбудоражила музыкальный мир своей страны, который до сих пор не успокоился.

В кульминационные дни юбилея города, в конце мая, в Михайловском манеже прошла городская выставка «300 лет Петербургу. 300 лет во славу России». На ней со своими экспозициями и программами предстали, помимо различных городских структур, еще и консульства, которых сегодня в Петербурге 41.

Польша на стендах и конференциях представила свои юбилейные мероприятия года, издания, рассказала о вкладе поляков в развитие Петербурга. Состоялась дегустация польской национальной кухни. Бигос и фляки под песни фольклорных ансамблей польского землячества «Гаюк» и «Поляне» порадовали не одну сотню людей. Эти

ансамбли участвовали в разных юбилейных акциях, в том числе и в параде национальных общин на Невском проспекте. А несколько раньше город потешил разудалый народный ансамбль песни и пляски «Рацлавице». Если бы еще и гурали добрались до Питера, как в прошлом году!..

С приходом лета состоялась романтическая, по-своему уникальная акция. Впервые совместный культурный проект осуществили страны Вышеградской группы — Польша, Чехия, Словакия и Венгрия. Театральные и музыкальные коллективы, художники, искусствоведы пяти стран, включая Россию, проплыли на белоснежном «Корабле комедиантов» по Волго-Балту от Москвы до Петербурга. По пути в течение недели они выступали в Ярославле, Угличе, Череповце, Петрозаводске, который, кстати, тоже отмечает в этом году свое 300-летие.

Петербургу достался самый большой фейерверк выступлений. Живой интерес прессы вызвал «круглый стол» с участием кинорежиссера Кшиштофа Занусси. Была представлена только что вышедшая в Польше книга «Память. Антология петербургских поэтов», детище известного поэта и переводчика Марек Вавшкевича.

Уровень всей «корабельной» культурной акции подчеркивало присутствие министров культуры и послов «четверки», а также российского министра М.Швыдкого.

Роли поляков в музыкальной жизни Петербурга в течение всей его истории была посвящена 3-я международная конференция «Петербургская музыкальная полонистика». По плодам ее ежегодно издается сборник. Главным действующим лицом конференции, как всегда, был музыковед Игорь Мациевский. Следует упомянуть и местное Шопеновское общество и его председателя Ванду Андреевскую.

Польские книжники побывали в Петербурге на Международной книжной ярмарке. Местных читателей пленили своим творческим и человеческим обаянием знаменитые писатели — прозаик Дорота Тераковская, очень популярный в России фантаст Анджей Сапковский и уже упоминавшийся Марек Вавшкевич, председатель Варшавского отделения Союза польских литераторов.

Были представлены книги на польском и русском языках, среди которых — «Порабощенный разум» Чеслава Милоша, «Религия славян и ее упадок» Генрика Ловмянского. В серии «Петербургская полоника» вслед за томиками «По следам Мицкевича в Петербурге» и «Портреты петербургских поляков» вышла новая книга — «Монюшко в Петербурге» Гжегожа Висневского.

Но, пожалуй, главным книгоиздательским событием стал выход в петербургском издательстве «Блиц» (прямо к открытию ярмарки) роскошного тома «Поляки в Петербурге» — впервые переведенного труда выдающегося польского историка и литературоведа Людвика Базыльёва.

Наконец, в питерской серии «Библиотека полонийного чтения» вслед за Ружевицем, Шимборской, Виткевичем вышел сборник стихов Галчинского. За некоторые его переводы на городском конкурсе молодых переводчиков, куда впервые включили польскую номинацию, была вручена награда.

С неожиданно большим успехом прошел городской историко-краеведческий конкурс «Поляки в Петербурге», проводимый совместно генконсульством, Дворцом творчества юных, полонийной «Газетой Петербургской» и КПО «Полония».

Стоит добавить, что в Польше появился литературный и фотоальбом «Люблю тебя, мой град Петров» — произведение выдающегося польского актера Войцеха Семена и его внучки Каролины.

В июне произошло и главное экономическое польское событие в Петербурге — Национальная хозяйственная выставка. В ней приняло участие свыше ста компаний, приехал замминистра экономики Анджей Шайна.

У этой выставки была и мощная культурная поддержка. Над Невой прогремел концерт «Варшава — Петербург», организованный мэрией Варшавы и польским ТВ с участием петербургского ТВ. В дни кульминации белых ночей оба телевидения снимали на фоне невских набережных выступления звезд польской эстрады перед Петропавловской крепостью. Станислав Сойка, Юстина Стечковская, польская мода и т.д.

Когда-то польские звезды, общаясь с русским слушателем, «заводили» его по-русски, и зал отвечал с огромным энтузиазмом. Теперь замечательная певица Стечковская пыталась зажигать русских репликами по-польски и удивлялась, что не встречала понимания. Только группка крепко сбитых польских парней-борцов, прибывших на турнир, неистовствовала перед сценой. Они в основном и попадали в поле внимания камер, видимо как образ русских «фанов».

Петербургский музыкальный театр «Зазеркалье» впервые в России поставил оперу Монюшко «Verbum nobile».

Так полгода Польша кружила голову Петербургу своим искусством. А до конца юбилейного года запланирован еще каскад культурных польских событий. В Доме дружбы с народами зарубежных стран говорят, что Польша, пожалуй, активнее всех стран по части культурных подарков Петербургу. И это притом, что здесь сильно присутствие и французов, и немцев, и итальянцев, и финнов.

Наталья Будзан

ВАХТАНГОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЛЬШЕ

9 и 10 мая во вроцлавском Центре исследования творчества Ежи Гротовского и театрально-культурных поисков состоялась весьма интересная встреча, подготовленная Катажиной Осинской из Института славяноведения ПАН. Встреча была посвящена творчеству Евгения Вахтангова.

В 1967 г. в Польше был издан сборник произведений Вахтангова, озаглавленный «Поиски». В России появляются все новые вахтанговские публикации, обнаруживаются новые источники. Традиции Вахтангова продолжает московский театр его имени и действующее при нем театральное училище им. Щукина. Среди приглашенных на встречу докладчиков был преподаватель Щукинского училища Андрей Дроздин, который провел в Центре двухдневный курс актерского мастерства. Как сказала частая гостья русских архивов Беатрис Пикон-Валлен, возглавляющая в Париже Институт театроведения, легенда Вахтангова все еще жива в кругах эмиграции. Ближайшие сотрудники Ежи Гротовского Людвик Фляшен и Збигнев Осинский привели слова основателя театра «Лаборатория»: «Мы только напоминаем о том, что когда-то уже было». Действительно, связь мысли Гротовского о «святом» актере и театре как ритуале с вахтанговской идеей театра как храма и поисками в сфере мифа довольно очевидна.

Надежда Лидовская из Братиславского университета говорила об эволюции методов постановки пьес Вахтангова, особенно «Принцессы Турандот». Сценография прошла путь от конструктивистских решений в 20-е годы до игры в почти пустом пространстве, в котором после хрущевской «оттепели» к концу спектакля появлялось множество цветов. В те времена в России начали выходить публикации о Вахтангове, однако это были лишь воспоминания, свидетельства его учеников, косвенные источники. Как правило, тогда старались не показывать всей сложности истинных связей, соединявших Вахтангова с Мейерхольдом, отношения учеников к учителю, к системе Станиславского. Прошлое мифологизировалось, устранялись все шероховатости.

Название конференции («Евгений Вахтангов. Что остается после мастера театра?») свидетельствует о том, что она была посвящена традиции и преемственности в театре. Поэтому много внимания на ней уделялось явным и скрытым последователям Вахтангова.

Живую реакцию вызвало выступление Катажины Осинской на тему связи творчества Тадеуша Кантора с традицией Вахтангова. Тадеуш Кантор, художник, основавший до войны театр «Крико», а на закате лет — пользовавшийся всемирной славой «Крико-2», видел, и даже дважды, спектакль театра «Габима» во время его довоенного турне по Польше. Спектакль «Дибук» всех буквально потряс, о нем говорили в театральных кругах. В последние годы в Польше появились публикации, посвященные еврейской тематике и «Дибук» Ан-ского. В их число входит и статья Катажины Осинской, напечатанная в «Нотатнике театральном», где она ссылается на книгу присутствовавшего на конференции Владислава Иванова «Русские сезоны Театра «Габима», изданную в 1999 г. и подробно рассматривающую традицию постановок «Дибук». Вахтангов поставил эту пьесу на иврите (не зная его). Он относился к голосу актера как к самостоятельному выразительному средству, разбивал фразы, изменял фонетику, компоновал музыку слов; актер играл у него экзотически, надлинностно.

В ходе конференции говорилось также о влиянии, которое оказало на Евгения Вахтангова пребывание в России Гордона Крэга. Вероятно, Вахтангов видел его постановку «Гамлета». Однако прежде всего речь идет о роли «сверхмаррионетки» в театре Крэга. Как подчеркнула Б.Пикон-Валлен, Кантор не желал иметь ничего общего с еврейским театром, с «Габимой», и в интервью с ней прямо-таки отрекся от них. Более того, до войны он работал над переводом «Балаганчика» Александра Блока и под явным влиянием поэта присвоил и приспособил для своих нужд этот термин. Блок писал о своем «анатомическом театре» — следовательно, идея использования актера и манекена пришла к Кантору непосредственно из русской поэзии и театра. Неслучайно в одной из бесед об искусстве с Кшиштофом Миклашевским Кантор назвал Витольда Войткевича своим любимым художником. Желтые арлекины, бескостные паяцы, странные дети — весь этот карнавал Войткевича как будто взят из поэзии Блока (например, из драмы в стихах «Незнакомка»). Подобным образом мог повлиять на его живопись Андрей Белый. Подробнее о связях обоих поэтов с живописью написала Изабелла Малей в книге «Синдром «Балаганчика», или Русский символизм и арлекинада» (Вроцлав 2000).

Катажина Осинская представила глубокий анализ функции «невесты», символизирующей в произведениях Кантора разложение и смерть. В «Дибук» в невесту вселяется дух умершего возлюбленного, она начинает говорить не своим голосом, последние же слова Дибук в спектакле «Я сюда никогда не вернусь» стали заглавием канторовского спектакля о смерти Всеволода Мейерхольда. Один из самых важных этапов своего творчества Кантор называл театром смерти. Если мы попытаемся ответить на вопрос, заключенный в названии конференции, то, по мнению Осинской, от теории постановки Вахтангова или Мейерхольда ничего не останется, зато всегда останется вопрос ведения актера, актерской техники, о которой задумывается каждый крупный театральный мастер.

Случай поговорить о роли Вахтангова представится как в этом, так, скорее всего, и в будущем году благодаря новой театральной постановке «Дибук», осуществленной режиссером Кшиштофом Варликовским в варшавском театре «Розмантисти» на основе пьесы Ан-ского и рассказа Ханны Краль. В октябре этот спектакль будет показан на вроцлавском Международном театральном фестивале «Диалог».

ЮБИЛЕЙ КОМПОЗИТОРА И МУЗЫКОВЕДА

Витольду Рудзинскому исполнилось 90 лет

В марте 2003 г. музыкальная Польша торжественно отмечала 90-летие профессора Витольда Рудзинского. В Обществе польских музыкантов, в музыкальных школах, учреждениях, но прежде всего в Варшавской музыкальной академии им. Ф.Шопена, проходили встречи, концерты, научные сессии, посвященные юбилею профессора — почетного доктора этого столичного музыкального вуза, воспитателя нескольких поколений музыкантов, автора разнообразных по жанру сочинений (в том числе известных опер: «Крестьяне» по В.Реймонту, «Последний прием греческих послов» по Я.Кохановскому — I премия им. принца Ренье в Монте-Карло в 1963 г., «Янко-музыкант» по Г.Сенкевичу), теоретика, автора книг, посвященных Станиславу Монюшко (переведена на русский язык в 1960 г.) и популяризации музыки («Музыка для всех», «О музыке по радио — как слушать музыку»), таких теоретических трудов, как всемирно известное «Учение о ритме в музыке», и мн. др. От друзей и воспитанников академии профессор получил сборник научных работ «Музыка — искусство победы над временем. Витольду Рудзинскому к 90-летию». «Новая Польша» также решила включиться в празднование юбилея, обратившись к одному из старейших представителей польской музыки с вопросами о его жизни, музыкальной деятельности, творческих планах.

Витольд Рудзинский: Я родился 14 марта 1913 г. в Себеже — небольшом городке, который, как вспоминал мой отец, польский врач-кардиолог Генрих Антонович Рудзинский, во времена польского короля Стефана Батория находился на самой польско-русской границе. Дедушка мой был

директором депо Московско-Курской железной дороги. Благодаря этому я был крещен в Москве, в католическом приходе свв. Петра и Павла, жил в Петушках на Клязьме (тех самых, о которых писал незабвенный и у нас, в Польше, Венедикт Ерофеев), а когда мне исполнилось девять лет, в 1922 г., мы с частью семьи переехали в уже польский Вильно, называвшийся тогда Вильно.

Во времена моего детства Вильно было совершенно провинциальным городом. Не было почти ни одного театра, не говоря уже об оперном. Зато был университет, основанный Стефаном Баторием и сохранявший высокий уровень обучения до 1939 года. В Вильно жил и творил создатель первой польской национальной классической оперы Станислав Монюшко, жизнь и творчество которого позже я описал во многих своих книгах. Большое значение имела также

классическая гимназия им. короля Сигизмунда Августа, воспитавшая целую плеяду высокообразованных, заслуженных для польской культуры и науки людей, среди них Генрика Ловмянского — моего двоюродного брата, автора шеститомника «Начало Польши», при издании которого, будучи по призванию славистом, я помогал, внося корректурные поправки. Существовала также Музыкальная консерватория им. М.Карловича. Я счастлив, что мог учиться и закончить эти школы.

— Как в 50-е годы складывались ваши отношения с советскими музыковедами, теории которых вы представляете, например, в учебнике «Теория ритма в музыке»; с переводчицей «Монюшко»? Довольны ли вы этим переводом?

— Переводом я не совсем доволен, так как основное внимание обращалось на общественно-политические, а не на музыкальные вопросы,

Витольд Рудзинский.

включая роль Станислава Монюшко в развитии польской национальной оперы, что было моей главной целью... Возможно, что тогда нельзя было иначе.

В контактах же с другими коллегами мне повезло. С Игорем Бэлзой, например, исключительным человеком, эрудитом, прекрасно говорящим по-польски, меня соединяла многолетняя дружба и сердечные отношения. С ним можно было говорить обо всем. Хорошо вспоминаю я также Валентину и Юрия Холоповых, Бориса Спасова. В.Холопову мы даже предлагали в качестве оппонента докторской диссертации моей аспирантки Мечиславы Демской. К сожалению, не получилось. Но вообще я не припоминаю никаких трудностей в наших контактах. Приезжая на «Варшавскую осень», они часто бывали у нас дома, или я ездил в Москву по приглашению Союза советских композиторов. На одной такой встрече оказалось, что я был самым старым москвичом, ибо, как я уже говорил, меня крестили в Москве. В Москве же до сих пор живут мои родственники. Там же 45 лет назад я женился на Нине, урожденной Ревенской, моей верной подруге жизни.

— Вашей страстью всегда была музыка и стремление приблизить ее другим, что выражалось и в ваших работах, и в деятельности на разных постах — проректора Варшавской консерватории, директора Филармонии, директора Музыкального департамента и т.п. Как вы сейчас оцениваете эту работу, что, по-вашему, удалось сделать?

— Я думаю, многое. Прежде всего благодаря моим стараниям — начатым еще в Свентянах, где я впервые руководил музыкальной школой в 1937 г., и до последних названных вами постов — удалось, например, ввести в радиопрограммы и программы общеобразовательных школ обучение тому, как воспринимать и слушать музыку, развивать любовь к ней. Раньше дело ограничивались пением и — в некоторых школах — игрой на музыкальных инструментах. Никого не интересовало, как относятся к музыке и что чувствуют школьники.

В течение 15 лет, с 1969 г., в Варшавской музыкальной академии мне удалось организовать своеобразную форму аспирантуры, которая, в отличие от других этого типа вузов, была доступна для всех заинтересованных, а четырем десяткам выпускников высших музыкальных школ помогла защитить диссертацию на ученую степень кандидата наук. Как писали тогда, аспирантура при Варшавской высшей музыкальной школе имела огромное значение в области повышения научной квалификации преподавателей музыкальных школ и смене статуса высших музыкальных школ на статус академий. Подробнее об этом писал проф. Людвик Белявский в журнале «Рух музичний» (1998, №14). Как мне известно, в последнее время эту аспирантуру в Варшаве стараются восстановить.

— Перейдем к вашей другой любви — опере. Как известно, чтобы написать оперу, вы и поступили в консерваторию. Вы написали восемь опер, кантаты, оратории, симфоническую поэму. Над чем вы сейчас работаете, что хотели бы еще сделать?

— Действительно, я очень люблю оперу. В детстве я видел фильм «Фауст» с музыкой Гуно, который произвел на меня незабываемое впечатление. Сейчас я пишу девятую оперу в одном акте и трех картинах «Гаспар Руис» по рассказу Джозефа Конрада, который я впервые прочитал в 1939 году. Уже тогда я обратил внимание на этот рассказ, густоту обстоятельств, некоторую алчность в характере героев, и одновременно универсальные проблемы, такие как любовь, верность, самоотверженность. Действие рассказа происходит в Перу, среди арауканской молодежи. Над этой оперой я работаю второй год совместно со Станиславом Карашевским (автором либретто), моим другом, известным поэтом, автором текстов моих песен для детей. Избранные арии и хор уже исполнялись Польским молодежным хором и солистами на концерте в Варшавской академии. Очень бы хотелось быстрее ее завершить и поставить целиком.

Беседовала Тамара Монко-Эйгенберг

САМАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ—ТВОРИТЬ

Беседа с Павлом Хюлле

— Ваш первый роман «Вайзер Давидек», изданный в 1987 г.¹, немедленно был объявлен «книгой десятилетия». Дождался он и хорошей экранизации в постановке Войцеха Марчевского. Это ис-

тория группы двенадцатилетних детей из гданьского района Вжещ, которая летом 1957 г. переживает необыкновенное, волшебное приключение. Главный герой, еврейский мальчик, — личность со сверхъестественными возможностями. Он доминирует в группе своих сверстников и становится их проводником по городу. Он открывает им дух этого города — позволяет прикоснуться к его тайне, но только прикоснуться. В чем состояла эта тайна?

— Главный герой Давид проходит метаморфозу, в которой сам отдает себе отчет. Из классического преследуемого, отщепенца он становится лидером, привлекает своих сверстников не тем, что обычно типично в такой группе: он из них физически не самый сильный. Но в нем есть то, чего нет у других, — духовное превосходство. Если перевести это на язык более широкого плана, можно было бы сказать, что на стыке христианских культур мы, поляки, в большой степени должники более древней культуры Писания. Рассказчик тридцать лет спустя в каком-то смысле это осознаёт. Роль Давидека Вайзера состояла в том, в чем состоит роль Библии: она не дает нам решений, а только рассказывает, позволяя человеку прикоснуться к Божией действительности. Суть текста как откровения в том и состоит, что кто-то, чаще всего пророк или Писание, говорит нам о том, что возможно и что есть призвание человека. Что же такое тогда эта тайна? Это само существование, та-

инственное и необъяснимое. Вайзер заставляет рассказчика осознать, что бытие и жизнь — неочевидный факт. Переводя это в свою очередь на язык географии города, можно все повествование истолковать как сознание рассказчика, польского мальчика, родившегося уже после войны в Гданьске — в таком удивительном и особом городе, где история является нам в виде черной дыры, пульсирующей, нечленораздельной бездны.

Были здесь когда-то кашубы, а теперь их нет. Конечно, физически они существуют, но осязаемых следов их культуры нет. Были крестоносцы — остались лишь некоторые следы. Потом была купеческая республика, о которой писал Норман Дэвис как о немецкой жемчужине в польской короне. Потом Гданьск заняла Пруссия, и следа от республики не осталось. После из этого города исчезли всегда там жившие поляки и евреи: этнические чистки, немцы совершают массовые убийства. А каких-то несколько лет спустя нет уже следа и от немцев. Вновь исчезает целая большая формация, хотя не все было разрушено. Нет языка и людей. Внезапно начинает звучать польский, белорусский, русский язык. В Гданьске все время что-то исчезает и появляется, а основополагающий вопрос звучит так: существует ли какая-то непрерывность и какое-то единое самосознание во всех этих переменях? В этом в свою очередь состоит тайна города, в которую вводит мальчиков Вайзер, позволяя им осознать многозначность их ситуации.

— Почему, как нарочно, о бывшем немецком городе больше всего знает еврейский ребенок?

— Это можно было бы истолковать как исторический парадокс, но тут важно не только его происхождение. Вайзер — прежде всего отщепенец. Есть такие дети, которые знают больше других, и это не обязательно еврейские дети. Отщепенец — классический герой европейской литературы по крайней мере со времен романтизма. Об этом много писала проф. Мария Янион.

— На какую память можно опираться в таком городе, как Гданьск?

¹ По-русски вышел в 1990 г. в журнале «Иностранная литература» (пер. В.Климовского), отдельной книгой — в издательстве «Азбука-Классика».

— Ни на какую не обопрешься, что и сегодня зримо и болезненно. В России схожее положение с Калининградом. Мне кажется, что там пространство города тоже очень отличается от классического российского пространства, это отличие воспринимается как иной род организма. С Гданьском дело обстоит иначе: он всегда входил в польское культурное сознание. Со старопольских времен до конца XVIII века, т.е. до третьего раздела Речи Посполитой, Гданьск был необычайно известен и популярен, хотя имел статус вольного города. Потом эта непрерывность — прежде всего духовная, ибо стены можно восстановить, — была прервана. На какие ценности старого Гданьска могли бы мы сегодня опираться? Купеческие или республиканские — ценности самоуправления? Рассмотрев их сегодня, мы обнаружим, что эта бывшая демократия городской республики была демократией олигархии и не так уж она привлекательна. Конечно, все вместе складывается в определенный миф, ибо в стенах города мы этого уже не найдем. Это не Краков, не Москва или Петербург, где стены несут память поколений, несмотря на страшные перемены типа коммунистической перековки. Очень важно, что у того же самого камня, мимо которого мы проходим каждый день, допустим, по пути на трамвай, двести лет назад стоял писатель, язык которого был нашим языком. В Гданьске этого очень не хватает. Отсюда возникает острая проблема духовного овладения этим пространством — задача моего поколения. Мои родители были изгнаны со своих «малых родин», искали здесь возможности выжить, стали на якорь, но не пустили корней. Пожалуй, на протяжении многих лет они даже не любили этот город, хотя физически, географически он очень привлекателен. А я здесь родился. Поиски общей памяти, говоря метафорически, были задачей моего поколения. «Вайзер Давидек» был моим сделанным домашним заданием, записью определенной работы сознания. Когда в Кракове сын идет с отцом по Каноницей улице и спрашивает его: «Что тут было?» — отец спокойно отвечает: «Тут была мастерская Выспанского, а дальше жил Ян Длугош». В Петербурге отец покажет: «Вот здесь писал свои романы Достоевский, а здесь погиб царь, убитый народовольцами...» Когда мы задавали такие вопросы родителям в Гданьске, то они либо не знали, либо не хотели этим интересоваться. Жива была фобия к немцам, кстати, вполне понятная. Немцы совершили здесь такие чудовищные преступления, что эта враждебность была очевидной и оправданной. Поколение моих родителей не хоте-

ло ничего немецкого. А у нас это уже выглядело иначе. Был ряд вопросов, на которые мы не могли найти ответа. Все наше детство и раннюю молодость мы открывали особость этого города, насыщенного несколькими пластами культур.

— *Ваш гданьский коллега Стефан Хвин считает, что «не Гданьск создал писателей, а писатели создали Гданьск. Гданьск Грасса или Хюлле — город, который существует только в воображении». Согласны ли вы с этим?*

— Да, в значительной степени согласен. Я осознал это, когда один знакомый режиссер приехал искать пленэры для съемок фильма по роману «Мерседес-Бенц». Идет он по описанной мною улице и говорит, что пейзаж банален, поворачивает на другую — и опять банальность. А когда он читал книгу, все казалось ему таким ни на что непохожим. Быть может, в этом и состоит сила литературы. Она создает элементы вымысла, мифологизируя действительность в благородном смысле слова. Думаю, что Петербург без Достоевского был бы другим городом, как Дублин без Джойса или Нью-Йорк без Пола Остера. Роль литературы — творить.

— *Иосиф Бродский свой родной Петербург называл переименованным городом. Гоголь употребил более резкое выражение, назвав Петербург иностранцем в своем отечестве. А что с Гданьском?*

— С польской точки зрения слова Гоголя отчасти подошли бы Гданьску. Это был город, где поляков всегда было довольно много, хотя 600 лет назад им завладели богатые немецкие купцы, которых наш первый гданьский владыка призвал, чтобы расширять торговые связи. Это была колония из Любека — первая; потом прибывали шотландцы, французы, широко звучал и фламандский язык. XVI-XVII века — два замечательных столетия гданьского богатства; Норман Дэвис назвал Гданьск тех времен Нью-Йорком Северной Европы. У польского шляхтича, который хоть раз в жизни хотел поехать в Гданьск и чаще всего плыл туда по Висле, со своим зерном и своим управляющим, возникало впечатление, что он въезжает в космополитический Вавилон, место грешных развлечений, невероятно богатства и огромного размаха. В XVII веке Гданьск насчитывал около 50 тыс. жителей, в то время как Париж — только 30 тысяч. О Гданьске можно сказать, что он был иностранцем, но освоившимся, говорившим по-польски с чужеземным акцентом. Приведу пример: в XVI веке, во время войны короля Стефана Батория с Гданьском, Сейм не

мог утвердить подать на эту войну, так как имел право утверждать подати на войну с внешним врагом, а не с городом, граждане которого были гражданами Речи Посполитой.

— *Борис Пастернак утверждал, что поэтическое творчество — это всего лишь припоминание впечатлений детства. Профессор Ян Блонский, которого считают «князем литературной критики» в Польше, говорил о вас как о писателе воспоминания и мечтания. Создаваемый вами мир — как в «Вайзере Давидеке», так и в сборниках рассказов — глубоко погружен в детство. Доказывает ли это, что слова Пастернака относятся и к прозаикам?*

— Пожалуй, да. Детство — это период, который неосознанно становится человеческим капиталом на будущее. В детстве глубокие духовные структуры открыты, позднее мы в основном утрачиваем это свойство. Входя в систему отношений жизни взрослого человека, мы перестаем быть мечтателями. Пожалуй, художник — это тот, кто никогда не утрачивает детской восприимчивости, потому-то он и бывает психически неустойчивым. Говорил же Гомбрович, что за художником скрывается ребенок.

— *Вы цените Томаса Манна и Достоевского, ибо они сумели сосредоточить основополагающие вопросы своей эпохи. Чего сегодня не хватает — основополагающих вопросов или, может быть, гениальных писателей, которые сумели бы создать синтез нашего времени?*

— Сегодня основополагающие вопросы взяла на себя наука, особенно в таких областях, как физика и астрофизика. Я стараюсь следить за этим, насколько в состоянии понимать. После периода пионерской радости рубежа веков, радости, что скоро мы уже будем знать все о материи — а этим вопросом человечество задается с колыбели, — сейчас оказывается, что тайна от нас ускользает, что ее открытие все отодвигается; парадокс Сократа: зная все больше, мы знаем все меньше. Литературе же сегодня особенно нечего сказать. Если говорить об общественной жизни и переменах в ней, то можно вспомнить Манна, который предвидел фашизм, и Достоевского, который писал Легенду о Великом Инквизиторе, видя тень наступающих событий; но сегодня эти области обслуживает социология. Хотя сам я предвижу массовое обращение к духовным и религиозным вопросам и чувствую, что литература пойдет в этом на-

правлении. В наше время самая главная область искусства — кино, которое смотрит весь мир.

— *А не следовало бы кинематографу опираться на хорошую литературу?*

— Следовало бы. Но, с другой стороны, я замечаю одну недобрую тенденцию: критики среднего поколения используют такой подход, как раньше в соцреализме: современной литературе положено-де быть такой-то и такой-то, писать надо о том-то и о том-то, например о безработице, педофилии, клонировании...

— *В вашем последнем романе «Мерседес-Бенц» читателя захватывает высокое искусство повествования. Вы вслух признайтесь в сознательной стилизации. В «Вайзере Давидеке» это был стиль Грасса...*

— Простите, перебую. Нет никакой связи между «Вайзером Давидеком» — в стилистическом смысле — и творчеством Грасса. Тут я с вами не согласен. Достаточно взять любую страницу текста Гюнтера Грасса и моего. Есть другой мостик: книга — ответ на другую книгу, и в этом смысле согласен; это сознательный диалог, вступление в разговор.

— *В романе «Мерседес-Бенц» вы, можно сказать, заводите диалог с Богуславом Грабалом.*

— В этом романе действительно есть сознательная стилизация некоторых текстов Грабала. В «Мерседесе» это что-то вроде пастиша или шутки.

— *Тем не менее роман не стал пастишем. Как это вам удалось?*

— Пастиш предполагает стилистический блеск и пародийный элемент. А как мне это удалось? Не знаю. Может, все-таки из любви к этому гениальному болтуну, настоящей любви к его книгам, к его духу повествования.

— *Чеслав Милош в качестве наблюдателя польской литературы отметил, как устойчива травма изгнания из родных мест, даже если это места, которые помнят только родители или родители родителей. В романе «Мерседес-Бенц» мы видим Львов, Мостицы и дедовское поколение. Травма это или ностальгия?*

— Для меня — скорее ностальгия, но для дедовского и родительского поколения это была травма. Невообразимый катаклизм, разразившийся в центре Европы, катаклизм, последствия которого ощущаются и сегодня. Обратите, пожалуйста, внимание на необычайную напряженность в нынешних польско-немецких и чешско-немецких отношениях по вопросу послевоенного изгнания немцев: какие идут споры и манипуляции вокруг проекта музея изгнан-

ных, какие слова раздаются из уст Эрики Штейнбах, родившейся в оккупированной Польше. В той самой Польше, о которой ее соотечественник Ганс Франк остроумно сказал, что если бы все казни поляков совершать через повешение, то здесь вскоре не хватило бы деревьев. Послевоенную Европу можно сравнить с пациентом, который попал в тяжелый несчастный случай, потом перенес несколько операций, но уже никогда не будет таким ловким, чтобы ездить на лыжах. Такой пациент — европейская духовность. В рассказе «Gute Luiza» я говорю об этой характерной симметрии: часть Европы погибла в немецких лагерях, часть — в советских, а потом в результате решений, принятых в Ялте, наступил всеобщий исход. Но деревьев безнаказанно не пересаживали, а делали это в масштабах, до тех пор в Европе не встречавшихся. Переселения из страны в страну всегда характеризовали европейцев, но это были длительные процессы.

— *О Галиции рассказчик романа говорит с ностальгией. Потому ли, что она символизировала независимость 1920-х, времена Второй Речи Посполитой?*

— С исторической перспективы, наверное, так и было, хотя на протяжении 50 лет коммунизма Вторая Речь Посполитая была грезой. Это государство не было ни идеальным, ни материально благополучным, ни вполне демократическим, ни таким, о каком мечтали поляки в эпоху разделенной Польши, но при немецкой и советской оккупации и позднее, в том странном государстве под названием ПНР, оно выросло до уровня мифа, хотя Чеслав Милош неоднократно предостерегал от идеализации тех времен. Он издал замечательную книгу «Возвращение в [межвоенное] двадцатилетие». Первое, что я сделал, — купил эту книгу моему сыну, чтобы он мог осознать некоторые вещи. Воспоминание о Галиции в моем романе — действительно воспоминание с мягкими контурами, но у меня солидное алиби в пользу моего рассказчика: он же говорит о судьбах двух людей, бабушки Марии и деда Кароля, у которых за всю их долгую жизнь были всего эти два десятка лет счастья. Эти годы ушли и больше никогда не вернулись. Потом были Освенцим и Катыльма. Неужто я должен выговаривать им за это? Разоблачать их, как Павлик Морозов? Наверняка история о рабочих или крестьянах той эпохи была бы более суровой и жесткой. Но я не обязан писать обо всем. В этой книге я говорю о двух людях, которым на некоторое время жизнь подарила смысл, гармонию, любовь — счастье.

— *От «Вайзера Давидека», изданного в 1987 г., до романа «Мерседес-Бенц» (2001), прошло 14 лет, и этого хватило, чтобы*

принизить символ Гданьска в вашей прозе; из Аркадии детства он стал городом подзрительной красоты. Почему?

— Я сравнил бы это с любовной связью мужчины и женщины — с точки зрения мужчины, ибо только она мне известна. Женщина может быть красавицей на протяжении многих лет; тем не менее, когда живешь с ней, замечаешь морщины, количество пудры и множество косметических мер, к которым она вынуждена прибегать, чтобы по-прежнему выглядеть привлекательно. Я вижу в Гданьске эту пудру, эти морщины и всю ту убыль, которой не заметит тот, кто приезжает сюда ненадолго. Вдобавок город утратил свой исторический разгон. В 80-90-е годы здесь происходило невероятно много вещей, важных для всей страны, а теперь город живет только мифами прошлого, прежде всего мифом «Солидарности». Не забудьте, пожалуйста, что мой роман по сути дела реалистический: через призму курсов вождения он показывает, как труден Гданьск для жизни с точки зрения жителя и автомобилиста. Когда-то я опубликовал в газете «Жечпосполита» статью, предлагая пересмотреть мифы этого города, начав с демифологизации понятия города патрициев. Гданьск был городом быстрых финансовых карьер, больших денег, которые следовало немедленно пускать в оборот. Культуру здесь рассматривали как своего рода украшение, витрину, всего лишь довесок.

— *В «Мерседес-Бенце» есть сцена сноса памятника — советского танка Т-34. Против этого протестуют ветераны Народной Армии, Гражданской Милиции, ЗОМО [польского ОМОНа]... Рассказчик, глядя на этих жалких ветеранов, приходит к выводу, что это символ не столько власти, сколько утопии, в которую они не переставали верить. А может, это был рефлекс поклонников сериала «Четыре танкиста и собака»? Ведь мы, родившиеся в ПНР, воспитывались на культе Янека Коса и «Рыжего».*

— Можно и это считать ностальгией. Я сам, когда вижу старую «Сирену» — неуклюжий, смешной автомобильчик, выпускающий неимоверное количество выхлопных газов, — вижу в нем свою молодость, бесповоротно ушедшее время. Возможно, у тех, кто протестовал против сноса советского танка, были и такие чувства, но сам факт, что они протестуют, — символ наступивших в Польше перемен. Немалая часть общества считала, что памятники прошлого ликвидировать не следует, каковы бы они ни были. Обратите, пожалуйста,

ста, внимание, что в моей книге описана довольно невинная ситуация; а вот когда протестовали против сноса памятника Дзержинскому, который был несомненным преступником, тоже раздавались отдельные голоса: нельзя-де сносить, потому что это тоже наследие. Рационально глядя, нельзя защищать все, что относится к прошлому, только потому, что оно символизирует его. А этих протестующих пенсионеров в своем романе я изобразил слегка сюрреалистически. Но в Гданьске есть еще один танк, советский Т-34, хотя и с польскими опознавательными знаками: он стоит напротив Медицинской академии и, видимо, уже останется там навсегда, хотя бы по той причине, что жители Гданьска сочинили о нем пророческий анекдот: он выстрелит среди бела дня, когда студентка, заканчивающая академию, окажется девственницей. 50 лет стоит танк и еще ни разу не выстрелил...

Когда-то возле обоих танков устроили мемориальные скверики с портретами Сталина и Рокоссовского и красными звездами. После «оттепели» 56-го года скверики ликвидировали, а танки остались.

— *Ваш последний сборник рассказов вышел под впечатляющим заглавием «Я был одинок и счастлив».*

— Сразу поправлю: это не новый сборник, а выбор из прежде издававшегося. Несколько рассказов говорят о детстве — и, в общем, это такая ностальгическая картинка детства. Сам заголовок — цитата из рассказа «Улитки, лужа, дождь», где рассказчик описывает, как он бродил в галошах по уличным потокам от проливного дождя. В своем воображении он видел карту континентов, вначале чувствовал себя Богом, творил острова — попросту играл. И тогда он почувствовал, что одинок и счастлив: это был такой экзистенциальный момент, какой помнит с детства каждый впечатлительный человек, — момент общения с природой, когда хочешь быть одиноким, испытывая при этом несказанное счастье. Мы один на один с материей, с природой, с Богом — это момент медитации. Если бы рассказчик описывал то же самое с точки зрения взрослого человека, он называл бы все по-другому, а ребенок чувствовал, что он одинок и счастлив.

— *Вы приехали на нашу встречу из деревни, где пишете новую книгу. Можно узнать, что это будет теперь?*

— Трудно мне сказать прямо сейчас, будет ли это новелла или микророман. Во всяком случае это

основано на одной фразе из «Волшебной горы» Томаса Манна. Эти слова звучат во второй главе первого тома, где повествователь рассказывает биографию Касторпа до того момента, как тот отправился в Давос навестить больного туберкулезом двоюродного брата Иоахима. Эта фраза такова: «Позади остались четыре семестра, проведенные им в Данцигском политехникуме». И всё — больше ничего об этом не говорится. Меня многие годы эта фраза электризовала, до такой степени, что в свое время я написал краткое эссе «Касторп», где, играя с разными мотивами, предположил, что существует потерянная глава «Волшебной горы» о пребывании Касторпа в Гданьске, которую Манн по разным причинам потом решил не включать в книгу. Теперь я пишу вариации на эту тему — еще раз подчеркиваю: вариации! Это опять-таки не пародия, не подмигивание, что вот, мол, в лавке древностей нашлась рукопись, и не притворство, будто Манн написал этот текст. Это вариация, то есть попытка поднять мимолетно упомянутую в «Волшебной горе» тему, задуматься над Касторпом в манновском философском понимании: что мог бы он сделать, а чего не сделал бы, с кем встречался бы, какие у него были бы настроения, как вел бы он себя перед лицом нарастающего немецкого шовинизма, ибо это годы перед самой I Мировой войной. Есть определенный сигнал, позволяющий развивать такого рода спекуляции: Томас Манн крайне увлекался Польшей и Россией, что видно во многих его произведениях то открыто, то закамуфлированно, хотя литературу, как польскую, так и русскую, знал недостаточно. С точки зрения его духовности, восток Европы весил очень много. Вероятно, отсюда и взялось обучение Касторпа в Гданьске, где пролегалла граница между Востоком и Западом и где мощно веял восточный ветер.

Я пишу историю Касторпа, разумеется, имея свою гипотезу на этот счет. Сюда вплетены две линии — польская и русская, они находятся в одном слое романа; другой связан с изумительной песней Шуберта.

— *Жаль, что «Новая Польша» не печатает нот...*

Беседу вела Сильвия Фролов

Дорогие друзья!

Сначала Ваш журнал «Новая Польша» заинтересовал меня потому, что по материнской линии я происхожу из старинного рода Домбровских из Кракова. В детстве бабушка любила меня больше всех остальных внуков, но когда она умерла, мать стала упрекать отца в том, что он русский. Пришлось мне и моему брату страдать из-за национальной междоусобицы родителей. Эта национальная междоусобица в семье научила меня искусству видеть достоинства разных народов. Польшу я люблю за Шопена и Мицкевича, Украину — за Шевченко и Лесю Украинку, Россию — за Ломоносова и Екатерину Воронцову-Дашкову. Чехию я люблю за то, что неизвестный мастер, живший 700 лет назад, подарил мне обложку для моей книги стихов. Болгарию — за то, что она хранит в себе ещё непознанное европейцами чудо своей музыки. Сейчас я тружусь над осмыслением болгарского музыкального чуда. А Ваш журнал блещет культурой, и я провела в библиотеке счастливые часы, знакомясь с ним. Как прекрасен Ваш «старосветский» поэт Чеслав Милош, провозглашающий свое философское кредо: «Я не владею и не хочу владеть истиной. Мне пристало странствовать по окраинам ереси...» В молодости я ощущала мир приблизительно так же, но 90-летний лауреат Нобелевской премии и сегодня моложе меня, хотя по возрасту я гоюсь ему в дочери. Не могу утерпеть, чтобы не выразить свое почтение к проф. Барбаре Скарге — профессиональному философу. Её жизненный подвиг, её колоссальный интеллект вызывают изумление. Дай ей Бог доброго здоровья!

В №2 за 2002 год статья Владислава Бартошевского о недавней советской истории впечатляет истинно польской гражданской доблестью. Его теория жертвы заставляет пересмотреть многие жизненные взгляды. Я бы с удовольствием посетила возглавляемый им польский ПЕН-Клуб, но неизвестно, когда я смогу приехать в Польшу. Буду рада получить письмо от кого-нибудь из коллег, знающих русский язык. Мне же, знающей чешский, польский понятен, но говорить на нем я не могу. Мне и так пришлось выучить в свои 52 года болгарский язык ради творческой задачи написать монографию о Болгарском Царстве.

С пожеланием всем Вам счастья

Лада Одинцова

г. Москва

В прошлом номере «Новой Польши» в статье «Очень молодое кино» не была упомянута фамилия беседовавшего с Малгожатой Шумовской Яна Стшалки. Редакция приносит Яну Стшалке и читателям свои извинения.

Редакция приносит извинения автору статьи о Жаке Росси Александре Лейнванд за искажение ее фамилии в №10 «Новой Польши».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

П.Вежбицкий об Артуре Рубинштейне
Л.Колаковский о разуме и прочем
Беседа с Ежи Штуром
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Рассказы Михала Гловинского
З.Флорчак об искусстве ладить с соседями
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
А.Вайда о своем пути
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Анджей Цолль, Яцек Возняковский
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Мандальяна, Подсядло и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиография.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

OPROTOKENK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

